

lt. sing.
372
&

4 It. sing. 372 f

<36628352400013 S

<36628352400013

Bayer. Staatsbibliothek

19

Генералъ Бергъ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

О

ПОѢЗДКѢ

ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ.

Н. Л. Гондатти.

ТИПОГРАФІЯ А. А. КАРЦЕВА

Коммисіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологін и Этнографін.

Москва. Покровка, д. Егорова.

1888.

5/22

Bayerische
Staatsbibliothek
München

4195/50481

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

О ПОѢЗДКѢ

ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ.

Въ 1885 году, отправляясь въ Сѣверо-Западную Сибирь, главнымъ образомъ, съ цѣлью производства антропологическихъ изслѣдованій надъ ея населеніемъ, я получилъ отъ Высочайше учрежденнаго Комитета по устройству въ Москвѣ Музея Прикладныхъ Знаній порученіе составить коллекцію по этнографіи мѣстнаго края. Принявши съ удовольствіемъ такого рода порученіе я старался вездѣ, гдѣ только могъ, доставать матеріалы и предметы, особенно имѣющіе отношеніе къ промышленной этнографіи, отдѣлъ которой существуетъ въ Музеѣ.

Низкій уровень культуры инородцевъ и не особенно высокій—мѣстныхъ русскихъ служитъ причиною того, что и теперь предметами торговли съ обѣихъ сторонъ являются тѣ-же самыя вещи, которыя служили соединяющимъ звеномъ еще между древними Новгородцами и прежними обитателями Зауралья—тотъ-же пушной товаръ съ одной стороны и металлическихкія издѣлія съ другой; только къ мѣхамъ теперь присоединилась рыба, а къ металламъ—ситцы, сукна, водка, огнестрѣльное оружіе и разныя мелкія подѣлки. Какъ прежде, такъ и теперь, торговля ведется, преимущественно, мѣновая и главными дѣятелями здѣсь являются русскіе, потомки дружинъ Ермака; затѣмъ поселенцы прежнихъ временъ и настоящихъ—добровольные и невольные; наконецъ, евреи,—однимъ словомъ, всѣ обитатели Березова, Обдорска и вообще селеній, распо-

женныхъ по р. Оби и по ея притокамъ. Въ послѣднее время число торгующихъ увеличилось: стали ѣздить Тобольскіе купцы, преимущественно ради рыбной ловли, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ везутъ съ собою и всѣ припасы, необходимые въ жизни инородца; стали среди самихъ инородцевъ встрѣчаться такіе, которые, познавши всю прелесть торговли и ея выгоду и имѣя нѣсколько денегъ или довѣріе со стороны русскихъ, начинали собственное дѣло, но, главнымъ образомъ, появилось изъ Зауралья множество зырянъ, которые понемного захватываютъ въ свои руки всю торговлю и дѣлаются опасными конкурентами русскихъ и иныхъ торговцевъ тѣмъ болѣе, что по образу жизни зыряне имѣютъ гораздо болѣе общаго съ инородцами, особенно съ оленеводами, чѣмъ Русскіе, и это даетъ имъ, понятно, большое преимущество передъ ними.

Опредѣленныхъ мѣстъ торговли, за исключеніемъ Обдорской ярмарки, происходящей въ декабрѣ и январѣ, не имѣется, а обыкновенно, при наступленіи зимняго пути, торговецъ, снарядивши двое—трое саней, а иногда и однѣ, нагруженные разными тканями, металлическими издѣліями и, главнымъ образомъ, водкой, отправляется по юртамъ и чумамъ и предлагаетъ свои услуги, которыя въ это время принимаются доволно охотно, особенно если лѣто было удачно и рыбная ловля шла хорошо; затѣмъ второй объѣздъ совершается въ декабрѣ, когда инородцы—охотники вышли изъ лѣсовъ со своей добычей, а оленеводы уже пришли съ отдаленнаго сѣвера или съ далекихъ горъ, и, наконецъ, послѣдній разъ—весною, когда наступаетъ пора наста, когда охотятся за лосями и дикими оленями, шкуры которыхъ и приманиваютъ торговцевъ. Лѣтомъ очень нерѣдко по рѣкамъ и рѣчкамъ завозятся барки съ мукой, солью, чтобы зимою было удобнѣе производить торговлю этими насущными теперь для инородца припасами. У каждаго торговца есть свои кліенты, съ которыми онъ постоянно ведетъ дѣло, у которыхъ онъ пріобрѣтаетъ всю ихъ добычу и которыхъ онъ снабжаетъ всѣмъ, что имъ необходимо; такіе кліенты обыкновенно всегда въ долгу у своихъ благодѣтелей, которые употребляютъ всѣ усилія, особенно часто это практиковалось прежде, чтобы завлечь еще свободнаго отъ дол-

говъ въ долги, и разъ это удастся, вырваться попавшему почти невозможно: по мѣрѣ того какъ онъ будетъ уплачивать старые, на него будутъ наростать новые, и такъ до конца жизни, причемъ долги отцовъ переходятъ даже на дѣтей, которые большею частью безпрекословно ихъ выплачиваютъ, боясь иначе причинить мученія своимъ родителямъ въ загробной жизни; только въ послѣднее время, когда инородцы сдѣлались болѣе опытными, они стали отказываться отъ долговъ отцовъ и дѣдовъ и освобождаться отъ опеки своихъ благодѣтелей, забирая въ долгъ у однихъ и продавая свою добычу потихоньку другимъ; при той разрозненности и недовѣріи, которое существуетъ между торговцами, это практикуется довольно успѣшно, тѣмъ болѣе, что они сами часто подбиваютъ инородцевъ обмануть своего довѣрителя, не показавши всей добычи, а только часть съ тѣмъ, чтобы остальное продать имъ; результатомъ этого является то, что инородцы стали обманывать всѣхъ торговцевъ, а послѣдніе — другъ друга. Съ одной стороны это обстоятельство, съ другой — уменьшеніе пушнаго звѣря и увеличеніе числа торгующихъ, вполнѣ объясняютъ жалобы торговцевъ на упадокъ торговли и на ихъ сравнительное раззореніе, тѣмъ болѣе, что обороты, совершаемые въ краѣ, вообще довольно незначительны; что хотя барыши на товары берутся громадные — до 100 и до 200%, но при рѣдкости населенія (до 10 и даже менѣе человѣкъ на квадратную милю), при его малыхъ потребностяхъ, у рѣдкаго торговца обороты бывають болѣе 500 рублей въ годъ, если только онъ не занимается рыбной ловлей, но это уже дѣло другое, обыкновенно же рублей 200—300, и поэтому, дѣйствительно, заработки неособенно велики.

Выѣхавъ изъ Москвы въ маѣ и вернувшись въ апрѣлѣ, я могъ прослѣдить постепенно теченіе жизни инородцевъ въ зависимости отъ временъ года, которыя, какъ мы увидимъ ниже, имѣютъ здѣсь громадное значеніе. Путь мой лежалъ чрезъ Нижній, Казань, Пермь, Тюмень, Тобольскъ, Березовъ и Обдорскъ; затѣмъ были посѣщены лѣвые притоки Оби — Сѣверная Сосьва съ Сыгвой и правый — Казымъ; былъ осмотрѣнъ Уралъ сѣвернѣе истоковъ Печоры и тундра ради ознакомленія съ

лѣтней жизнью инородцевъ, особенно оленеводовъ. Въ ноябрѣ и декабрѣ, когда наступила пора уплаты ясака, ради котораго инородцы съѣзжаются изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, куда въ обыденное время или совсѣмъ нельзя пробраться, или только пѣшкомъ, я посѣтилъ всѣ пункты, расположенные на Оби и Казыми, гдѣ происходила эта уплата. Мѣста эти интересны не только въ смыслѣ ознакомленія съ самими жителями, но, главнымъ образомъ, какъ центры, гдѣ происходятъ главныя столкновенія между русскими и инородцами. Торговли здѣсь большой не бываетъ—торговцы уже заранѣе все пріобрѣли, здѣсь происходитъ только при посредствѣ часто властей, а иногда и безъ нихъ, уплата старыхъ долговъ, пріобрѣтеніе новыхъ, наемъ въ работу и отдача въ аренду рыболовныхъ угодій. Поводовъ къ столкновенію много: то русскій насчитаетъ лишнее, то инородецъ забудетъ свой долгъ, то найметъ заразъ на лѣто къ двумъ хозяевамъ и съ обоихъ возьметъ задатки, то угодья сдастъ нѣсколькимъ лицамъ, а потомъ жалуется, что ему нечѣмъ подать платить. Прежде всего, конечно, взыскивается ясакъ, затѣмъ казенные долги—за муку, соль и порохъ, продаваемые изъ казенныхъ амбаровъ, и, наконецъ, уже частные. Большею частью у инородца не хватаетъ на уплату не только частныхъ, но и казенныхъ долговъ, поэтому если у него имѣются какія-нибудь угодья, которыя желаютъ снять въ аренду русскіе, то сейчасъ-же происходятъ торги и часть полученныхъ денегъ идетъ казнѣ, а остальные кредиторамъ, но обыкновенно дѣло обходится безъ торговъ, потому что прежній кредиторъ беретъ на себя казенные долги своего должника и взаменъ этого оставляетъ за собою его угодья, по выгодной, конечно, для себя цѣнѣ; но одними угодьями дѣло кончается рѣдко: вмѣстѣ съ ними сдается, если можно только такъ выразиться, и самъ владѣлецъ не рѣдко со всей семьей, такъ что онъ является работникомъ на собственныхъ угодьяхъ за самую низкую плату: за все время рыбной ловли—съ половодья до заморозковъ, т. е., приблизительно за 4—4½ мѣсяца, онъ получаетъ 18—25 рублей, при чемъ, кромѣ того, хозяинъ обязанъ ему выдать пару сапогъ—бродней, въ которыхъ ловятъ рыбу, верхнюю одежду изъ грубаго солдатскаго сукна, да давать по

фунту въ мѣсяцъ махорки. Въ продолженіи лѣта забирается, конечно, больше условленной платы, опять накаплиются долги, опять на слѣдующее лѣто идти въ работу—если не по своей волѣ, такъ по волѣ начальства. И идетъ такъ изъ году въ годъ и конца не видать!

Нѣкоторые изъ торговцевъ и промышленниковъ, видя, что промыслы все болѣе и болѣе падаютъ, что инородцы стали обманывать не хуже, чѣмъ ихъ прежде обманывали, готовы были бы прекратить всѣ торговые сношенія съ ними и заняться только рыбопромышленностью, но боязнь окончательно потерять тогда всѣ долги удерживаетъ ихъ отъ этого и заставляетъ ихъ, къ сожалѣнію, продолжать оставаться опекунами надъ мѣстнымъ населеніемъ, которое до того, впрочемъ, къ этому привыкло, что предоставленное теперь самому себѣ оно навѣрно, въ продолженіе многихъ лѣтъ стало бы терпѣть сильную нужду.

Въ концѣ декабря я отправился на Обдорскую ярмарку, интересную въ томъ отношеніи, что сюда пріѣзжаютъ къ этому времени всѣ низовые инородцы, какъ остяки, такъ и самоѣды, съ тою цѣлью, чтобы, уплативъ ясакъ, продать скопленную почти за годъ добычу и сдѣлать себѣ запасы вплоть до слѣдующей ярмарки. Благодаря тому, что въ низовыхъ тундрахъ торговцевъ въ продолженіи года почти не встрѣчается и только теперь стали появляться зыряне; благодаря тому, что на сѣверѣ и припасы получше и оленьихъ стадъ побольше—на ярмарку пріѣзжаетъ много торговцевъ со всего теченія Оби и Иртыша, и это время—самое горячее по торговлѣ изъ всего года.

Обдорскъ представляетъ изъ себя послѣднее русское селеніе съ пустынными окрестностями, съ небольшими перелѣсками, которые отдѣляются другъ отъ друга или болотистыми пространствами, или тощими полярными кустарниками, растущими на плотной почвѣ, покрытой ягелями и мхами, къ которымъ только лѣтомъ присоединяется морошка, и то встрѣчаемая здѣсь не въ такомъ обиліи, какъ въ мѣстахъ болѣе южныхъ.

Лѣтомъ половина домовъ въ Обдорскѣ заколачивается, такъ какъ ихъ хозяева цѣлыми семьями на нѣсколько мѣся-

цевъ отправляются на рыбную ловлю и только осенью, когда всѣ рыбопромышленники возвращаются назадъ, Обдорскъ является такимъ же оживленнымъ, какъ и во время ярмарки, до начала которой у мѣстныхъ хозяекъ масса работы: онѣ всѣ заняты печеніемъ хлѣба ввидѣ ковригъ, которыхъ выпекалось прежде до 100,000 штукъ, а теперь до 30—40,000. Эти ковриги готовятся для инородцевъ-оленоводовъ, которые понемногу, съ наступленіемъ холодовъ, начинаютъ подвигаться къ югу, гдѣ ихъ олени находятъ не вытоптаный еще кормъ. Какъ печется хлѣбъ не трудно догадаться—было бы побольше, а то все съѣдятъ у себя въ тундрѣ—все равно берутъ запасъ на годъ. Вотъ это-то обстоятельство, схождение разъ въ годъ, и служить главною причиною значенія Обдорской ярмарки, поэтому съ тѣхъ поръ, какъ только въ тундрѣ появились наѣзжіе торговцы, какъ только инородцы стали приходить въ другія мѣста помимо Обдорска за сбытомъ своихъ продуктовъ и за покупкой чужихъ, тогда значеніе Обдорска стало падать и въ настоящее время его обороты сократились болѣе, чѣмъ вдвое. Остановившись отъ Обдорска на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, иногда даже двухъ—трехъ десятковъ, инородцы днемъ пріѣзжаютъ въ село и начинаютъ понемногу расторговываться и совершать покупки. Цѣлый годъ трудился и работалъ инородецъ; не видалъ, часто, за это время лица человѣческаго, не мудрено поэтому, что хочется отдохнуть ему и вотъ начинаются попойки, уносящія съ собою большую часть привезенныхъ шкурокъ, моржеваго и мамонтоваго зуба и другихъ предметовъ. Проживши въ окрестностяхъ Обдорска недѣли три—четыре, сдѣлавши все, что ему надо, инородецъ идетъ опять въ тундру, подвигаясь все ближе и ближе къ сѣверу за тѣмъ, чтобы, при наступленіи холодовъ, опять повернуть на югъ. Причиной такого движенія служить масса мушкары и комара, которая лѣтомъ мучитъ оленя и заставляетъ его искать болѣе удобныхъ мѣстъ, а такими-то и являются возвышенности и морскіе берега, освѣжаемые вѣтромъ, прохладнымъ отъ плавающихъ въ океанѣ льдинъ.

Я не буду говорить здѣсь подробно объ ярмаркѣ—это будетъ сдѣлано впоследствии, скажу только нѣсколько словъ о

мѣстномъ населеніи и затѣмъ перейду къ описанію привезенныхъ вещей, составляющихъ въ настоящее время собственность Музея.

Населеніе сѣверо-западной Сибири довольно смѣшанное; не говоря про русскихъ и зырянъ, здѣсь сталкиваются три народности: самоѣды, остяки и маньзи, которыя прежде играли гораздо большую роль, чѣмъ это суждено имъ теперь. Остяки населяютъ, главнымъ образомъ, среднее и нижнее теченіе рѣки Оби съ ея притоками и низовья Иртыша; самоѣды живутъ по низовымъ тундрамъ, бродятъ со своими стадами по берегамъ Ледовитаго моря и его островамъ, а маньзи, извѣстные у прежнихъ писателей подъ именемъ угровъ или югровъ и называемые мѣстными русскими — остяками, составляютъ населеніе рѣкъ Сѣверной Сосьвы, Сыгвы съ ихъ притоками; по типу, языку, обычаямъ и религіи это есть ничто иное, какъ тѣ вогулы, остатки которыхъ теперь встрѣчаются, ввидѣ нѣсколькихъ семей, въ Верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи.

По мѣрѣ приближенія къ востоку, т. е. къ Оби и къ сѣверу, т. е. къ Ледовитому морю маньзи все болѣе и болѣе теряютъ свою чистоту, такъ какъ на востокѣ замѣчается смѣшеніе ихъ съ остяками, а на сѣверѣ — съ самоѣдами. Слѣды подобнаго смѣшенія видны вообще между всѣми тремя народностями и оно вполне понятно въ виду тѣхъ частыхъ браковъ, которые заключаются между ихъ представителями. Съ одной стороны это обстоятельство, съ другой — одинаковыя условія жизни производятъ то, что въ нравахъ, обычаяхъ, занятіяхъ, въ одеждѣ, въ принадлежностяхъ домашняго быта, въ пищѣ замѣчается масса общаго, что необходимо имѣть въ виду при разсмотрѣніи привезенныхъ вещей, которыя всѣ дѣлались на мѣстѣ и руками инородцевъ; вещи эти частью пріобрѣтались за деньги, частью вымѣнивались на разные предметы, захваченные мною изъ Москвы, при чемъ, не зная точно потребностей мѣстнаго населенія, я захватилъ, между прочимъ, съ собою партію серегъ и ножницъ, но къ моему удивленію и сожалѣнію, и то, и другое пришлось раздарить русскимъ, такъ какъ изъ инородцевъ никто ихъ не бралъ: вмѣсто ножницъ они все дѣлаютъ ножемъ, а вмѣсто серегъ продѣваютъ,

и то очень рѣдко, сквозь мочку ушей ремешки съ нанизанными на нихъ бусами, бисеромъ и мѣдными цѣпочками.

Въ послѣдующемъ отчетѣ болѣе обширномъ, чѣмъ этотъ предварительный, будутъ подробнѣе разработаны многіе вопросы, которые здѣсь лишь только намѣчены и для рѣшенія которыхъ имѣются матеріалы.

Перехожу теперь къ описанію коллекціи.

Описаніе привезенныхъ вещей.

При составленіи коллекціи имѣлось въ виду представить полную картину обстановки жизни мѣстныхъ инородцевъ, поэтому въ ея составъ вошли вещи не только мѣстнаго происхожденія, но также и привозныя, которыя употребляются инородцами и получаютъ ими отъ русскихъ или зырянъ. Составленіе такого рода коллекцій дѣло въ высшей степени скучное и кропотливое, но въ настоящее время, когда всякій мало-мальски большой музей имѣетъ уже различныя вещи, особенно бросающіяся въ глаза, и отчасти характеризующія ту или другую народность, необходимость въ коллекціяхъ систематическихъ, вполне рисующихъ жизнь, очевидна и тѣмъ болѣе теперь, когда замѣчается усиленіе ассимиляціи племенъ; когда, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній, теряется самостоятельность народа; когда у него появляется болѣе заимствованнаго, чѣмъ своего.

Русскіе Этнографическіе Музеи имѣютъ предъ собою завидную цѣль—сохранить для потомства слѣды исчезающей самостоятельности каждой народности, входящей въ составъ Имперіи, и въ этомъ отношеніи они находятся въ лучшемъ положеніи чѣмъ Музеи иностранные, такъ какъ передъ ними гораздо большее поле дѣятельности.

Время собиранія курьезовъ, отдѣльныхъ, ничѣмъ не связанныхъ, фактовъ исчезаетъ и наступаетъ время систематизаціи и сравнительнаго метода.

При описаніи вещей, входящихъ въ составъ привезенной коллекціи, я буду придерживаться раздѣленія на группы, хо-

тя, конечно, провести точно вездѣ это раздѣленіе часто не только трудно, но даже и невозможно.

Привезенныя вещи группируются слѣдующимъ образомъ:

1. Одежда; матеріалы, изъ которыхъ она готовится, и инструменты, при этомъ употребляемые.

2. Принадлежности охоты и рыбной ловли и инструменты, употребляемые при ихъ приготовленіи.

3. Принадлежности домашней обстановки.

4. Пища, лѣкарства и краски.

5. Предметы, имѣющіе отношеніе къ религіи.

1. Одежда; матеріалы, изъ которыхъ она готовится, и инструменты, при этомъ употребляемые.

Одежда инородцевъ Сѣверо-западной Сибири не бываетъ вездѣ одной и той-же: въ мѣстахъ, гдѣ по сосѣдству постоянно живутъ русскіе и зыряне или гдѣ они бывають наѣздами, тамъ у инородцевъ часто встрѣчаются принадлежности одежды, приготовленныя изъ русскихъ товаровъ—ситцу, сукна; тамъ носятъ нерѣдко зырянскіе чулки съ поясками и русскіе сапоги съ полшубками. Инородцы-оленоводы дѣлають преимущественно свою одежду изъ оленьихъ шкуръ, лѣтомъ выдѣланныхъ вродѣ замши, а зимою прямо съ шерстью; не оленеводы же пользуются привозными матеріалами, получаемыми ими какъ отъ русскихъ и зырянъ, такъ и отъ своихъ сородичей, разъ дѣло идетъ о шкурахъ и мѣхахъ. Работаютъ одежду сами, причемъ весь этотъ трудъ въ семьѣ лежитъ на женскихъ рукахъ, такъ какъ мужчины только въ дорогѣ, на рыбной или звѣриной ловлѣ, занимаются починкой разорваннаго, для чего у каждаго изъ нихъ всегда находится небольшой дорожный мѣшочекъ—*хумз най сактасъ* *), сдѣланный или изъ замши, или изъ сукна, и имѣющій обыкновенно три отдѣленія, причемъ въ одномъ помѣщается огниво—*улякэрзъ*, въ другомъ труть—*таплякзъ*, въ третьемъ—трава для огнива—*тангвзъ*, быстро всыхивающая и замѣняющая собою часто труть;

*) Названія здѣсь приводятся на языкѣ Маньзовъ, причемъ дается подробное и точное наименованіе каждой вещи, что, какъ мнѣ кажется, можетъ принести извѣстнаго рода пользу и лингвисту, и этнографу. Въ приводимыхъ здѣсь словахъ употреблены въ нѣкоторыхъ случаяхъ надстрочные знаки, значеніе которыхъ таково: тире—указываетъ, что извѣстная гласная буква произносится, какъ долгая; запятая, поставленная надъ буквой *x*, указываетъ, что это *x* надо произносить съ придыханіемъ, какъ напримѣръ, оно произносится въ словѣ *Господь*; та-же запятая поставленная надъ буквами *и* или *и* служитъ указаніемъ на посовое произношеніе этихъ звуковъ, отчасти напоминающее произношеніе, напримѣръ, французскаго слова — *oncle*.

растетъ по крутымъ берегамъ рѣкъ; въ промежуткахъ между отдѣленіями находятся иголки — *юндынз*; нитки, сдѣланныя изъ оленьихъ жилъ, *сали-танз* — и обыкновенно употребляемыя при шитьѣ, и которыя лишь рѣдко на Оби замѣняются нитками, приготовленными изъ крапивы; подобный несессеръ, помѣщается или въ карманѣ штановъ (единственная одежда, гдѣ есть карманы), или прикрѣпляется къ поясу. Различить по одеждѣ Маньза, Остяка и Самоѣда дѣло — невозможное и только отчасти по типу, а, главнымъ, образомъ, по головному убору, можно сказать, кто Маньзъ, Остякъ или Самоѣдъ, такъ какъ Самоѣды стригутъ или, вѣрнѣе сказать, рѣжутъ (ножницы у нихъ не въ ходу) свои волосы очень низко, а Маньзи и Остяки или заплетаютъ себѣ косы, особенно первые, или оставляютъ длинные волосы, распущенные по плечамъ. Различіе между мужской и женской одеждой выражается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что женщины, начиная съ момента половой зрѣлости (лѣтъ 14), носятъ прямо на тѣлѣ особый поясъ — *эва экытз* или *эва касъ*, сдѣланный изъ кожи оленьей, коровьей или лошадиной, покупаемой за большія деньги; причемъ одинъ ремень обхватываетъ талию, а другой, начинаясь отъ середины поясницы, идетъ между ногами и спереди пристегивается къ пряжкѣ, находящейся на первомъ ремнѣ; между нимъ и тѣломъ всегда находится небольшое количество наструганнаго дерева — *тынз ивз оссыхз*, по русски вотлепа, употребляемаго ради чистоты; считается въ высшей степени неприличнымъ и обиднымъ для женщины сказать въ ея присутствіи названіе этого пояса, точно также и она сама, говоря про него, выражается всегда описательно; растегивать самой для мужчинъ поясъ считается позоромъ и на это рискнетъ только самая отбойная; въ старости, послѣ прекращенія менструацій, его иногда снимаютъ, а иногда носятъ до смерти; ремни обыкновенно украшаются въ большомъ количествѣ бисеромъ и бусами. Женскія рубашки — *эва сунз* гораздо длиннѣе мужскихъ — *хумз сунз*, доходятъ немного ниже колѣнъ и имѣютъ часто подолъ, рукава — *тайтз* и воротъ — *сынлю*, обшитые бисеромъ и бусами, тогда какъ у мужчинъ, и то только у наиболее зажиточныхъ, обшивается одинъ воротъ; женскія штаны

— *эва соуэ кась* или *омсямз* дѣлаются длиннѣе мужскихъ, причемъ все-таки рѣдко оканчиваются ниже колѣнъ и имѣютъ затѣмъ какъ-бы нагрудникъ, закрывающій груди; надо только оговориться, что штаны какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ не составляютъ какой-либо необходимой принадлежности одежды, даже зимой; что же касается до лѣта, то тогда большею частью весь костюмъ состоитъ изъ рубашки, обуви, да у женщинъ къ этому прибавляется еще ихъ поясъ. Мужскіе зимніе сапоги—*хумз ѳрнз уай* имѣютъ спереди поперечную тонкую полосу бѣлаго, а иногда и темнаго цвѣта (смотря по тому, изъ какихъ шкурокъ сдѣланы вообще сапоги—полоска бываетъ всегда другаго цвѣта, чѣмъ они), между тѣмъ какъ у женскихъ—*нэ ѳрнз уай* этой полоски не бываетъ; женскіе лѣтніе сапоги *нэ—соуэ вай* имѣютъ спереди ремешки, связанные ввидѣ креста, ниже котораго расположена поперечная полоска , а мужскіе—*хумз соуэ вай* ввидѣ двухъ крестовъ . Есть еще одно различіе между принадлежностями мужскаго и женскаго костюма—это—въ ножѣ, который у женщинъ—*эваказай* бываетъ всегда гораздо шире, чѣмъ у мужчинъ—*хумз казай* и притомъ подвѣшивается не къ широкому кожанному поясу съ разными украшеніями, какъ у мужчинъ, а просто къ широкой красной или пестрой тесемкѣ, пріобрѣтаемой, большею частью, у зырянъ; подобный ножъ сопровождаетъ женщину всегда въ дорогѣ и часто даже дома она съ нимъ не расстаётся. Существеннаго различія между одеждой женщины и дѣвушки нѣтъ; можно принять только за правило, что одежда дѣвушки всегда роскошнѣе (сравнительно, конечно) одежды женщины; что у ней гораздо больше разныхъ украшеній, чѣмъ у женщины, и что головные платки—*пунз торз*, дѣлаемые изъ ситца и обшиваемые бахромой изъ нитокъ, дѣвушками носятъ гораздо рѣже, чѣмъ женщинами, и если они надѣваются ими, то исключительно ради предохраненія головы отъ непогоды, тогда какъ женщины носятъ ихъ, главнымъ образомъ, съ цѣлью скрывать свое лицо отъ старшихъ родственниковъ мужа и отъ почетныхъ гостей (фактъ въ высшей степени интересный и который служить, вѣроятно, остаткомъ обычаевъ тѣхъ временъ,

когда существовало право старшаго въ родѣ); платокъ этотъ накидывается прямо на голову и не подвязывается подъ подбородкомъ, благодаря чему онъ часто скользитъ съ головы и его приходится постоянно поправлять.

Зимній костюмъ вообще состоитъ изъ малицы — *мольсянъ*, шубы ввидѣ сорочки до колѣнъ, надѣваемой чрезъ голову, шерстью внутрь, съ пришитыми рукавицами — шерстью наружу, и иногда съ прикрѣпляемой шапкой, сдѣланной изъ шкуры новорожденныхъ оленей — *назыхъ*; иногда подобной шапки не бываетъ и она замѣняется стоячимъ воротникомъ изъ шкуры стараго оленя, только что вылинявшаго; сама малица обыкновенно дѣлается изъ такъ называемыхъ маличныхъ неплуевъ, т. е. молодыхъ оленей, убитыхъ въ концѣ августа или въ сентябрѣ, тогда какъ просто неплуемъ — *нѣплю*, называется молодой олень, убитый въ іюлѣ или въ самомъ началѣ августа; подолъ малицы обшивается сперва нѣсколькими тонкими полосками изъ оленьихъ шкуръ разнаго цвѣта шерстью наружу, а затѣмъ оканчивается широкой полосой вершка въ два—три обыкновенно темнаго цвѣта; но самой лучшей, самой красивой отдѣлкой считается обшивка, сдѣланная изъ собачьей шкуры съ длинной бѣлой шерстью, получаемой или отъ своихъ старыхъ и вообще негодныхъ для службы собакъ, или покупаемой за сравнительно дорогую цѣну (до трехъ рублей шкурка на Обдорской ярмаркѣ или у своихъ сосѣдей.

Малица подпоясывается всегда широкимъ кожанымъ ремнемъ, усаженнымъ въ нѣсколько рядовъ мѣдными пуговицами и снабженнымъ большими пряжками. Къ этому поясу подвѣшиваются два мѣшечка изъ оленьей шкуры: одинъ для вотлепа употребляемаго для обтиранія губъ и рукъ послѣ ѣды и для забиванья зарядовъ въ ружье вмѣсто пыжа; другой для точила; съ лѣвой стороны ножъ — *казай*, обточенный съ одного края и съ ручкой, сдѣланной большею частью изъ дерева и выложенной свинцомъ; ножъ этотъ находится въ ножнахъ — *сыпаль* изъ дерева, рѣдко изъ кости, но почти всегда обтянутыхъ узкими мѣдными полосками; сзади къ поясу на оленьей жилѣ или на проволоку подвѣшивается клыкъ — *торевъ пунъ* бураго или бѣлаго медвѣдя, который имѣетъ значеніе талисмана:

передъ нимъ инородецъ приносить клятву, говоря: „если я скажу неправду, то задери и съѣшь меня“; беретъ его въ ротъ, кусаетъ и приговариваетъ: „если я не правъ, то кусай меня такъ-же, какъ я кусаю теперь твой зубъ“; передъ нимъ онъ, какъ и передъ цѣлой шкурой, выражаетъ свои просьбы: „лѣсной звѣрь—дай мнѣ счастья“, или „когда я буду въ лѣсу и встрѣчусь съ тобой, то не тронь меня“; помимо этого зубъ считается также хорошимъ средствомъ противъ болѣзни зубовъ, желудка и поясницы. Въ послѣднемъ случаѣ имъ натираютъ спину, а въ первыхъ двухъ его скоблятъ и полученнымъ порошкомъ или посыпаютъ больной зубъ, или-же принимаютъ внутрь съ водой, а если есть, то и съ водкой.

Поверхъ малицы надѣвается иногда чехолъ, сдѣланный изъ разноцвѣтнаго сукна: краснаго, синяго и зеленаго, и доходящій только до мѣховой обшивки, причемъ нерѣдко бываетъ, что рукава другого цвѣта, чѣмъ остальная часть. Надѣвается онъ только въ болѣе или менѣе торжественныхъ случаяхъ. Иногда онъ замѣняется одеждой—*порха*, сдѣланной вродѣ малицы, только изъ неплюевъ, шерстью наружу, безъ рукавицъ, но за то всегда съ пришитой шапкой, украшенной иногда оленьими ушами; *порха* дѣлается обыкновенно нѣсколько длиннѣе малицы и надѣвается при поѣздкѣ въ гости или на праздникахъ; вообще она составляетъ предметъ роскоши, тогда какъ другая одежда, сдѣланная на подобіе *порхи*, только гораздо длиннѣе—почти до пятъ—*иусъ*, составляетъ предметъ необходимости; *иусъ* надѣвается во время холодовъ или дальней дороги поверхъ малицы, никогда не опоясывается и дѣлается обыкновенно изъ зимнихъ оленьихъ шкуръ, обладающихъ самымъ длиннымъ и жесткимъ волосомъ, лишь иногда онъ дѣлается, какъ и *порха*, изъ неплюевъ; цвѣтныя украшенія на гусѣ рѣдки, тогда какъ *порха* бываетъ вся испещрена разными узорами изъ разноцвѣтныхъ оленьихъ и иногда даже суконныхъ полосокъ. Кромѣ этихъ одеждъ употребляется еще одна—*сахай*, родъ халата изъ шкуръ неплюевъ, шерстью наружу и, большею частью, безъ подкладки; если же она и бываетъ, то преимущественно дѣлается изъ птичьихъ шкурокъ—утокъ, гусей, иногда лебедей; когда было много собо-

лей, то и они шли на эту подкладку, о чемъ можно судить по старымъ сахай, сохранившимся еще у стариковъ; одежда эта шьется или безъ воротника, или съ воротникомъ отложнымъ; причемъ спереди—сверху до низу идутъ ремешки для завязки; сахай надѣвается дома при гостяхъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой, иногда прямо на голое тѣло; въ рѣдкихъ случаяхъ надѣваютъ его и при поѣздкахъ въ гости, только на недалѣнее разстояніе.

На ноги зимою надѣваютъ прямо на тѣло чулки изъ шкуры неплюевъ, шерстью внутрь—*кесз*, длиною до колѣнъ. Поверхъ кесъ надѣваютъ сапоги, *орнз уай* сдѣланные обыкновенно изъ шкуръ съ оленьихъ ногъ шерстью наружу и длиною выше колѣнъ; чтобы они не спадали, ихъ подвязываютъ красными зырянскими поясками и кромѣ того ремешками, пришитыми къ ихъ краю, прикрѣпляютъ къ ремешкамъ штановъ; сапоги эти бываютъ, болѣею частью, изукрашены по различнымъ направленіямъ резными узорами изъ кусочковъ оленьей шкуры, сдѣланныхъ очень искусно; прежде чѣмъ ихъ надѣтъ, въ нихъ кладутъ пучки сухой болотной травы, чтобы не было жестко; такіе сапоги боятся сырости и поэтому ихъ тотчасъ-же, по возвращеніи домой, снимаютъ и сушатъ вдали отъ огня; затѣмъ мнутъ вмѣстѣ съ гнилушками; отъ чего они не трескаются и могутъ прослужить болѣе трехъ зимъ. Въ сильныя холода или при дальней дорогѣ кромѣ чулокъ и орнъ уай надѣваютъ еще громадныя сапоги изъ оленьей или чаще изъ спинной шкуры, шерстью наружу; которые также набиваются сухой травой; ходить въ нихъ невозможно—приходится только ѣздить.

Рукавицы—*пасса*, болѣею частью пришиваются къ малицѣ, и только иногда дѣлаются отдѣльно; шерстью онѣ всегда наружу; матеріаломъ для нихъ служитъ оленья, лосиная, собачья шкура, а въ мѣстахъ, близкихъ отъ русскихъ поселковъ, и овечья; величина ихъ значительна и надѣваніе нѣсколькихъ рукавицъ сразу практикуется въ сильныя морозы довольно часто.

Шапка—*кентз*—рѣдко носится отдѣльно, а почти всегда пришивается или къ малицѣ, или къ порхѣ, или къ гусю;

если она надѣвается отдѣльно, то всегда шьется изъ шкуръ новорожденных оленей и двойная—шерстью внутрь и наружу; имѣетъ длинныя (до аршина) подвязки, которыми впрочемъ не подвязываются, такъ какъ для этого служатъ особыя тесемки, пришиваемыя къ внутренней сторонѣ мѣховыхъ подвязокъ, украшенныхъ въ свою очередь разноцвѣтными поперечными полосами; шапка эта взята отъ зырянъ, почему и зовется зырянской.

Къ зимней одеждѣ, кромѣ перечисленной, надо также отнести и ту, которую носятъ женщины низовыхъ инородцевъ какъ самоѣдовъ, такъ и остяковъ, именно—головной уборъ, шарфъ, ввидѣ боа, и теплую шубу. Головной уборъ представляетъ изъ себя нѣчто вродѣ прежнихъ капоровъ и дѣлается обыкновенно изъ оленьей шкуры—двойной, шерстью внутрь и наружу, причемъ внутренняя часть состоитъ изъ оленьей зимней шкуры съ длиннымъ волосомъ, а верхняя—наружная, изъ только что вылинявшей; самый ободокъ обшивается обыкновенно бѣлымъ песцемъ; сверху нашиваются разноцвѣтные суконные лоскутки, а снизу подвѣшиваются металлическія украшенія, состоящія изъ мѣдныхъ трубочекъ, кружковъ, большихъ колецъ, и т. д.; иногда этихъ украшеній до того много, что они вѣсятъ до 10—15 фунтовъ: чѣмъ больше ихъ и чѣмъ больше слышится грому и треску при ходьбѣ, тѣмъ считается лучше и красивѣе. Спереди подъ подбородкомъ находятся ремешки, которыми капоръ и подвязывается. Шарфъ дѣлается изъ бѣличьихъ хвостовъ (прежде, по рассказамъ, дѣлали изъ собольихъ), которые при этомъ особымъ родомъ расправляются и сшиваются; чѣмъ шарфъ длиннѣе, тѣмъ лучше.

Теплая шуба такъ же, какъ и капоръ, двойная: съ внутренней стороны дѣлается изъ зимнихъ оленьихъ шкуръ, а съ наружной изъ только что вылинявшихъ (изъ неплюевъ рѣдко), и также обшивается спереди и снизу шкурой бѣлаго песца или собаки; рукава, подолъ изукрашены разноцвѣтными полосами, и обшиты иногда бусами и позументомъ; къ рукавамъ прикрѣпляются бубенцы, преимущественно, въ плечевомъ и локтевомъ сгибѣ. Шуба эта подпоясывается особеннымъ поясомъ; главную часть его представляетъ мѣдный кружокъ,

къ которому прикрѣпляется съ обѣихъ сторонъ широкая тесьма. У этихъ-же низовыхъ инородцевъ существуютъ особыя деревянныя лопаточки — широкія—до $1\frac{1}{2}$ —2 вершковъ—у женщинъ, и узкія до 1 вершка у мужчинъ для обиванія зимней одежды отъ снѣгу; лопаточки эти иногда красятся красной или черной краской и украшаются рѣзбой.

Лѣтняя одежда состоитъ изъ рубашекъ, штановъ и сапогъ; про первую и вторую принадлежность костюма было уже сказано, здѣсь только надо прибавить, что ни мужчины, ни женщины рубашекъ никогда не подпоясываютъ, а дѣти иногда бѣгаютъ и совсѣмъ голыя; что-же касается до обуви, то она дѣлается изъ оленьей замши—*няръ соуэ* и надѣвается прямо на босую ногу, исключенія рѣдки, когда предварительно надѣваютъ зырянскіе шерстяные чулки—*саранъ уай*; обувь эта—*соуэ—вай*, дѣлается нѣсколько выше колѣнъ и такъ-же, какъ и зимняя, подвязывается тесемками и прикрѣпляется къ штанамъ ремешками; подошвы дѣлаются тоже изъ оленьей шкуры или чаще, для прочности, изъ лосиной, но всегда съ шерстью; причемъ чтобы не было больно ходить въ нихъ, какъ и въ зимнюю обувь, подкладывается сухая трава; иногда эта обувь вся, иногда только часть, красится въ красный цвѣтъ особой минеральной краской—*нэрнъ*; осенью вмѣсто этой обуви, которая отъ сырости скоро портится, носятъ такъ называемые—*няръ няра*, верхняя часть голенища которыхъ дѣлается изъ холста, а нижняя вмѣстѣ съ колодкой изъ лосиной или лошадиной кожи, причемъ подошвы обязательно съ шерстью; подвязываются они къ ногѣ въ двухъ мѣстахъ гдѣ начинается и гдѣ кончается холстинное голенище; чтобы предохранить ихъ отъ вліянія сырости, ихъ держатъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней въ дыму, что служить лучшей гарантіей ихъ цѣлости. Кромѣ описанной обуви женщины на Оби иногда надѣваютъ кожаныя туфли, сплошь обшитыя разноцвѣтнымъ бисеромъ, съ соблюденіемъ симметріи и извѣстныхъ узоровъ.

Вмѣсто мѣховаго гуся лѣтомъ и осенью надѣваютъ суконный, который шьется совершенно такъ-же, какъ и мѣховой.

Необходимую принадлежность женскаго костюма, составляетъ женскій рабочій мѣшокъ—*ханзанъ тученъ*, дѣлаемый

изъ оленьей шкуры съ различными узорами; къ нему прикрѣпляется обыкновенно еще небольшой мѣшечекъ или просто кусокъ кожи для наперстка и иглокъ; въ свой тученгъ женщины кладутъ рѣшительно все, что нужно для шитья: лоскутки, полоски изъ кожи и шкурокъ, жилы, нитки и прочее.

Что касается до косъ, — *ахы сахы*, то онѣ всѣ оплетаются красными зырянскими поясками — *саранъ куалыхъ*, и это оплетаніе, благодаря прибавочнымъ пестрымъ тесемкамъ, — *ханзанъ саранъ куалыхъ* продолжается гораздо ниже волосъ, иногда почти до пятъ; снаружи замѣтить, гдѣ кончаются волоса, невозможно, и это подало поводъ нѣкоторымъ описывать этихъ инородцевъ съ волосами до земли. Къ косамъ прикрѣпляются мѣдные кольца, цѣпочки, бубенчики, ленты, а на концахъ даже небольшіе мѣшечки, расшитые бисеромъ и бусами.

Кромѣ вышеописанныхъ принадлежностей одеждъ есть еще одна, которую надѣваютъ только во время жертвоприношеній и плясокъ въ честь медвѣдя; одежду эту инородцы приносятъ также въ даръ своимъ богамъ; дѣлается она ввидѣ халата, довольно длинная съ отложнымъ воротникомъ и застежками или пуговицей наверху; матерьяломъ для нея служитъ хорошій пестрый съ разводами ситецъ, яркаго цвѣта сукно, шаль въ восточномъ духѣ, и т. д.; края рукавовъ, подола, воротника и передъ обшивается всѣмъ, чѣмъ только возможно: бусами, бисеромъ, позументами, свинцовыми и оловянными пластинками, бубенцами и пуговицами.

Всѣ принадлежности одежды, какъ уже было сказано, обыкновенно дѣлаются самими женщинами, но и между ними есть такія, которыя на далекое разстояніе славятся своимъ умѣньемъ шить и особенно украшать узорами разныя части костюма и имъ-то иногда въ торжественныхъ случаяхъ — для свадебъ или чаще для приношенія богамъ даются заказы, за которые выплачиваютъ не деньгами, а натурой; гораздо чаще совершается однако покупка матеріала, причемъ онъ пріобрѣтается не только у русскихъ и зырянъ, но и у своихъ сородичей — или болѣе богатыхъ оленьими стадами, или у которыхъ, благодаря болѣе удачной охоты, накопилось больше разныхъ шкурокъ.

Для инородцевъ Сѣверо-западной Сибири мѣстомъ встрѣ-

чи, мѣстомъ покупки и продажи служить, главнымъ образомъ, Обдорская ярмарка, происходящая въ Декабрѣ и Январѣ, куда они стекаются также и для внесенія ясаку; теперь, благодаря той эксплоатаціи, которой инородцы подвергаются здѣсь со стороны русскихъ и зырянскихъ торговцевъ, они стали обѣгать Обдорскъ, это самое сѣверное селеніе по системѣ Оби, и начали выѣзжать со своими стадами и товарами, состоящими изъ шкурокъ, рыбы, мамонтовой и моржовой кости, на среднее теченіе Оби и Енисея, на устье Иртыша и въ другія, болѣе выгодныя для нихъ, мѣста, гдѣ они могутъ сбывать свои товары гораздо дороже, а покупать все, что имъ нужно, гораздо дешевле; вслѣдствіе этого обороты Обдорской ярмарки уменьшились, даже по оффиціальнымъ даннымъ, съ 72 тысячъ рублей на 45.

Стоимость матерьяловъ, приобретаемыхъ на Обдорской ярмаркѣ или въ другихъ мѣстахъ и идущихъ на приготовленіе различныхъ частей одежды подвержена довольно сильнымъ измѣненіямъ, такъ какъ цѣны на пушной товаръ находятся въ зависимости отъ количества привезеннаго матеріала и отъ спроса на него, а пушной товаръ здѣсь играетъ главную роль, благодаря тому, что торговля до сихъ поръ носитъ характеръ мѣновой и основаніемъ ея служатъ мѣха, причемъ единицей считается бѣличья шкурка, къ цѣнности которой и подводится цѣнность другихъ предметовъ.

Товары русскіе и зырянскіе, продаваемые инородцамъ, идутъ приблизительно по такой цѣнѣ: 1 аршинъ простаго солдатскаго сукна стоитъ 20 бѣлокъ (считая бѣлку по 10 копѣекъ, хотя иногда ея цѣнность подымается до 35 коп.); 1 аршинъ краснаго, зеленаго и синяго сукна самаго низкаго качества—40—50 бѣлокъ; 1 аршинъ ситцу 3—4 бѣлки; 1 аршинъ простаго холста 3—4 бѣлки; красные зырянскіе узкіе пояски—пара—одна бѣлка, широкіе—пестрые по бѣлкѣ за штуку; иголки—пара—бѣлка; мѣдныя украшенія—цѣпочки, трубочки, литыя изображенія—фунтъ 20—30 бѣлокъ; мѣдныя кольца—четыре штуки—одна бѣлка. Чтобы показать, на сколько выгодны для продавцевъ приведенныя цѣны, возьмемъ для примѣра хотя послѣдній случай: 4 кольца продаются за одну бѣлку; даже считая

бѣлку за 10 коп., мы получимъ, что стоимость каждаго кольца равна $2\frac{1}{2}$ коп., между тѣмъ какъ на Ирбитской ярмаркѣ сотня подобныхъ колецъ продается за 50 коп.; иначе вмѣсто $\frac{1}{2}$ копѣйки берется $2\frac{1}{2}$, и т. д., все въ томъ-же родѣ.

Что-же касается до оленьихъ шкуръ, продаваемыхъ инородцами, то цѣна на нихъ такова: шкура новорожденного оленя—пазыхъ 80 к.—1 р. 20 к.; неплюя 2 р. 25 к.—3 р.; маличнаго неплюя 2 р.—2 р. 25 к.; шкура стараго оленя съ зимней шерстью, такъ называемая „постель“ (употребляется при спаньѣ), 1 р.—1 р. 25 к.; шкура съ пары оленьихъ ногъ 25 к., съ головы 10 к.; замша изъ шкуры неплюя 3 р., изъ „постели“—2 р.

Чтобы не возвращаться ниже къ цѣнамъ, существующимъ вообще на шкурки, я приведу ихъ здѣсь: соболь—*нохсз* хорошій стоитъ 12 р., средній 8 р., плохой 3—4 р.; колонокъ 2—3 р., выдра—*хулъ тэнз* 3—8 р., боберъ—*витз уй* 6—12 р., росомага—*тулмахз* 5—10 р., лисица—*охсарз* 4—8 р., волкъ—*сали уй* 3—6 р., бурый медвѣдь—*торевз* 5—12 р., бѣлый медвѣдь—*янгз торевз* 15—25 р., заяцъ—*соурз* 10—15 к., бѣлка—*леэ'нынз* 10—15 к., горностай—*сѣмзи* 10—15 к., голубой песецъ—*лѣбакз* 8—15 р., бѣлый песецъ—2 р. 25 к.—3 р., недопесокъ—1 р. 50 к.—2 р., синякъ—1 р. 30 к.—1 р. 40 к., крестоватикъ—95 к.—1 р. 10 к., норникъ—40—50 к., копанецъ—15—20 к., пара лапъ бѣлаго песка—10 к., недопеска—8 к., синяка и крестоватика—4 к., пара лисьихъ лапъ—25 к., пара ногъ пазыхъ—3 к.

Различіе между бѣлымъ песцомъ, недопескомъ, синякомъ, крестоватикомъ, норникомъ и копанцомъ чисто возрастное: копанцомъ называется молодой песецъ до недѣли; отъ одной до трехъ недѣль зовется норникомъ, далѣе до начала Августа крестоватикомъ; затѣмъ до Сентября синякомъ, до Ноября—недопескомъ и только въ Ноябрьѣ песецъ достигаетъ полнаго возраста и дѣлается совершенно бѣлаго цвѣта, почему и зовется бѣлымъ; что-же касается до голубаго песка или, вѣрнѣе сказать, до дымчатаго, то онъ является довольно рѣдко и ввидѣ исключенія,

Шерсть копанецъ имѣетъ мягкую темно-бурую, затѣмъ въ формѣ норника и крестоватика у него около паховъ появ-

ляются довольно многочисленныя болѣе или менѣе желтоватая пятна, которыя все расширяются по направленію къ хребту, пока, наконецъ, общій цвѣтъ животнаго не сдѣлается темно-сѣрымъ или, вѣрнѣе сказать, свѣтло-дымчатымъ, что и придаетъ ему названіе синяка; эта форма затѣмъ переходитъ въ желто-бѣлаго недопеска, который, какъ уже сказано, къ зимѣ дѣлается чистымъ песцомъ съ бѣло-снѣжной пушистой шерстью; иногда песецъ въ теченіе всей своей жизни сохраняетъ первоначальный цвѣтъ шерсти, свойственный самому юному возрасту—почти копанцу, тогда-то и получается дымчатый песецъ, или голубой, потому что его темно-бурый цвѣтъ зимою принимаетъ легкій голубоватый оттѣнокъ.

Чтобы приблизительно показать то количество шкуръ, которыя привозятся въ Обдорскъ, приведу цифры за 1886 годъ, когда на ярмарку песца бѣлаго было привезено 4217 штукъ, недопеска—218, синяка—320, крестоватика—812, лисицъ—240, медвѣдей бурыхъ—12, бѣлыхъ—6, неплюевъ—5040, пазыхъ—3870, лапъ песцовыхъ—13000.

Въ привезенной коллекціи по одеждѣ, по матеріаламъ, изъ которыхъ она дѣлается, и по орудіямъ, которыя при этомъ употребляются, имѣются слѣдующія вещи:

1. Мольсянъ, съ суконнымъ верхомъ.
2. Гусъ изъ шкуръ неплюевъ.
3. Гусъ изъ постельныхъ шкуръ.
4. Сахай изъ шкуръ неплюевъ. *)
5. Женская шуба низовыхъ инородцевъ.
6. Дѣтская порха—*няурамъ порха*.
7. Лѣтній суконный гусъ.
8. Нарядная верхняя суконная одежда; надѣваемая при жертвоприношеніяхъ и на праздникахъ, а также и жертвуемая богамъ.
9. Тоже, только сдѣланная изъ шали.
10. Мѣховой головной уборъ низовыхъ инородцевъ.

*) Черный ободокъ на рукавахъ называется *тайтъ сунтъ экти*; красный—*хартъ миль*; черный ободокъ вдоль полы—*маиль экти*; красный—*маиль хартъ миль*; черный ободокъ внизу—*о́лы экти*; красный—*о́лы хартъ миль*; ремешки, которыми завязываются—*кеэ'нымъ*.

11. Зырянская шапка.
12. Платокъ для головы.
13. Шарфъ низовыхъ инородцевъ-женщинъ, сдѣланный изъ бѣличьихъ хвостовъ.
14. Мужской кожаный поясъ со всѣми принадлежностями: съ ножомъ, съ мѣшечками для вотлепа, точила и съ клыкомъ бѣлаго медвѣдя. Клыки эти у молодого медвѣдя большею частью бываютъ пустые, у старыхъ-же—плотные и обыкновенно гораздо желтѣе цвѣтомъ; предпочитаютъ носить зубы отъ старыхъ звѣрей.
15. Женскій поясъ низовыхъ инородцевъ съ большой мѣдной пряжкой спереди.
- 16—17. Рукавицы оленьи,—двѣ пары различнаго вида.
18. Рукавицы собачьи.
19. Рукавицы овечьи.
20. Обувь зимняя—мужская.
21. Обувь зимняя—женская.
22. Чулки изъ шкуръ неплюевъ, по русски чижи.
- 23—24. Зырянскіе шерстяные чулки—*саранъ сахымъ уай*, очень любимые сибирскими инородцами; ихъ цѣнность доходить до 1 р. 50 к.
25. Обувь лѣтняя мужская.
26. Обувь лѣтняя женская.
- 27—28. Обувь осенняя, двѣ пары.
29. Кожанная женскія туфли, всѣ расшитыя бисеромъ
30. Мужская рубашка.
31. Женская рубашка.
32. Замшевые штаны безъ нагрудника.
33. Замшевые штаны съ нагрудникомъ.
34. Украшеніе ввидѣ разноцвѣтной полоски, сдѣланной изъ кусочковъ замшевой кожи, мѣстами окрашенной.
35. Искусственныя женскія косы со всѣми украшеніями.
36. Искусственныя мужскія косы.
37. Зырянскіе красные пояски и пестрыя тесемки.
38. Ручныя маленькія пальцы—*куалыхъ саниэ партъ*, сдѣланныя одною дѣвушкой Маньзовъ по образцу зырянскихъ. Эта дѣвушка единственная, насколько мнѣ извѣстно, изъ всѣхъ

инородцевъ сѣверо-западной Сибири (необрусѣлыхъ), которая умѣетъ плести; шерсть она беретъ, распуская старые зырянскіе чулки.

39. Поясокъ, сплетенный этой дѣвушкой для волосъ—*эва пунъ сагнэ куалыхъ*.

40. Женскій рабочій мѣшокъ, украшенный узорами и побрякушками; въ немъ находятся иголки, нитки изъ оленьихъ жилъ и другія принадлежности, необходимыя при шитьѣ.

41. Мужской дорожный мѣшочекъ, сдѣланъ изъ сукна; складывается ввидѣ несессера и имѣетъ три отдѣленія съ огнивомъ, трутомъ и сухой травой; въ промежуткахъ между ними иголки и нитки.

42. Веретено—*сэдэнъ нялэ* съ намотанными на немъ нитками, пряденіемъ которыхъ занимаются инородцы, живущіе около русскихъ.

43. Крючекъ для мотки нитокъ—*сопасъ*, часто дѣлается изъ кости.

44. Нитки изъ крапивы; теперь употребляются рѣдко, но въ недавнее еще время изъ нихъ ткали холсты, очень прочныя и довольно красивые; теперь можно найти крапивный холстъ только случайно.

45. Сырыя оленьи жилы,—*сали сысъ тѣнъ*, изъ которыхъ теперь дѣлаются нитки, въ высшей степени тонкія и крѣпкія.

46. Сырая лосиная жила—*яныхъ уй сысъ тѣнъ*, употребляется въ тѣхъ-же условіяхъ какъ и оленья.

47. Оленья жила, битая и трепанная, приготовлена для крученія нитокъ.

48. Нитки изъ жилъ; онѣ гораздо крѣпче всѣхъ прочихъ и поэтому, главнымъ образомъ, и употребляются при шитьѣ кожъ.

49. Костяное шило—*яныхъ уй лу косънэ юнднэсолъ*, употребляется при сшиваніи плотныхъ кожъ.

50. Игольникъ—*юндынъ касъ*, представляющій изъ себя пустую кость, сквозь которую продѣта тесемка съ иголками.

51. Швейка—*инзахтенъ пѣртъ* изъ дерева съ закрывающимся ящичкомъ по срединѣ, по бокамъ вставлены маленькія деревяшки, какъ бы клавиши; окрашена въ красный цвѣтъ

нэрпомъ; въ ящикъ по серединѣ кладутся иголки, нитки и лоскутки, а клавишами забавляются маленькія дѣти, перебирая ихъ въ то время, когда мать работаетъ; теперь подобныхъ швеекъ не дѣлаютъ, встрѣчается рѣдко и, главнымъ образомъ, при раскопкахъ древнихъ могилъ.

52. Веребочка изъ женскихъ волосъ, ею иногда связываются разныя части одежды; особаго значенія не придаютъ.

53. *Поняпъ* — форма для литья свинцовыхъ и оловянныхъ украшеній на разныя части одеждъ; дѣлается изъ дерева и мягкаго камня.

54. Очки — *самъ кэръ*, самодѣльщина, обшиты по бокамъ оленьей кожей, носятъ во избѣжаніе глазной боли при сильномъ лучепреломленіи.

55—56. Двѣ лопатки — мужская и женская, употребляемыя низовыми инородцами для обиванія снѣгу на одеждѣ.

57. Шкура новорожденного оленя и шкура съ его ногъ.

58. Шкура неплюя.

59. Зимняя шкура стараго оленя — постель и шкура съ его ногъ.

60. Лѣтняя вылинявшая шкура стараго, дикаго оленя.

61. Шкура съ головы оленя, употребляемая для обиванія мелкихъ вещей.

62. Оленья замша, приготовленная остячкой.

63—65. Три оленьихъ шкуры, указывающія на постепенную переработку ихъ въ замшу: а) шкура выбритая, выколоченная, но не мятая, б) кожа послѣ мялки съ рыбьимъ жиромъ и с) кожа, совершенно превращенная въ замшу. Такого рода замша готовится въ Обдорскѣ, на заводѣ одного изъ мѣстныхъ жителей И. И. Карпова, который покупаетъ шкуры, выдѣлываетъ ихъ и отправляетъ на Ирбитскую ярмарку, гдѣ спросъ на эту замшу пока не очень великъ, такъ какъ она не можетъ похвастаться особенно хорошими свойствами: она слишкомъ жирна, что зависитъ отъ неумѣнья ее выдѣлывать; продается на вѣсъ и цѣна каждой шкуры приблизительно равна 2 р. 30 к. — 2 р. 50 к.; выдѣлывается пока всего до 1500 штукъ, но Карповъ рассчитываетъ увеличить свое производство.

66. Рыбій жиръ, получаемый на мѣстѣ и употребляемый при выдѣлкѣ вышеупомянутой замши.

67—69. Образцы золы еловой, лиственничной и смѣшанной изъ этихъ двухъ, идущихъ въ дѣло при началѣ обработки шкуръ.

70—75. Шкура бѣлаго песца, недопеска, синяка, крестоватика, норника и копанца; на этихъ образцахъ можно прослѣдить, какъ изъ вполне темнаго—песець постепенно становится все свѣтлѣе и свѣтлѣе, пока не приметъ совершенно бѣлаго цвѣта.

76—79. Шкурки съ лапъ бѣлаго песца, недопеска, синяка и крестоватика, употребляются въ качествѣ мелкой размѣнной монеты; идутъ на шитье подкладокъ подъ дохи, подъ шубы и отличаются большею прочностью.

80—81. Двѣ шкуры молодыхъ волковъ, употребляемыя на обшивку одежды, а главнымъ образомъ на украшеніе жертвуемыхъ богамъ приношеній.

82. Шкура молодого лисенка, вскормленнаго въ чуму, что бываетъ сравнительно часто; дѣлается это съ практической цѣлью: вынимая изъ гнѣзда еще совершенно молодыхъ, воспитывая ихъ дома, инородцы, затѣмъ, ихъ убиваютъ и шкуры или продаютъ, или жертвуютъ богамъ; надо только замѣтить, что шкура животного, выросшаго въ неволѣ, никогда не бываетъ такой хорошей, какъ шкура дикаго.

83. Лисьи лапы—употребляются на шитье мѣховъ, отличающихся своею крѣпостью.

84. Шкура собаки—*амгъ*, идетъ на обтягиваніе шаманскаго бубна и для обшиванія различнаго рода одеждъ.

85. Шкура зайца; большимъ распространеніемъ, вслѣдствіе, непрочности не пользуется,—цѣна рѣдко превышаетъ 15 к. за шкуру и нерѣдко бываетъ дешевле бѣлки.

86. Шкура колонка, который истребляется, главнымъ образомъ, изъ-за своего пушистаго хвоста идущаго на приготовленіе всевозможныхъ кистей, особенно живописныхъ; сама шкурка употребляется для поддѣлки и подкраски подъ другіе мѣха; хвостъ колонка цѣнится до 2 р.—2 р. 50 к., а сама шкурка только 25—50 к.

87. Шкура бурундука—*козяръ*; изъ нея дѣлаются пре-

имущественно кошельки, потому что, не только инородцы но даже и русскіе вѣрятъ, что такой кошелекъ никогда пусть не бываетъ.

88. Шкурки горностаевъ; въ настоящее время, благодаря отсутствію спроса на нихъ, онѣ сильно понизились въ цѣнѣ — до пяти копѣекъ за штуку, и то не всегда можно найти покупателя, поэтому горностаи сильно размножились и стали истреблять разные запасы, что и заставляетъ за ними охотиться не смотря на отсутствіе спроса, главнымъ образомъ, посредствомъ разныхъ ловушекъ.

89—91. Шкурки бѣлокъ — невыдѣланные: кондинская бѣлка (самая лучшая въ сѣверо-западной Сибири, добывается въ Кондинскомъ участкѣ Березовскаго округа); лиственничная — съ краснымъ хвостомъ, и бѣлая — довольно рѣдкій экземпляръ, встрѣчаемый въ видѣ исключеній. Шкурки съ бѣлокъ снимаются обыкновенно цѣликомъ и только иногда разрѣзаются.

92. Шкурки бѣлокъ, мятые и вполне выдѣланные; при выдѣлкѣ бѣличьихъ шкурокъ, какъ и другихъ впрочемъ, ихъ прежде всего приходится очень долго растирать руками сперва сухія, затѣмъ съ мукой и, наконецъ, съ рыбьимъ жиромъ или съ рыбьими талчеными костями; работа эта довольно утомительна и вліяетъ на здоровье рукъ, вотъ почему такъ рѣдко можно встрѣтить женщинъ, которыя преимущественно занимаются выдѣлкой шкуръ съ правильными пальцами: большею частью они поражаются страданіями въ сочлененіяхъ, чѣмъ вызывается появленіе шишекъ, и т. д.; хорошая и опытная работница въ день можетъ выдѣлать при усиленной работѣ до 15—20 шкурокъ.

93. Бѣличьи хвосты; идутъ на приготовленіе дамскихъ боа, спросъ большой и поэтому цѣна на нихъ съ каждымъ годомъ подымается и теперь доходитъ до пяти копѣекъ за хвостъ, т. е. почти такая-же, что и за остальную часть шкурки, вслѣдствіе этого съ каждымъ годомъ уменьшается количество бѣлокъ, продаваемыхъ съ хвостами; для бѣличьей шкурки потеря хвоста не имѣетъ большаго значенія, но въ то же самое время практикуется не рѣдко и по отношенію къ соболѣ, лисицѣ, волку, песцу, даже голубому, что имѣетъ большое значеніе на

уменьшеніе цѣнности шкурки; дѣлается это потому, что, по установившемуся обычаю, хвосты составляютъ принадлежность женъ,—которыя пользуются своимъ правомъ и немедленно, по возвращеніи мужей съ удачной охоты, приступаютъ къ операціи.

94—95. Мѣха изъ птичьихъ шкурокъ: идутъ на подкладку одеждъ, особенно дѣтскихъ; довольно прочны и красивы; цѣнятся, сравнительно, не дешево—утиная шкурка доходитъ до 5 к. штука; кромѣ утиныхъ употребляются также гусиные, лебединые, гагачьи и нѣкоторыя другія; за породой не гоняются, было бы мягко и тепло, чего обыкновенно и достигаютъ.

96—99. Два мужскихъ и два женскихъ ножа въ ножнахъ, при чемъ однѣ ножны—*сыталз* обдѣланы оленьей шкурой, а другія раскрашены и покрыты вырѣзаннымъ узоромъ; покупается у зырянъ обыкновенно только самый ножъ (мужской—*налталз казай кэрз* и женскій—*налталз махунз казай*), а ручка дѣлается самими, при чемъ обдѣлывается иногда разными узорами и имѣетъ почти всегда знакъ собственности—тамгу, цѣна желѣзу 20—40 коп. за штуку.

100. Точило—*лэстанз*, всегда носится въ чехлѣ—*лэстанз хузынз*; пріобрѣтается у зырянъ за 50—75 коп.

101—102. Инструменты—*ноудунз кэрз*, употребляемые при выдѣлкѣ шкуръ и состоящіе изъ небольшой загнутой пластинки, вдѣланной въ деревянную ручку, при чемъ менѣе загнутымъ концомъ обрабатываютъ оленьи и лосинныя шкуры и вообще грубыя въ началѣ, а болѣе загнутымъ, при окончаніи работы, когда шкура уже становится мягче.

2. Принадлежности охоты и рыбной ловли и инструменты, употребляемые при ихъ приготовленіи.

Жизнь инородца находится въ полной зависимости отъ условій окружающей его обстановки, измѣнить которыя онъ не можетъ, да въ большинствѣ случаевъ и не хочетъ. Въ прежнее время, когда его потребности были незначительны, когда онъ вполнѣ удовлетворялся тѣмъ, что получалъ отъ своихъ водъ, лѣсовъ и тундръ, онъ былъ счастливъ; теперь потребности съ ознакомленіемъ, при посредствѣ русскихъ и зырянъ, съ плодами цивилизаціи увеличились, а средства къ ихъ удовлетворенію уменьшились. Оленьи стада, считавшіяся когда-то сотнями тысячъ головъ, исчезли, остались лишь печальныя воспоминанія ввидѣ небольшихъ стадъ въ сотню, другую штукъ; лѣса, ютившіе прежде въ себѣ самыхъ разнообразныхъ звѣрей въ громадномъ количествѣ или выгорѣли, или вообще обѣдняли населеніемъ, ушедшимъ въ болѣе гостепріимныя мѣста, и только однѣ воды по прежнему остаются ему вѣрными, доставляя въ изобиліи рыбу и водяную птицу, хотя и здѣсь замѣчается поворотъ и далеко не къ лучшему, по крайней мѣрѣ, относительно рыбной ловли: появляются новые рыболовы—русскіе, отчасти зыряне, съ новыми способами ловли, запрещенными даже законами, на примѣръ, самоловами и переметами; съ громадными сѣтями, захватывающими болѣе половины рѣки. Но не въ этомъ бѣда еще, а въ томъ, что прежде всѣмъ убитымъ, всѣмъ наловленнымъ инородецъ пользовался самъ—шкурами одѣвался, мясомъ питался и только избытокъ сбывалъ; теперь же, наоборотъ, онъ ловитъ, стрѣляетъ съ цѣлью продать и только самое необходимое, несчастные остатки онъ оставляетъ себѣ, отъ этого и происходитъ увеличеніе смертности, такъ какъ ослабѣвшій организмъ не можетъ, понятно, уже такъ успѣшно бороться

съ болѣзнями, какъ организмъ здоровый. Такого рода перемѣна веденія хозяйства зависитъ отъ увеличенія потребностей, удовлетворять которыя и даже развивать являются всегда русскіе, а въ послѣдніе года особенно зыряне. Плоды знакомства инородца съ народами, стоящими выше его по своему развитію, пока сказываются довольно печально—развивается роскошь сравнительная, конечно, ввидѣ водки, табаку, чаю, разноцвѣтнаго сукна и ситца, всевозможныхъ металлическихъ и стеклянныхъ украшеній, за которыя приходится платить, что было бы и раньше трудно, а теперь, при общемъ обѣдненіи, при увеличеніи болѣзней и замѣчаемой меньшей выносливости къ разнаго рода невздамъ, постоянно случающимся при томъ образѣ жизни, который они ведутъ, тѣмъ болѣе тяжело, и въ результатѣ всего этого—долги, затѣмъ кабала, соединенная съ порчей нравовъ; и то населеніе, которое когда-то поражало своей простотою, честностью и гостепріимствомъ, теперь стало неузнаваемо—оно пріобрѣло совершенно противоположныя свойства—сдѣлалось хитро, безчестно, часто нахально и требовательно, и теперь его обмануть уже не такъ легко, какъ это было прежде; напротивъ, нерѣдко оно само увлекается въ обманъ; только на отдаленномъ сѣверѣ—въ тундрахъ—на берегахъ Ледовитаго моря; въ урманахъ—первобытныхъ лѣсахъ, удаленныхъ отъ удобныхъ путей сообщенія, замѣчается прежнее дѣтское добродушіе и наивная простота.

По образу жизни инородцы не всѣ одинаковы—одни круглый годъ бродятъ со своими оленьими стадами съ одного мѣста на другое, лѣтомъ удаляясь къ сѣверу, а зимою приближаясь къ югу; другіе—охотники, рыболовы дѣлаютъ перекочевки, сообразно съ условіями охоты: то въ теплое время селятся около рѣкъ и озеръ, то въ холодное отправляются въ лѣса и тамъ проводятъ мѣсяцы, при чемъ хотя семья, большею частью, и остается дома, но этотъ домъ уже не лѣтній берестяной чумъ, а зимній—деревянный, или изъ оленьихъ шкуръ, и расположенный, если представляется какая нибудь возможность, въ лѣсу въ защитѣ отъ вѣтровъ и холодовъ; и, наконецъ, третьи, живущіе ближе къ югу, на примѣръ, по Иртышу и по Оби, при впаденіи въ нее Иртыша—осѣдлы, имѣютъ по-

стоянные дома, занимаются скотоводствомъ, разводятъ огороды, и хотя охота и рыбная ловля точно также составляютъ ихъ занятія, но они никогда не отвлекаютъ инородца слишкомъ надолго отъ его постоянного мѣста жительства.

Инородцы, живущіе, главнымъ образомъ, оленеводствомъ, находятся въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ звѣроловы и охотники, хотя и у послѣднихъ обыкновенно бываютъ небольшія олени стада. Прежде трудно было встрѣтить инородца, у котораго не было бы нѣсколькихъ десятковъ головъ оленей, а бывали и такіе, которые ихъ считали десятками тысячъ, теперь этого нѣтъ. Оленеводство сильно падаетъ и это служитъ главною причиною замѣчаемой переменъ въ образѣ жизни—перехода отъ кочеваго къ осѣдлому. Объясненій упадка оленеводства надо искать въ общихъ причинахъ обѣдненія, высказанныхъ раньше: въ увеличеніи потребностей, которыя заставляютъ оленеводовъ продавать и убивать оленей болѣе, чѣмъ это слѣдовало бы; въ ухудшеніи ухода вслѣдствіе развивающагося пьянства и усиленія эпидемій, и кромѣ того, въ увеличеніи болѣзней среди оленей, что, по всей вѣроятности, зависитъ отъ болѣе частыхъ сношеній съ оленями сѣвера Европейской Россіи, которыхъ теперь ихъ новые владѣльцы—зыряне стали перегонять на восточную сторону Урала, или снимая въ аренду тундры у ихъ вотчинныхъ владѣльцевъ, или пользуясь ими самовольно и бесплатно; затѣмъ усиленіе воровства, благодаря которому иногда оленеводъ, бывшій владѣльцемъ нѣсколькихъ сотъ головъ, въ одну ночь дѣлается нищимъ. Главными дѣателями на этомъ поприщѣ являются зыряне, про которыхъ, кстати надо сказать, что они гораздо болѣе опасные враги цѣлости инородца, чѣмъ русскіе, такъ какъ одинаковый образъ жизни съ инородцами даетъ имъ большое преимущество передъ русскими.

Инородецъ-олениводъ получаетъ отъ своего стада рѣшительно все, что ему необходимо въ жизни и чѣмъ онъ прежде обыкновенно и удовлетворялся. Олени его одѣваютъ и лѣтомъ, и зимой, своей шкурой, которая идетъ также и на устройство зимняго шалаша—чума; своимъ мясомъ они его кормятъ; они его возятъ; даютъ возможность вести мѣновой родъ торговли и за все это требуютъ только одного, чтобы онъ имъ не мѣшалъ идти

туда, куда ихъ влечетъ инстинктъ—лѣтомъ къ морю или въ горы, гдѣ меньше комара и мушкары, а зимой въ равнины, гдѣ больше для нихъ корму. И живетъ себѣ оленеводъ спокойно, заботится только о томъ, чтобы волкъ или медвѣдь не обижалъ его стада, да чтобы далеко не отбѣжали не смирные олени; но у него есть дѣятельные помощники ввидѣ собакъ, которыя зорко слѣдятъ за ввѣреннымъ имъ стадомъ и горе оленеводу, если онѣ у него пропадаютъ, вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ: стадо разбѣгается, звѣрь начинаетъ сильно тревожить оленей и хозяинъ не знаетъ, что дѣлать; вотъ почему оленьими собаками такъ дорожатся и такъ сравнительно ухаживаютъ за ними; не всегда можно пріобрѣсти ихъ тѣмъ болѣе, что старыхъ, больныхъ или увѣчныхъ убиваютъ и ихъ шкурки съ длиннымъ бѣлымъ пушистымъ волосомъ (онѣ всѣ такія) идутъ на отдѣлку разныхъ частей зимней одежды; негодныя почему-либо для охраны стада употребляются иногда для перевозки небольшихъ тяжестей; но это бываетъ рѣдко—онѣ недостаточно сильны и для этого берутъ, главнымъ образомъ, бракъ изъ охотничьихъ собакъ; цѣнность хорошей оленьей собаки иногда доходитъ до 3—5 оленей, т. е. на наши деньги, кладя оленя среднимъ числомъ по 7 рублей, отъ 21—35 р.

Иностранецъ охотникъ и рыболовъ, особенно, если у него нѣтъ совершенно оленей, что теперь стало встрѣчаться сравнительно часто, находится въ полной зависимости отъ результатовъ своей охоты, вотъ почему онъ долженъ тщательно изучить привычки каждой птицы, звѣря и рыбы, иначе ему грозить, если и не голодная смерть, то во всякомъ случаѣ въ высшей степени бѣдственное существованіе; и вотъ почему трудно найти среди ученыхъ біологовъ - зоологовъ такого знатока жизни животныхъ, какимъ является всякій мало-мальски порядочный охотникъ среди иностранцевъ.

Зимою или, вѣрнѣе сказать, по снѣгу, т. е. и ранней весною, и поздней осенью, охота сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ лѣсахъ, и тундрахъ, между тѣмъ какъ лѣтомъ, позднею весною и ранней осенью на водахъ рѣкъ, морей и озеръ. Лишь только вскроются рѣки, что бываетъ при тѣхъ громадныхъ разстояніяхъ, какія существуютъ на сѣверѣ, въ разное время

(напримѣръ, Обь у Обдорска обыкновенно вскрывается около 5 іюня, замерзаетъ около 29 октября, а Сѣверная Сосьва у Березова вскрывается около 25 мая и замерзаетъ около 30 октября), инородецъ собираетъ свои пожитки, обыкновенно довольно скудные и состоящіе изъ одежды, рыболовныхъ снастей, ружья со всѣми принадлежностями, изъ предметовъ домашняго быта, хлѣба, если имѣется, и вяленой рыбы, идетъ со своей семьей къ рѣкѣ, приготовляетъ лодку, иногда двѣ, смотря по величинѣ семьи, и отправляется внизъ по рѣкѣ на свои рыболовные угодья. По существующимъ законоположеніямъ инородцы являются собственниками всѣхъ угодій, расположенныхъ въ мѣстахъ ихъ обитанія и русскіе или зыряне могутъ только арендовать, но не покупать то или другое мѣсто. Не буду здѣсь говорить объ этомъ подробно, но скажу только, что вслѣдствіе переселенія изъ одного мѣста въ другое, вслѣдствіе брачныхъ союзовъ, инородцы часто имѣютъ звѣринныя или рыбныя угодья, расположенныя далеко отъ мѣста ихъ жительства, иногда за нѣсколько сотъ верстъ, и поэтому многимъ приходится весною изъ притоковъ Оби спѣшить на самую Обь, чтобы поспѣть къ началу хода рыбы.

Высота уровня Оби въ разные времена года и въ различные года не всегда бываетъ одинакова и это имѣетъ большое вліяніе на жизнь населенія, обитающаго въ его водахъ, а также и на жизнь населенія береговаго — человѣка. Однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ, которые вліяютъ на періодическія явленія Обскихъ рыбъ, надо считать то состояніе воды, которое извѣстно подъ названіемъ замора, замиранія, духа. Это состояніе начинается обыкновенно послѣ покрытія рѣки льдомъ и продолжается до весны, до его таянія, причемъ вода краснѣетъ, издаетъ непріятный запахъ, дѣлается отвратительной на вкусъ и невыносимой для рыбы, которая обыкновенно при этомъ умираетъ, если не находитъ болѣе удобныхъ мѣстъ, какими являются такъ называемые живцы, ключи, если они только незамерзаютъ, что не всегда бываетъ: если осенью, при отсутствіи снѣга, были сильные морозы, то ключи замерзаютъ и тогда рыба погибаетъ въ громадномъ количествѣ; если же осень была теплая, если снѣгъ выпалъ раньше

морозовъ, то тогда рыба благоденствуетъ и сосредоточивается около ключей, гдѣ обыкновенно ее ловятъ, но обыкновенно рыба какъ-бы предчувствуетъ наступленіе губительнаго для нея періода и направляется частью въ верховья небольшихъ рѣкъ, впадающихъ въ Обь, частью въ верховья Иртыша и самой Оби; но иногда, именно при сильныхъ осеннихъ морозахъ, заморъ распространяется и на такія рѣчки, которыя прежде не были ему подвержены и тогда рыба при первыхъ его слѣдахъ устремляется назадъ и тутъ-то въ устьяхъ она и попадаетъ въ руки рыболововъ. Къ рыбамъ, заходящимъ въ верховья рѣкъ, принадлежатъ: чебакъ, окунь, налимъ, язь, ершъ, елецъ, отчасти щука; кромѣ того нѣкоторыя рыбы, напримѣръ, стерлядь, зимуютъ постоянно въ однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ—въ среднемъ и верхнемъ теченіи Иртыша, а также въ верховьяхъ Оби, гдѣ замора не бываетъ. Простоявши зиму рыбы оставляютъ свои становища и стремятся въ тѣ мѣста, гдѣ больше корму, преимущественно внизъ по теченію рѣкъ и, главнымъ образомъ, въ Обь, въ которой въ это время вода, благодаря половодью, освѣжается и рыбѣ открывается большой просторъ для отъѣданія и метанія икры. Въ то время, какъ верховая рыба идетъ внизъ, къ ней на встрѣчу изъ Обской губы идутъ вверхъ представители семейства лососевыхъ-сырокъ, нельма, муксунъ, пыжьянъ, щокуръ и осетръ, которыя также прежде всего идутъ въ сора, т. е. или въ озера, сообщающіяся протоками съ Обью, или въ сильно вдающіеся заливы; въ этихъ сорахъ онѣ обыкновенно остаются до спада водъ, когда рыбы верховья начинаютъ расходиться по рѣкамъ изъ мѣстъ мелководныхъ въ болѣе глубокія, а низовыя тянутся вверхъ по Оби и ея притокамъ иногда почти до самыхъ верховьевъ; это движеніе низовыхъ рыбъ вверхъ начинается со вскрытія рѣкъ и продолжается до осени, когда происходитъ метаніе рыбы, которая въ первое время ихъ появленія въ Оби бываетъ совершенно незрѣлая; къ концу лѣта идутъ вверхъ по рѣкамъ и верховыя рыбы, какъ-бы предчувствуя приближеніе зимы, а вмѣстѣ съ ней и замора. Низовыя рыбы идутъ не въ одно время и не съ одинаковой быстротой: прежде всѣхъ идетъ сырокъ съ быстротою до 40—50 верстъ въ сутки, затѣмъ нельма — самая

быстрая, такъ какъ появляется почти одновременно и въ верхнихъ, и въ нижнихъ частяхъ Оби, затѣмъ пыжьянъ, муксунъ, щокуръ и осетръ, самый лѣнливый и медленный въ движеніи и уходящій не болѣе 10 верстъ въ сутки. Дольше всѣхъ въ сорахъ остается сырокъ, затѣмъ онъ, какъ и нельма, нерѣдко заходитъ въ побочныя рѣки, тогда какъ муксунъ идетъ, главнымъ образомъ, по самой Оби. Всѣ эти рыбы идутъ громадными стаями и во время хорошаго хода попадаютъ сотнями и даже тысячами въ одну тоню; конечно, бываютъ года, когда не окупаются затраты на снасти, но это бываетъ очень рѣдко, въ большинствѣ же случаевъ бываетъ совершенно обратное, когда, вслѣдствіе обилія рыбы и неумѣнія хорошо заготовлять ее въ прокъ, приходится пойманную или продавать за безцѣнокъ, или даже выбрасывать; особенно обилень бываетъ ловъ при низкомъ лѣтнемъ уровнѣ воды, когда рыба не находитъ себѣ достаточно простору въ низовыхъ сорахъ и заливахъ и подымается вверхъ; имѣютъ также не малое вліяніе на ходъ рыбы и дельфины, которые, охотясь за ней, гонятъ ее передъ собой и иногда такъ увлекаются этимъ, что сами дѣлаются, попадая на мелководье, добычею рыболововъ.

Удобныя для ловли неводомъ мѣста называются песками; они обязательно должны имѣть ровное дно, съ постепенною покатою отъ берега въ глубину, безъ ямъ; необходимо, чтобы фарватеръ не лежалъ далеко отъ берега, иначе трудно будетъ захватывать рыбу, идущую обыкновенно по стрежу; въ этомъ отношеніи наиболѣе удобны тѣ мѣста, гдѣ рѣка островомъ раздѣляется на двѣ части и гдѣ, значить, фарватеръ легко достижимъ. Пески не представляютъ изъ себя нѣчто неподвижнаго; напротивъ, они очень часто мѣняютъ свой характеръ и или улучшаются, или ухудшаются; зависитъ это отъ измѣненія фарватера рѣки, отъ его удаленія, или приближенія; отъ размыва песковъ, отъ наноса въ половодье деревьевъ, и т. д.

Прибывши на свои вотчинные пески, если только они не сданы въ аренду, что въ послѣднее время бываетъ все чаще и чаще, инородецъ ставитъ себѣ берестяной чумъ, около него устраиваетъ изъ сучьевъ и тростнику какъ-бы бесѣдку для

развѣшиванія рыболовныхъ снастей, и принимается за рыбную ловлю.

Ловятъ утромъ, вечеромъ; если рыба хорошо идетъ, то и днемъ, сѣтью, завозя одинъ конецъ ея на лодкѣ, а другой таща по берегу; если семья не велика, то обыкновенно соединяются по нѣсколько семей вмѣстѣ и пойманную рыбу дѣлятъ по числу участниковъ; споровъ при этомъ обыкновенно не бываетъ, если поймана большая рыба, то рѣшаютъ по жребію, кому она должна достаться, и тогда другіе получаютъ соотвѣтствующее число меньшихъ; рыбу сейчасъ-же начинаютъ чистить; затѣмъ если она большая, то ее солятъ, причемъ количество соли кладутъ различное: на 1000 муксуновъ употребляютъ 25 пудовъ соли, на 1000 сырковъ 10 пудовъ; на пудъ осетра и нельмы 15 ф., но вообще способы засола, въ высшей степени не хороши и вслѣдствіе этого и происходитъ то, что Обская рыба, замѣчательная въ свѣжемъ видѣ по своему вкусу, соленая почти не можетъ употребляться въ пищу, до того она дѣлается жесткой и невкусной; мелкую же рыбу обыкновенно вялятъ для собственнаго употребленія и затѣмъ нѣсколько поджариваютъ; если погода дождливая, то эта рыба, нанизанная рядами на палки, успѣваетъ предварительно испортиться, но это нисколько не мѣшаетъ ея употребленію въ пищу.

Кромѣ сѣтей рыбу ловятъ также, особенно въ нижнемъ теченіи рѣки, переметами и самоловами, способами, хотя и запрещенными закономъ, но затѣмъ не менѣе не только не исчезающими, но даже развивающимися; особенно большой вредъ приносятъ самоловы со своими сотнями безъ наживы крючковъ; не тѣмъ, конечно, что на нихъ попадаетъ рыба, а тѣмъ, что много пропадаетъ напрасно, срываясь, уходя и умирая; около самолововъ всегда находится не мало мертвой рыбы и это пугаетъ остальную, которая иногда даже возвращается назадъ и такимъ образомъ рыбаки остаются при тщетныхъ ожиданіяхъ; эти способы, главнымъ образомъ, практикуются русскими и только въ послѣдніе года стали перениматься инородцами; кромѣ того рыбу ловятъ еще особымъ мѣшкомъ колыданомъ, въ притокахъ Оби—небольшой сѣтью—*налз хулымз* безъ камней и *ахтасз хулымз* съ рядомъ камней внизу; ловятъ камгой, на-

поминающей нашу морду и дѣлаемой изъ кедровыхъ или другихъ прутьевъ, хотя этотъ способъ преимущественно практикуется зимой, когда перегораживаютъ рѣки; наконецъ осенью—по вечерамъ и ночамъ, ѣздятъ съ огнемъ лучить рыбу трехконечной острогой, напоминающей собой трезубецъ Нептуна; иногда осенью же бьютъ рыбу и днемъ острогой или даже стрѣлой изъ лука, но это требуетъ большой ловкости и поэтому охотниковъ на такой способъ ловли мало. Осенью, по возвращеніи съ песковъ, рыбная ловля вполне не прекращается, но начинается особая забота искусно перегородить рѣку, чтобы не дать рыбѣ возможности уйти; эти перегораживанія—*язы*, практикуемые обыкновенно на небольшихъ рѣчкахъ, дѣлаются изъ толстыхъ кольевъ, оплетаемыхъ вѣтвями, причемъ остаются только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ бы ворота, куда рыба и стремится, но здѣсь стоятъ камги, и она въ нихъ застрѣваетъ; искусство устроить хорошо *язы* заключается въ томъ, чтобы рыбѣ не было никакого ходу помимо воротъ и чтобы *язы* были на столько прочны, что могли-бы выстоять всю зиму; такой способъ ловли, единственно практикуемый зимою на притокахъ Оби, доставляетъ въ хорошіе года не мало рыбы, оставшейся зимовать въ рѣчкахъ, но главное занятіе инородцевъ зимою не рыбная ловля, а охота, на которую всякій здоровый изъ нихъ и стремится, лишь только настанутъ заморозки, лишь только замерзнутъ болота, и особенно, когда выпадетъ снѣгъ.

Помимо тѣхъ *язовъ*, которые устраиваются зимою, весною также перегораживаютъ устья соровъ, куда заходитъ рыба для откармливанія; тогда рыба является какъ-бы запертой и ея ловля, если устье заперто хорошо, не представляетъ никакого затрудненія; иногда даже протокъ, соединяющій соръ съ рѣкою, заваливаютъ землею, но это запрещается, хотя существенной пользы отъ этого запрещенія не видно, такъ какъ все-таки продолжаютъ поступать по прежнему; главный вредъ такого способа загораживанія протоковъ заключается въ томъ, что тогда даже и мелкая рыба не можетъ выйти и она или погибаетъ, или вся вылавливается.

Продукты рыболовства похуже остаются для собственнаго употребленія и изъ нихъ приготовляются запасы на зиму, а

получше продаются русскимъ, зырянамъ, которые сами прѣѣзжаютъ на пески или ѣздятъ за ними на Обдорскую ярмарку. Цѣны на эти продукты нѣсколько варьируютъ, но средняя цѣна ихъ остается болѣе или менѣе одна и та же. Какъ единицей цѣнности между шкурками служить шкурка бѣлки, такъ единицей цѣнности среди рыбы въ разныхъ частяхъ Оби является мѣрный муксунъ, девяти вершковъ длины, измѣряемый отъ середины глаза до основанія хвостоваго плавника; въ среднемъ теченіи Оби, между устьемъ Иртыша и Березовымъ, муксунъ цѣнится въ 12 к., ниже Березова до Обдорска цѣнность его падаетъ до 10 к., ниже Обдорска до 8 к., въ Обской губѣ до 5 к., и, наконецъ, въ Надымѣ до 4 к. штука; если муксунъ нѣсколько меньше девяти вершковъ, то до $8\frac{1}{2}$ вершк. онъ считается недомуксуномъ и ихъ дается два за одного муксуна; если меньше $8\frac{1}{2}$ вершк., то называется колезнемъ и его цѣнность равняется $\frac{1}{2}$ недомуксуна и $\frac{1}{4}$ муксуна; если принять во вниманіе рядъ обмановъ, практикуемыхъ при измѣреніи, напр., пригибаніе головы къ туловищу и т. п., то пріобрѣтеніе рыбы дѣлается очень выгоднымъ для рыбопромышленниковъ, но еще болѣе выгоды получаетъ онъ, когда ведетъ мѣновую торговлю, тогда онъ беретъ въ Надымѣ, на примѣръ, за пудъ муки 13—15 муксуновъ, за соль 25—30, за табакъ 250—300; за фунтъ чаю 50—60; за фунтъ сахара 25—30; аршинъ сукна, стоящаго копѣекъ 75—90, отдается за 40 муксуновъ, и т. д., все въ томъ-же родѣ; пудъ осетра (до 5 четв.) доходитъ до 2 р. 50 к.—3 р., пудъ нельмы мѣрной до 3 р., пудъ сырца до 1 р.—1 р. 50 к., пудъ язя до 80 к.—1 р. 20 к., пудъ щуки до 75—90 к., пудъ налима до 70 к.—90 к., осетровая вязига до 2 р. пудъ, икра до 6 р., клей тоже до 6 р., рыбій жиръ до 2 р.

Въ послѣднее время, благодаря отчасти и увеличивающейся опытности самихъ инородцевъ, и отчасти вслѣдствіе усиленія конкуренціи между рыбопромышленниками—цѣнность рыбы и ея продуктовъ подымается и становится хотя мало-мальски возможной, но пользы отъ этого, если не измѣнятся другія условія, ожидать нельзя—только лишній разъ будетъ пьянъ мужъ да жена больше купить себѣ разныхъ погремусекъ.

Количество вылавливаемой рыбы опредѣлить трудно, кон-

троля нѣтъ, и приходится только основываться на словахъ самихъ рыбопромышленниковъ, на что особенно полагаться нельзя; кромѣ того не надо упускать изъ виду, что все лѣто, и большую часть зимы инородецъ питается, главнымъ образомъ, рыбой, которую истребляетъ въ громадномъ количествѣ, напр., когда хорошій уловъ и когда ему некуда продавать рыбы, тогда онъ ежедневно съѣдаетъ 3—4 мѣрныхъ муксуна, т. е. фунтовъ до двадцати. Въ 1878 году съ низовьевъ Оби вывезено осетра 6405 пудовъ, нельмы 1267, муксуна 22696, недомуксунка 6998, колезня 14494, налима 2340, язя и щуки 237, сырка и пыжьяна 14308, сухой рыбы 13184, жиру 739, икры 134, вязиги 12 и клею 37 пудовъ.

Объ уменьшеніи рыбы въ настоящее время судить очень трудно, хотя почти всѣ и жалуются на это, но необходимо имѣть въ виду то, что число промышленниковъ увеличилось и то, что прежде попадало въ руки пяти—шести человѣкъ, теперь распредѣляется между нѣсколькими десятками; кромѣ того появились новыя мѣста сбыта — Сургутъ, съ одной стороны, и Архангельская губернія, при посредствѣ зырянъ, съ другой. Во всякомъ случаѣ, если уменьшенія рыбы нельзя видѣть теперь, то можно поручиться, что если рыбное хозяйство будетъ вестись такъ-же, какъ оно ведется теперь, что и этотъ послѣдній вѣрный источникъ существованія мѣстныхъ инородцевъ исчезнетъ; и чѣмъ они будутъ тогда жить, отвѣтить трудно.

На ряду съ рыбной ловлей весною, лѣтомъ и осенью сильно распространена охота за птицей, причемъ съ ружьемъ охотятся мало, а, главнымъ образомъ, ее ловятъ при помощи особыхъ приспособленій. Дичь лѣсная — рябчики, тетерева, куропатки, хотя и служатъ предметомъ охоты въ продолженіе всего года, но она не имѣетъ такого значенія, какъ птица водяная — утки, гуси и лебеди.

Долина рѣки Оби въ всѣхъ отношеніяхъ представляетъ изъ себя одно изъ самыхъ удобныхъ мѣстъ для гнѣздованія птицы, для вывода дѣтей и для линьки. Обиліе заливовъ и протоковъ; масса побочныхъ рѣкъ и рѣчекъ; тысячи мелкихъ острововъ, покрытыхъ то низкимъ, то высокимъ тальникомъ, осо-

кой, пыреемъ и т. п., образуютъ непроходимыя для человѣка мѣста, и даютъ просторъ гнѣздящейся и линяющей птицѣ.

Но при массѣ удобствъ долина рѣки Оби представляетъ нѣкоторыя и невыгодныя стороны; большая часть породъ утокъ дѣлаетъ гнѣзда тогда, когда р. Обь стоитъ на довольно низкомъ уровнѣ, но бываютъ года, въ которые вода въ срединѣ лѣта до того поднимается, что затопляетъ всѣ гнѣзда, расположенныя на островахъ, и только одни плавуны, большіе плавающие участки растительной земли, остаются цѣлыми со всѣмъ своимъ пернатымъ населеніемъ, которое не оставляетъ свободнымъ ни одного клочка; при такихъ заливахъ обыкновенно погибаетъ масса птицы.

Со второй половины апрѣля начинается на югѣ, около Тобольска, перелетъ водныхъ и болотныхъ птицъ, которыя если встрѣчаютъ на сѣверѣ льды и холода, возвращаются назадъ въ болѣе южныя мѣста, такъ что когда на сѣверѣ, Тобольской губерніи, на примѣръ, весна холодная, тогда среднія и южныя части ея изобилуютъ дичью, а сѣверныя ея сравнительно бѣдны; и наоборотъ—съ теплыми веснами на сѣверѣ большинство птицы улетаетъ туда, перелетъ бываетъ короткій и поэтому мѣста южныя дичью не богаты. Весною и осенью, во время перелета гусей и лебедей, охотники, выставя гусиные и лебединыя чучела въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ птица охотно садится, сами прячутся въ шалашъ и въ ямы и, смотря по пролетающей мимо птицы, подражаютъ ей съ замѣчательной точностью; гуси и лебеди, видя своихъ собратьевъ, сдѣланныхъ обыкновенно довольно искусно, слыша ихъ призывные клики, спускаются къ нимъ, но тутъ ихъ встрѣчаютъ ружейными выстрѣлами и они дѣлаются добычей охотника.

Иногда вмѣсто чучель около шалашей выставляютъ живую птицу, особенно гусей, такъ называемыхъ маньщиковъ, которые до того приучены, что стараются всячески привлечь вниманіе дикихъ—кричатъ, бѣгаютъ и т. д. Прежде когда не было ружей, а иногда и теперь, гусей и лебедей ловятъ особыми сѣтями, причемъ пользуются услугами тѣхъ-же маньщиковъ; при такомъ способѣ нерѣдки бываютъ недѣли, когда на человѣка приходится до 100—200 гусей.

Наиболѣе распространенные теперь способы ловли—это перевѣсы и линный. Перевѣсами ловятъ, главнымъ образомъ, во время весенняго перелета и отчасти въ началѣ лѣта; они представляютъ изъ себя сѣть, верхніе углы которой имѣютъ веревки, продѣтые сквозь блоки, укрѣпленные на верхнихъ концахъ шестовъ, на столько высокихъ, что они иногда превышаютъ окружающій лѣсъ. Концы веревокъ отъ верхнихъ блоковъ идутъ въ руки ловца, которымъ могутъ быть и мужчина, и женщина, старый и малый, и который сидитъ передъ сѣтью и держитъ также веревки и отъ нижнихъ угловъ сѣти. Самымъ удобнымъ и выгоднымъ мѣстомъ для устройства перевѣса считается перешеекъ между двумя озерами, изъ которыхъ одно лежитъ сѣвернѣе другого; обыкновенно такого рода перешейки бываютъ покрыты довольно высокимъ березнякомъ, осинникомъ и ивнякомъ, поэтому дѣлаютъ просѣку сажень до 5 ширины и поперекъ этой просѣки и протягиваютъ перевѣсъ.

Ловля производится исключительно вечеромъ и раннимъ утромъ, когда вообще не совсѣмъ свѣтло; въ это-то время между птицей и замѣчается наибольшее движеніе. Свой перелетъ птицы обыкновенно держать на сѣверъ, поэтому охотникъ долженъ садиться лицомъ къ озеру, находящемуся на сѣверѣ, такъ, чтобы сѣть была предъ его глазами. Птица, поднимаясь съ южнаго озера, направляется на сѣверный, причемъ вначалѣ держится очень низко къ водѣ; подлетая къ лѣсу, она отыскиваетъ просѣку, летитъ чрезъ нее, въ темнотѣ не замѣчаетъ стоящей на пути сѣти, съ силой ударяется въ нее и, если сѣть плоха, то разрываетъ ее, но обыкновенно маломальски опытный ловецъ до этого не допуститъ: лишь только птица ударится въ сѣть, онъ быстро опускаетъ веревки, идущія къ блокамъ, и сѣть падаетъ. Затѣмъ онъ тотчасъ-же подтаскиваетъ, при помощи новыхъ системъ блоковъ, нижніе углы сѣти и сѣть тогда образуетъ нѣчто вродѣ мѣшка, наполненнаго дичью. Охотникъ беретъ одну птицу за другой и перекусываетъ каждой голову, раздробляя весь черепъ.

Хорошій ловецъ во время лова перевѣсами можетъ поймать до 500 утокъ и нѣсколько десятковъ гусей; наиболѣе

бѣдныя, имѣющіе плохія снасти, ловятъ все-таки штукъ по десяти каждый вечеръ и каждое утро. Пойманная дичь большею частью заготавливается въ прокъ—солится и идетъ также на продажу.

Въ серединѣ лѣта, когда птица линяетъ, существуетъ другой способъ ловли—линный, который иногда бываетъ еще прибыльнѣе ловли перевѣсами. Обыкновенно ночью или рано утромъ подоѣзжаютъ къ какому-нибудь небольшому острову изъ менѣе посѣщаемыхъ и наиболѣе уединенныхъ (а такихъ на Оби тысячи) и на одномъ концѣ его, полукругомъ или нѣсколько ломанной линіей, разставляютъ сѣти, причемъ стараются сдѣлать это такъ, чтобы сѣти были скрыты травой или кустарниками и чтобы нижній конецъ ихъ касался плотно земли; дѣлается это съ соблюденіемъ самой строгой тишины и вообще до того момента, когда все уже разставлено, чѣмъ тише, тѣмъ лучше. Когда сѣти разставлены, охотники на лодкахъ отправляются на другой конецъ острова, хотя бы онъ былъ длиною съ версту или даже болѣе и начинаютъ медленно подвигаться впередъ съ крикомъ и стукомъ. Картина мѣняется: тихій, съ гробовымъ молчаніемъ, островъ оживаетъ: со всѣхъ сторонъ слышится гоготанье, крякванье, плескъ воды, и т. д.,—это обитатели острова, избѣгая опасности стремятся впередъ и попадаютъ въ сѣти, гдѣ запутываются и дѣлаются добычей охотниковъ. Позади сѣтей или сбоку, въ сокрытомъ мѣстѣ, всегда находится сторожъ, который принимаетъ мѣры, если сѣть прорывается или если птица выпутывается; иногда птица замѣчаетъ плохо скрытыя сѣти, возвращается назадъ, не смотря на крики и тогда охотникамъ приходится перебираться на другой островъ. Двѣ — три сотни штукъ утокъ, да сотня гусей, пойманные заразъ, не представляютъ особенно рѣдкихъ случаевъ.

Во время гнѣздованья не мало собираютъ также яицъ утиныхъ и гусиныхъ, до нѣсколькихъ тысячъ иногда на одномъ плавунѣ, которыя идутъ не только на собственное употребленіе, но и на продажу. Породы гусей и утокъ, встрѣчаемыя здѣсь, довольно разнообразны: гуменникъ (*Anser cinereus*), черный (*Anser arvensis*), чигвой (*Anser pulchricollis*)

казарка (*Anser erithropus*), кырсамъ (*Anser minutus*) изъ гусей, и шилохвость (*Anas acuta*), чирокъ (*Anas crecca*), кряква (*Anas boschas*), савка (*Anas hiemalis*), соксунъ (*Anas clypeata*), гачка (*Anas mollissima*) и чернавка (*Anas nigra*) изъ утокъ — все птицы довольно частыя изъ представителей пернатога царства. Изъ лебедей здѣсь встрѣчается шипунъ (*Cygnus olor*), кликунъ (*Cygnus musicus*) и малый (*Cygnus Bewickii*).

Въ остальныхъ случаяхъ охота носить случайный характеръ и только на тетеревей по зимамъ устраиваютъ особыя западни изъ бревенъ, разставляемыя въ большомъ количествѣ всюду, гдѣ только водятся тетерева и доставляющія иногда не мало птицы своему хозяину. Западни эти ставятся у опушки лѣса, гдѣ-нибудь въ узкомъ мѣстѣ и такимъ образомъ, чтобы проходъ съ обоихъ боковъ былъ затрудненъ и птицѣ оставалось-бы идти только по среднему, гдѣ и стоитъ приготовленное приспособленіе, состоящее изъ ряда не толстыхъ бревенъ, связанныхъ между собой и одинъ конецъ которыхъ лежитъ на землѣ, а другой, при посредствѣ подставки, поднять аршина на полтора; птица вступаетъ въ пространство, надъ которымъ находятся эти бревна и гдѣ иногда насыпана какая-нибудь приманка, напримѣръ, орѣхи, задѣваетъ обязательно одну дощечку, касающуюся подставки; подставка падаетъ, бревна также и птица умираетъ, иногда превращенная въ лепешку; въ рѣдкихъ случаяхъ въ такую-же западню попадаетъ лиса, заяцъ и другой какой-нибудь мелкій звѣрь.

Въ продажѣ лебединая шкурка цѣнится 75 к. — 1 руб., гусятая 20—30; утятая 5—10 к., пудъ соленого мяса гусятая и утятая (лебединое въ пищу не употребляется) доходить до 2 р. — 2 р. 50 к., сотня яицъ 40—50 к., пудъ пуха 6—10 р., пудъ пера 1—2 р.

Подходитъ Покровъ, наступаютъ холода, вода замерзаетъ — пора въ урманъ — густой, еле-проходимый хвойный лѣсъ, гдѣ кедръ, ель, сосна, лиственница и пихта перемеживаются между собой и гдѣ обитаютъ наиболѣе характерныя звѣри — лось, медвѣдь, росомага, выдра, соболь, бѣлка, въ болѣе южныхъ мѣстахъ (у Иртыша) — рысь, и гдѣ инородецъ по зимамъ на-

ходить себѣ источникъ существованія, а нерѣдко и смерть. Въ настоящее время тотъ золотой періодъ, когда Сибирь вообще и въ частности Сѣверо-Западная считалась и была неисчерпаемымъ богатствомъ по отношенію пушнаго товара исчезъ.

Хороши урманы тогда, когда они цѣлы, когда они вскармливаютъ тысячи звѣрей и птицъ, но за то какъ они безжизненны и унылы, когда лѣсные пожары производятъ свои опустошенія, а такихъ-то урмановъ въ настоящее время большинство; нѣкоторые изъ нихъ выгорѣли уже давно, другіе въ шестидесятыхъ годахъ, когда были сильные пожары, третьи выгораютъ понемногу и теперь; на протяженіи сотенъ верстъ иногда виднѣются только одни обгорѣлые пни. И вотъ эти-то лѣсные пожары и служатъ главною причиною уменьшенія звѣрей, которые или, захваченные дымомъ и пламенемъ, умираютъ, или же, что бываетъ чаще, переселяются въ другія мѣста, такъ какъ выгорѣвшій лѣсъ не представляетъ, понятно, такого удобства, какъ нетронутый; однимъ словомъ, ни одно изъ человѣческихъ средствъ, клонящихся къ истребленію животныхъ не приводитъ къ такимъ печальнымъ результатамъ, какъ лѣсные пожары, и особенно это вліяніе замѣтно на соболяхъ и лосяхъ: тамъ, гдѣ лоси прежде бродили стадами, теперь ихъ почти не видать; тамъ, гдѣ прежде били соболей десятками, теперь радуются, если добудутъ хоть одного.

Въ настоящее время наиболѣе бѣдными пушнымъ звѣремъ считаются мѣста, лежащія къ востоку отъ низовьевъ Оби, наиболѣе-же богатыми признаются расположенныя къ западу отъ нижняго теченія Иртыша и отъ Ендырскаго протока.

Отправляясь въ урманъ, инородецъ не нуждается въ большихъ запасахъ: на маленькую нарту—сани, запряженные иногда одной, двумя собаками, онъ кладетъ запасъ муки, лепешекъ, соли, иногда вяленой рыбы; беретъ порохъ, свинецъ для пуль, дробь, топоръ и сверло (безъ которыхъ онъ никуда шагу не дѣлаетъ); рыбы кости для собакъ, беретъ ружье, иногда лукъ съ стрѣлами, лыжи, особый шестъ въ человѣческій ростъ, на одномъ концѣ котораго сдѣлана лопаточка для отгребанія снѣгу въ случаѣ нужды, а къ другому прикрѣпляется небольшой кружокъ для опо-

ры при ходьбѣ на лыжахъ, и идетъ мѣсяца на два иногда, причемъ въ большинствѣ случаевъ совершенно одинъ — артелью ходятъ рѣдко, и только однѣ собаки разнообразятъ его одиночество. Вмѣстѣ со взрослыми опытными собаками онъ беретъ въ урманъ и молодыхъ, чтобы онѣ научались у старыхъ отыскивать звѣря, выслѣживать его и давать знать хозяину объ его присутствіи. Молодые собаки, походившія зимы двѣ со старыми, перенимаютъ всѣ ихъ привычки и сами становятся хорошими охотничьими собаками. Иногда бываетъ, что собака одинаково хорошо ходитъ за бѣлкой, сободемъ, выдрой, медвѣдемъ, лосемъ, и т. д., но такія многостороннія собаки рѣдки, а большею частью онѣ специализируются и тогда бѣлковая собака не обращаетъ вниманія на соболя, лосиная на медвѣдя, и т. д.; но и такая собака обыкновенно только отыскиваетъ звѣря, гонитъ его, но не схватываетъ; не смотря на это, собака, наряду съ оленемъ, является самымъ полезнымъ, самымъ дѣятельнымъ помощникомъ человѣка; не мудрено поэтому, что онъ приписываетъ ей божественное происхожденіе и появленіе съ неба.

У инородцевъ рѣдко бываетъ, чтобы охотникъ жилъ въ лѣсу цѣлый годъ, обыкновенно онъ возвращается первый разъ въ половинѣ декабря, затѣмъ послѣ Рождества идетъ на охоту опять, а весною промышляетъ, главнымъ образомъ, по насту оленей и лосей и эта охота бываетъ иногда самой выгодной, особенно если настъ слабый, а снѣгъ глубокъ: звѣрь тогда проваливается, а охотникъ съ собакой нѣтъ; иногда лоси и олени при этой охотѣ до того утомляются, что не могутъ двинуться впередъ и ихъ тогда не только стрѣляютъ, но даже рѣжутъ; бываетъ, что на охотника приходится при этомъ по десяти и болѣе штукъ. Кромѣ охоты по насту за лосемъ, и за оленемъ — животнымъ болѣе рѣдкимъ, чѣмъ лось, лось добываютъ еще и другими способами. Обыкновенно онъ бродитъ по урманамъ, и вообще лѣсамъ питаясь вѣтвями хвойныхъ деревьевъ, березы, ивы, и т. д.; во время лѣта комаръ, оводъ и мушкара дѣлаютъ для него мѣстопробываніе въ лѣсу невозможнымъ и онъ выходитъ на открытыя мѣста, отыскиваетъ рѣчки, озера, вообще всякое водохранилище, погружается туда до того, что

только одна голова торчитъ, чѣмъ и пользуются охотники; затѣмъ ловятъ его также ямами: на дорогѣ къ водою, около опушки, устраиваютъ изъ сухихъ деревьевъ съ сучьями заборы и оставляютъ только гдѣ-нибудь по срединѣ, на тропѣ (лоси обыкновенно къ водою идутъ по одной дорогѣ) узкій проходъ, въ которомъ и дѣлается яма, искусно закрываемая сверху землею и мохомъ; лось, не находя другого, болѣе удобнаго, пути и не замѣчая ловушки, попадаетъ въ яму и дѣлается добычей охотника, причемъ при паденіи нерѣдко убивается или ломаетъ себѣ ноги. Ввиду того, что у каждаго охотника бываетъ такихъ ямъ по нѣсколько штукъ, раскинутыхъ на десятки верстъ, онъ не въ состояніи часто ихъ осматривать и нерѣдко бываетъ, что звѣрь за это время успѣваетъ испортиться или имъ пользуется другой охотникъ до мяса—медвѣдь, который любитъ осматривать вообще чужія ловушки, почему около нихъ обыкновенно устраивается угощеніе и для него—ввидѣ самострѣловъ. Эти самострѣлы представляютъ изъ себя длинные толстые луки до сажени и болѣе величины и до 3—5 вершковъ толщины; на нихъ, при помощи особыхъ приспособленій, накладываются двѣ, три стрѣлы до полутора аршина длины съ большимъ желѣзнымъ наконечникомъ; отъ тетивы, толстой прочной веревки, идетъ чрезъ цѣлый рядъ маленькихъ деревянныхъ приспособленій бичевка, которая проходитъ чрезъ тропу, обставленную совершенно также, какъ и при ямахъ; достаточно малѣйшаго колебанія бичевки, тетива спускается и стрѣлы съ страшною силою пролетаютъ чрезъ тропу на вышины приблизительно роста лося или другого звѣря, смотря потому, на кого самострѣлъ настороженъ, и если звѣрь еще не успѣлъ пройти, онъ большею частью тутъ-же умираетъ; мнѣ приходилось видѣть лосей, которыхъ стрѣлы пробили насквозь. Подобные ямы и самострѣлы дѣлаются иногда вмѣстѣ, причемъ дно ямы убивается колышками, чтобы лишить звѣря возможности выйти. Для охоты за дикимъ оленемъ иногда приучаютъ домашняго, который настолько искусно разыгрываетъ роль маньщика, что даетъ возможность охотнику близко подойти и или убить, или даже поймать арканомъ доврчивое животное.

Но самымъ обыкновеннымъ звѣремъ является бѣлка, которая и дѣлается, главнымъ образомъ, добычею охотника; ее стрѣляютъ изъ ружья, рѣдко изъ лука, хотя въ последнее время это стало практиковаться чаще, потому что, какъ говорятъ, ружьемъ убьешь одну, а разгонишь десятокъ, лукъ-же не слыхать и поэтому на одномъ небольшомъ участкѣ можно добыть нѣсколько шкурокъ; охотиться за бѣлкой, какъ и за соболемъ безъ собаки нельзя—она указываетъ ихъ мѣсто-пробываніе и кромѣ того старается загнать на дерево, что ей большею частью и удается, по крайней мѣрѣ съ бѣлкой, а безъ этого убить, особенно соболя, при его ловкости и быстротѣ—невозможно.

Уменьшеніе соболя особенно замѣтно за последнее время: во многихъ мѣстахъ Сѣверо-Западной Сибири онъ исчезъ совсѣмъ и только уцѣлѣлъ въ такъ называемой полуденной горѣ, расположенной на лѣвой сторонѣ рѣки Оби, хотя и здѣсь встрѣчается только въ самыхъ глухихъ лѣсныхъ трущобахъ, почти непроходимыхъ и недоступныхъ для человѣка, который съ большимъ трудомъ вмѣстѣ съ собакой продирается здѣсь, встрѣчая на каждомъ шагу препятствія. Здѣсь-то и спасается соболь, здѣсь онъ и выводитъ своихъ дѣтей. Только настоящіе соболяшники, занимающіеся почти исключительно охотой за соболями, рискуютъ отправляться въ такія трущобы, большинство-же предпочитаетъ мѣста, гдѣ водится бѣлка, звѣрекъ, хотя и дешевый, но чаще встрѣчающійся и легче поддающійся, а за соболемъ хлопотъ много—это быстрый, ловкій звѣрь; онъ вездѣ пролѣзетъ, вездѣ проскользнетъ; кучка моху, древесные корни, каждая щелка для него убѣжище; тамъ гдѣ собака не сдѣлаетъ и одного шага, соболь успѣетъ ихъ сдѣлать десятокъ, да и стрѣлять неловко, — мелькнетъ то здѣсь, то тамъ, а стрѣлять надо въ голову, а то шкурку испортишь. Хорошо если умная собака выгонитъ его на чистое мѣсто или загонитъ на дерево, но и это рѣдко удается—понятливъ соболь и умѣетъ избѣгать угрожающей ему опасности. Въ урманахъ, болѣе доступныхъ человѣку соболь попадаетъ рѣже, а конкуренціи больше—чаще охотники встрѣчаются, такъ что обыкновенный охотникъ радъ, если ему за зиму удастся до-

быть хоть одного звѣрька, а то и цѣлая артель, человѣкъ въ пять, приносить не больше двухъ. Соболя Сѣверо-Западной Сибири неособенно хороши—темноугольныхъ почти не встрѣчается, обыкновенно-же они бываютъ здѣсь довольно большіе, обладаютъ мягкимъ пушистымъ мѣхомъ, но за то цвѣта рыжеватаго. Къ причинамъ ихъ уменьшенія надо отнести и то обстоятельство, что они приносятъ дѣтей вообще мало—2—3, и кромѣ того въ концѣ апрѣля, въ началѣ мая, когда лѣсные пожары уже начинаются и когда вмѣстѣ съ лѣсами истребляются и гнѣзда.

По берегамъ рѣкъ нерѣдко встрѣчаются слѣды выдры, которую ловятъ капканами, бьютъ ружьями и самострѣлами, ставя ихъ на дорогѣ перехода выдры изъ одного плеса въ другой; росомагъ, волковъ и зайцевъ бьютъ преимущественно ружьемъ или они попадаютъ въ капканы, отличающіеся, главнымъ образомъ, другъ отъ друга только величиной.

Наименѣе распространеннымъ здѣсь животнымъ является боберъ, который прежде встрѣчался сравнительно гораздо чаще, какъ о томъ можно судить по названіямъ рѣчекъ „бобровокъ“ и по рассказамъ мѣстнымъ стариковъ. Теперь онъ живетъ исключительно въ рѣкахъ, впадающихъ въ Пелымъ и Сѣверную Сосьву въ ихъ верхнихъ теченіяхъ. Тотъ доходъ, который получается отъ бобра и который достигаетъ цифры 50—75 рублей настолько завлекателенъ, что заставляетъ инородца дѣятельно за нимъ охотиться, но не смотря на это въ руки скупщиковъ рѣдко попадаетъ болѣе 3—5 шкурокъ за цѣлый годъ. Такое малое количество зависитъ не только отъ рѣдкости, но и отъ трудности добыванія бобра, на котораго инородецъ смотритъ благодаря его уму и смѣтливости, какъ на животное, обладающее многими человѣческими способностями и въ томъ числѣ даже даромъ пониманія человѣческой рѣчи, почему при охотѣ за нимъ охотники объясняются при посредствѣ знаковъ или условнаго языка. Этотъ умъ, эта смѣтливость даетъ возможность бобру отлично устраивать свое жилье, расположенное на небольшихъ рѣчкахъ, шириною отъ одной до трехъ сажень и глубиною не болѣе сажени; въ этихъ-то глубокихъ мѣстахъ, не промерзающихъ вполнѣ даже въ самые сильные

морозы, бобръ и живетъ; если рѣчка мелка, то устраивается плотина, для чего подрываются деревья, преимущественно березы и ивы, растущія у самаго берега, которыя сами обыкновенно и сваливаются затѣмъ въ рѣку, такъ какъ онѣ подгрызаются со стороны воды, если-же деревьевъ на такомъ близкомъ разстояніи отъ рѣчки нѣтъ, то они приносятся чурбанами четвертей до пяти длины и до 5—6 вершковъ въ діаметрѣ; деревья сваливаются въ воду, промежутки заваливаются сучьями, даже глиной и послѣ усиленныхъ работъ цѣлой семьи въ 5—8 членовъ плотина готова и затѣмъ приступаютъ къ устройству дальнѣйшей части собственно жилого помѣщенія: на близкомъ разстояніи отъ плотины, вверхъ по теченію устраивается въ берегу нора довольно значительныхъ размѣровъ, служащая какъ-бы столовой и мѣстомъ сохраненія пищи, т. е. коры и молодыхъ побѣговъ березы и ивы; затѣмъ на разстояніи нѣсколькихъ сажень, иногда десятковъ и болѣе устраивается другая нора съ нѣсколькими отдѣленіями по числу особей въ семьѣ, которыя служатъ спальнями; отсюда идетъ цѣлый рядъ выходовъ и другихъ помѣщеній, устроенныхъ на случай опасности. При охотѣ за бобрами прежде всего стараются отыскать входы въ столовую и спальню, затѣмъ строятъ поперекъ рѣки два забора, одинъ выше спальни, а другой между нею и столовой; если нѣтъ плотины (въ глубокихъ рѣчкахъ она не устраивается), то дѣлаютъ третій заборъ ниже столовой; затѣмъ или передъ каждымъ отверстіемъ дѣлаютъ дугой загородку и начинаютъ копать самое помѣщеніе, или же въ заборѣ, устроенномъ между столовой и спальней, дѣлаютъ двое воротъ, въ которыя вставляютъ по ловушкѣ ввидѣ камги, одну отверстіемъ вверхъ по теченію, другую внизъ и начинаютъ вскапывать столовую и затѣмъ спальню; испуганный бобръ выскакиваетъ, бѣжитъ, наталкивается на заборъ, ищетъ прохода, находитъ ворота, и попадаетъ въ ловушку.

Значительный доходъ, получаемый отъ бобра, зависитъ отъ того, что кромѣ шкуры, оцѣниваемой въ 6—12 рублей, отъ него получаютъ еще 5—25 золотниковъ ароматическаго вещества—бобровой струи, дорого цѣнимой (до 2 рублей зо-

лотникъ) инородцами ввиду того, что она употребляется при жертвоприношеніяхъ, при похоронахъ, на празднествахъ вообще, при очищеніи, и т. д.

По мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться къ сѣверу; по мѣрѣ того, какъ лѣса начинаютъ замѣняться рощами или отдѣльными небольшими группами деревьевъ, состоящими на самомъ сѣверѣ изъ низкорослой березы и полярной ивы,—начинаетъ мѣняться и составъ животныхъ, изъ которыхъ большая часть, свойственныхъ лѣсной полосѣ, доходитъ лишь до Березова и рѣдко опускается къ Обдорску. Лось, рысь, выдра исчезаютъ въ сосѣдствѣ съ тундрой; соболь даже у Березова рѣдокъ; медвѣдь, бурундукъ, бѣлка представляютъ изъ себя рѣдкихъ животныхъ въ окрестностяхъ Обдорска и только къ востоку отъ него, особенно въ Надымскомъ краѣ, встрѣчаются въ изобиліи волкъ, многочисленный обитатель средняго теченія Иртыша, исчезаетъ въ лѣсномъ—среднемъ теченіи Оби, чтобы опять сдѣлаться обыденнымъ страшилищемъ инородцевъ и ихъ оленьихъ стадъ въ нижнемъ, гдѣ его бьютъ изъ ружей, ставятъ капканы, но все это не спасаетъ отъ его дерзости и кровожадности ни оленей, ни даже людей, и онъ является самымъ опаснымъ хищникомъ этихъ мѣстъ. Самыми характерными обитателями полосы, бѣдной лѣсами или совсѣмъ ихъ лишенной, являются сѣверный олень и песецъ, съ которыми продолжаетъ встрѣчаться также и лиса, представляющая иногда всѣ переходы отъ красной до черной масти и даже, правда очень рѣдко, попадаются бѣлыя, равно какъ и бѣлые волки. Олень встрѣчается не только въ тундрахъ, (въ окрестностяхъ Обдорска онъ даже избѣгаетъ совершенно безлѣсныхъ мѣстъ), но бываетъ и на югѣ по Иртышу почти до Тобольска, затѣмъ по Оби во всей ея лѣсной части, затѣмъ на возвышенностяхъ, расположенныхъ къ востоку и западу отъ нижняго теченія Оби, въ верховьяхъ особенно Надыма и Полуя, гдѣ онъ составляетъ обыденный предметъ охоты; интересенъ тотъ фактъ, что гдѣ много домашнихъ оленей, тамъ дикихъ почти не встрѣчается—они всѣ переходятъ къ домашнимъ, хотя иногда встрѣчается и наоборотъ, но это гораздо рѣже. Песецъ имѣетъ болѣе ограниченную область распространенія

и можетъ скорѣе быть названнымъ тундровымъ звѣремъ, чѣмъ олень, хотя и онъ иногда добѣгаетъ до Кондинскаго монастыря, встрѣчается онъ то въ очень большомъ количествѣ, такъ что даже ловятъ сѣтями, то въ очень незначительномъ—не попадаетъ и въ капканъ.

На крайнемъ сѣверѣ бьютъ тюленей, бьютъ моржей, бѣлыхъ медвѣдей, которые съ своимъ бурымъ сородичемъ играютъ очень большую роль въ жизни инородцевъ.

Убить медвѣдя это не значитъ только добыть звѣря, шкура котораго представляетъ извѣстную цѣнность, а мясо идетъ въ пищу, нѣтъ, это указываетъ, что такой человѣкъ угоденъ Богу—Торуму, который наказалъ за что-нибудь медвѣдя и исполнителемъ этого наказанія избралъ угодное себѣ лицо. Зависитъ это отъ извѣстныхъ религіозныхъ взглядовъ, которыхъ касаться я здѣсь не буду, это завлекло бы слишкомъ далеко, но которые сводятся къ слѣдующему: медвѣдь божественнаго происхожденія, онъ прежде жилъ на небѣ и только по его усиленной просьбѣ Богъ согласился отпустить его на землю, которая нравилась ему своимъ разнообразіемъ: то зеленѣла она лѣтомъ всѣми оттѣнками, то бѣлѣла зимою, ярко отражая солнечные лучи. Отпустилъ его Богъ и сдѣлалъ представителемъ истины и справедливости на землѣ: „ѣшь только тѣхъ людей и тотъ скоть, которые въ чемъ-нибудь провинились и на которые тебѣ будетъ указано; другихъ же не трогай, иначе самъ будешь убитъ“, вотъ что было сказано ему, когда онъ разставался съ небомъ. Не мудрено поэтому, что всякій, сознающій за собой грѣхъ (а у кого его нѣтъ?), невольно дрожитъ при встрѣчѣ съ медвѣдемъ, который не только живой, но и мертвый страшенъ инородцу. Хотя и убитый, но все таки онъ все видитъ и слышитъ и поэтому если чѣмъ недоволенъ, то мститъ затѣмъ своему убійцѣ; а причиной неудовольствія въ данномъ случаѣ бываетъ малое почтеніе, оказываемое ему. Вотъ почему бьется охотникъ изъ всѣхъ силъ, чтобы доказать, какъ онъ любитъ и уважаетъ медвѣдя; рассчитывая, что всѣ знаки проявленія этихъ чувствъ вознаградятся затѣмъ сторицей. Содранная съ разными церемоніями шкура съ цѣлымъ черепомъ вносится въ жилище, кладется на почетное мѣсто, обставляется ѣдой и пи-

тѣмъ, окуривается бобровой струей или чѣмъ-нибудь другимъ пахучимъ и вызываетъ со стороны всѣхъ присутствующихъ поклоны и привѣты. Устраиваются пляски и пѣсни въ честь убитаго звѣря, исполняется нѣчто въ родѣ драматическихъ представленій, причемъ дѣйствующими лицами являются только мужчины, иногда переодѣтые женщинами, а сюжетомъ служить жизнь самого медвѣдя, жизнь прежнихъ богатырей и великановъ, разныя сцены изъ обыденной жизни, и т. д. Совершаются эти празднества по ночамъ и обязательно не менѣе пяти, если убитый медвѣдь—самецъ; не менѣе четырехъ, если самка, и трехъ, если молодой; пріѣзжаютъ сосѣди, иногда за 200—300 верстъ; все веселится, все ѣстъ и пьетъ и нерѣдко бываетъ, что запасы, приготовленные на нѣсколько мѣсяцевъ, исчезаютъ послѣ 2—3 удачныхъ охотъ, такъ что съ этой точки зрѣнія убить медвѣдя не барышъ, а убытокъ, но тѣмъ не менѣе, какъ это было выше сказано, всѣ стремятся на охоту, хотя и со страхомъ, но съ тайной надеждой, что онъ найдетъ грѣшнаго медвѣдя, убить котораго ему поможетъ Торумъ. Послѣ празднествъ шкуру большею частью жертвуютъ богамъ, черепъ вѣшаютъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, а клыки и когти вырываютъ, какъ предметы, имѣющіе религіозное значеніе. Почитаютъ медвѣдя еще и потому, что онъ познакомилъ людей съ употребленіемъ огня, который принесенъ имъ съ неба.

Многочисленны и разнообразны представители животнаго царства въ Сѣверо-западной Сибири; служатъ они нерѣдко единственнымъ средствомъ къ жизни для мѣстнаго обитателя; немудрено поэтому, что онъ изобрѣлъ цѣлый рядъ различныхъ снарядовъ и приспособленій, которые даютъ ему возможность добывать себѣ этихъ животныхъ и пользоваться ихъ мясомъ, ихъ шкурой.

Въ привезенной коллекціи имѣются слѣдующія вещи, относящіяся до рыбной ловли и охоты:

1. Модель избы русскихъ рыбопромышленниковъ на рыболовныхъ пескахъ по р. Оби и ея притокамъ; строится безъ соблюденія какихъ-бы то ни было гигиеническихъ правилъ: вонь, грязь, дымъ и сквозной вѣтеръ составляютъ обыкновенную ихъ

принадлежность, вслѣдствіе чего развиваются назожныя и простудныя болѣзни.

2. Модель садка; въ послѣдніе года на Оби и ея притокахъ сталъ практиковаться способъ сохраненія осенней рыбы въ садкахъ вплоть до морозовъ, при наступленіи которыхъ ее вынимаютъ, замораживаютъ и въ такомъ видѣ отправляютъ въ Тобольскъ и другія мѣста; понятно, отъ этого цѣнность рыбы увеличивается и рыбопромышленники получаютъ большую выгоду; инородцы стали дѣлать теперь тоже.

3. Модель торговой лодки—каюкъ; употребляется мѣстными жителями, преимущественно русскими, для торговыхъ цѣлей; дѣлается различной величины, но всегда крытый и раздѣляется на двѣ части: переднюю—помѣщеніе для хозяина и заднюю—для клади и гребцовъ, въ случаѣ непогоды; приводится въ движеніе веслами, иногда и парусомъ; обыкновенно хорошо повинуется рулю; шести-весельная стоитъ около шестидесяти рублей.

4. Модель четырех-весельной лодки инородцевъ — *нила нѳлып ханъ*; большею частью бываетъ гораздо меньше и тогда дѣлается только изъ одного дерева,—пришивныхъ боковъ нѣтъ; въ такой одnodеревкѣ могутъ ѣхать три, даже четыре человѣка, зависитъ отъ величины дерева, изъ котораго она сдѣлана; снаружи лодка обмазывается смолой изъ хвойныхъ деревьевъ; если есть бока, то они пришиваются полосками изъ кедровыхъ корней; маленькая лодка управляется однимъ весломъ довольно искусно; если много клади, то двѣ такихъ лодки соединяются вмѣстѣ посредствомъ небольшого помоста, тогда онѣ становятся устойчивѣе. Цѣна лодки 4-весельной 7—10 рублей; на носу и на кормѣ такихъ лодокъ имѣются развилки, которыхъ на маленькихъ не бываютъ *).

5. Модель стржевой лодки со всѣми принадлежностями—неводомъ, станкомъ для его развѣшиванія, съ весломъ, на ко-

*) Весло гребное остроконечное овальное называется *сызи топъ* или *ленкъ*; весло кормовое—четвероугольное рулевое—*катъ топъ*; мѣсто, въ которое вставляется *ленкъ*—*сызи топъ ленкъ*; мѣсто, въ которое вставляется *катъ топъ*—*сызи топъ накъ*; парусъ—*парусъ*; мачта для паруса—*парусъ анвыль*, корма—*носымъ*, носъ—*нѳлъ*; перекладыны, поперечныя на лодкѣ—*товытъ*; перекладка для мачты—*парусъ анвыль товытъ*; развилка носовая—*нѳлъ сопъ*; кормовая—*носымъ сопъ*.

торый опираются при вытаскиваніи невода, и черпакомъ для воды; величина лодки и невода различна, зависитъ отъ состоянія, числа участниковъ въ ловлѣ и отъ мѣстъ; иногда неводъ достигаетъ величины 100 и болѣе сажени; бываютъ случаи, когда онъ захватываетъ больше половины рѣки и хотя это закономъ запрещено, но практикуется до сихъ поръ пока совершенно свободно; цѣна мережи 7—10 к. аршинъ; покупается у русскихъ и отчасти у зырянъ.

6. Модель переметной лодки съ переметомъ и доской для его складыванія. Переметомъ называется веревка, на которую навязываютъ на маленькихъ бичевкахъ довольно часто крючки и обязательно съ наживой; называется переметомъ потому, что переметывается съ одного берега на другой чрезъ небольшія рѣчки и притоки; благодаря бревну, къ которому прикрѣпляется обыкновенно ввидѣ якоря камень, переметь находится на одномъ мѣстѣ; крючки подвязываются на разной глубинѣ, что зависитъ отъ хода рыбы—болѣе или менѣе глубокаго; благодаря движенію воды крючки колеблются, рыба видитъ приманку, бросается на нее и попадаетъ на крючки, которые большею частью дѣлаются самими же рыболовами изъ проволоки; этотъ способъ ловли очень любимъ и русскими и инородцами, но принадлежитъ къ числу запрещенныхъ.

7. Самоловъ—рыболовный снарядъ, состоящій изъ веревки съ нанизанными на ней десятками и даже сотнями крючковъ безъ наживы; пускается по теченію; поддерживается на известномъ уровнѣ, смотря гдѣ идетъ рыба, плавающимъ бревномъ и грузилами; самый хищническій способъ ловли, безусловно воспрещенный законами, но онъ продолжаетъ все-таки существовать; употребляется, главнымъ образомъ, въ низовьяхъ Оби и ея протокахъ; введенъ русскими, но теперь практикуютъ и инородцы; главнымъ образомъ, ловятся осетры; вредъ зависитъ отъ порчи массы рыбы, изъ которыхъ всякая, какая плохо зацѣпилась, срывается, но безъ куска мяса.

8. Калыданъ—снарядъ, при помощи котораго совершается самый любимый инородцами способъ ловли рыбы; калыданъ представляетъ изъ себя мѣшокъ, иногда довольно значительный (до 1 кв. сажени) величины, сдѣланный изъ крупно-ячей-

ной мережи; къ нижней сторонѣ его посерединѣ прикрѣплена палка съ камнемъ въ фунта 3—4; при погруженіи мѣшка въ воду эта палка вмѣстѣ съ камнемъ ложится на дно рѣки; отъ камня идетъ чрезъ кольцо, находящееся на серединѣ верхней стороны мѣшка, веревка въ руки колыданщика; кромѣ того, чтобы верхняя часть мѣшка не упала бы на нижнюю и чтобы мѣшокъ, опущенный въ воду былъ открытъ, въ руки ловца идутъ еще отъ верхняго края мѣшка нѣсколько нитей; лишь только рыба заходитъ въ такой мѣшокъ и начинаетъ искать выхода изъ него, какъ сотрясеніе, производимое ею на стѣнки колыдана, передается рыболову, онъ моментально спускаетъ веревки, верхняя часть мѣшка падаетъ и рыба ловится; этотъ способъ ловли, главнымъ образомъ, употребляется на Оби и имъ ловятъ крупную рыбу, осетра, нельму, муксуна, пыжьяна, сырка и др.

9. Грузило для колыдана — *хултнэ ахтасэ*; сдѣланъ изъ камня—*лоу*, встрѣчаемаго въ изобиліи на лѣвыхъ притокахъ Оби въ нижнемъ и среднемъ теченіи; интересенъ способъ прикрѣпленія къ веревкѣ, напоминающій собою грузила жителей свайныхъ построекъ, все равно какъ и

10. Представляющій изъ себя нижнюю часть лосиннаго рога—*уй анътэ аны*, употребляемую для лучшаго прикрѣпленія камня, какъ грузила къ калыдану.

11. Важанъ — небольшая сѣть, натянутая съ боковъ на палки, употребляется на Оби и ея притокахъ для ловли некрупной рыбы, особенно зимой во время замора у живцовъ.

12. Сѣть для ловли язей (главнымъ образомъ) — *ахтасэ хулынэ*, шириною $1\frac{1}{2}$ —2 сажени, ставится въ быстринахъ и имѣетъ двѣ тетивы—*хулынэ сытадэ*, причемъ нижняя съ камнями, помѣщенными въ особыхъ кольчикахъ (грузила—*ахтасэ хулынэ*, какъ и вся сѣть); этими грузилами существенно отличается отъ

13. *Палэ хулынэ* или просто *хулынэ*—сѣти безъ нижней тетивы и безъ грузилъ; шириною она не болѣе сажени, ставится въ тихихъ мѣстахъ; и ею ловятъ всякую рыбу.

14. Морда—*кама*, главнымъ образомъ, употребляется въ заборахъ-язахъ, гдѣ и ставится въ рѣкахъ; дѣлается изъ пруть-

евъ тальника или другаго дерева, причемъ отдѣльные прутья связываются полосками изъ кедровыхъ корней: форма различная, преимущественно у маленькихъ конусообразная, а у большихъ четырехгранная, широкая съ одного конца и узкая съ другаго; величина варьируетъ сильно, отъ одного аршина длины до 5; въ широкомъ концѣ находится внутреннй конусъ, узкимъ концомъ обращенный внутрь, причемъ вѣтви, изъ которыхъ онъ дѣлается, на концѣ не обрѣзаются; рыба, входя чрезъ этотъ конусъ внутрь камги, выйти оттуда не можетъ, такъ какъ ей мѣшаютъ эти концы; съ другой стороны камга имѣетъ отверстіе, закрываемое дверкой, причемъ чрезъ это отверстіе и вынимается рыба; камги осматриваютъ, когда хорошій уловъ, каждый день, а то не болѣе двухъ разъ въ недѣлю *).

15. Скребокъ деревянный—*хулз хартне ивз*, посредствомъ котораго вытаскиваютъ рыбу изъ камги.

16. Сакъ деревянный съ переплетомъ изъ кедровыхъ вѣтвей—*тöпз*, употребляется для выниманія рыбы вообще и льда изъ проруби.

17. Деревянная колотушка, употребляемая для глушенія крупной рыбы.

18. Берестяной надглазникъ—*посзянз сасз*, употребляемый при лученіи рыбы.

19. Модель пешни, употребляемой для пробиванія льда въ прорубяхъ при рыбной ловлѣ.

20. Модель саней-нартъ для перевозки рыбы изъ язовъ домой; перевозится или лично, или при помощи собакъ.

21. Модель носилокъ для переноски только что пойманной рыбы въ садки.

22. Сачекъ, переплетенный веревками и употребляемый при лѣтней рыбной ловли.

23. Образцы бродней-сапогъ, въ которыхъ производится обыкновенно рыбная ловля, какъ русскими, такъ и инород-

*) Внутреннй конусъ—*сöутз*; конецъ этого конуса — *турахъ*; ручка, при посредствѣ которой или которыхъ (у большой камги ихъ двѣ) они вытаскиваются на поверхность—*няль ивз*; деревянный обручъ широкаго конца — *э'нынъ ивз*; отверстіе, чрезъ которое вынимаютъ рыбу — *камга патта*, его задвижка—*камга патта соль*.

цами. При наймѣ на работу обязательно выговаривается пара—другая бродней; цѣнность ихъ 1 р. 50 к.—2 р. 50 к.

24. Тонкое сверло—*ося назыхланг*, употребляется преимущественно для лодокъ: представляетъ изъ себя въ высшей степени интересный инструментъ, вполне достигающій своей цѣли, какъ по быстротѣ работы, такъ и по легкости ея выполненія; дѣлается преимущественно Маньзами, причемъ только одна желѣзная часть покупается у зырянъ за 25—40 к.

25—26. Два инструмента, при помощи которыхъ дѣлаются лодки; обыкновенно ихъ готовятъ изъ старыхъ ножей, но они, не смотря на свою простоту, во многомъ облегчаютъ дѣланіе лодокъ, при работѣ которыхъ прежде всего выжигаютъ осторожно середину дерева, а затѣмъ уже начинаютъ его выскабливать.

27. Невыдѣланные корни кедра — *уарталг тѣрз* (русскіе называютъ сарга); достаютъ ихъ всегда, когда нужно, но лучше весною, потому, что тогда они сочнее и болѣе гибки.

28. Выдѣланные корни кедра—*уаримз тѣрз*; при выдѣлкѣ ихъ распариваютъ, очищаютъ отъ оболочекъ и разрѣзаютъ на полосы, иногда замѣняются сосновыми корнями; употребляются при приготовленіи лодокъ, мордъ и другихъ рыболовныхъ и иныхъ принадлежностей.

29. Смола—*ханг онхз* или *маньзи онхз*; употребляется для осмолки лодокъ; готовится изъ еловой и кедровой коры; причемъ поступаютъ такъ: кладутъ ее въ котелъ, наливаютъ водой, укрѣпляютъ сверху обручъ съ мережей, чтобы она не могла подниматься, и кипятятъ 10—15 часовъ.

30. Перевѣсъ—*надасъ* *); описаніе его приведено раньше; употребляется какъ инородцами, такъ и русскими, причемъ съ каждымъ годомъ число охотниковъ увеличивается, благодаря

*) Верхняя веревка, на которой виситъ сѣть, называется *нуми сыпадъ*; нижняя—*юли сыпадъ*; боковая—*похъ сыпадъ*; веревки, которыми сѣть привязана къ столбикамъ, вбитымъ въ землю—*лаиль куалыхъ*; шесты, къ которымъ прикрѣплена сѣть—*надысь калтль*; блокъ, по которому движется веревка, опускающая сѣть—*векса*: веревка, на которомъ держится блокъ—*векса куалыхъ*; веревка, за которую опускаютъ сѣть—*надысь куалыхъ*, обручъ, сквозь который проходитъ *надысь куалыхъ*—*сени ляквз*; петля, расположенная справа—*туитне ляквз*; палка, которую выдергиваютъ—*надысь соль*; крючекъ, къ которому прикрѣпленъ блокъ—*надысь уангрынъ*.

улучшеніямъ способовъ сохраненія птицы и большому спросу на нее.

31. Ловушка на тетеревой — *щопорз няйлъ* *); употребляется преимущественно осенью и зимою и ставится такъ, что птицѣ единственнымъ проходомъ остается путь, расположенной подъ бревнами; такой ловушкой обыкновенно добывается немало птицы, которая идетъ, главнымъ образомъ, на собственное пропитаніе; такой способъ ловли практикуется преимущественно инородцами, живущими по лѣвымъ и правымъ притокамъ средняго теченія Оби.

32. Гусь - маньщикъ — *мондъ имда*; чучело гуся, которое употребляется весною и осенью въ качествѣ маньщика для пролетающихъ гусей; охотятся съ нимъ на такихъ небольшихъ озерахъ и рѣкахъ, чтобы ружье доставало противоположные берега, причемъ маньщика ставятъ на два колышка воизбѣжаніе подмочки, отъ которой онъ скоро портится, и головой противъ вѣтра въ подражаніе настоящимъ гусямъ, которые тоже всегда такъ сидятъ; охотникъ обыкновенно скрывается гдѣ-нибудь поблизости, или въ кустахъ, или даже въ нарочно вырытой для этого ямѣ; охота эта обыкновенно довольно удачная, иногда за нѣсколько часовъ убивается по десятку, такъ какъ гуси охотно летятъ на маньщика; про утокъ этого сказать нельзя, за исключеніемъ черныхъ, которыхъ тоже иногда ловятъ при помощи чучелъ.

Набитый гусь принадлежитъ къ породѣ *я—мондъ*, въ переводѣ — рѣчной гусь; русскіе зовутъ его гуменникомъ; прилетаетъ онъ обыкновенно раньше всѣхъ другихъ гусей, потому что, какъ говорятъ Маньзи, онъ разъ поспорилъ съ оленемъ, кто раньше принесетъ потомство, и хотя проигралъ, потому что онъ несетъ яйца въ то время, когда олень уже телится, но все-таки кладка яицъ у него оканчивается очень рано, принимая во вниманіе время его прилета; лебедь, на примѣръ, приле-

*) Бревна, расположенныя наверху — *няйлъ сысна*, боковыя доски — *похъ ивъ*, деревянный брусокъ, скрѣпляющій спереди бревна — *няйлъ энаспе ивъ*; веревка, поддерживающая бревна спереди — *няйлъ энаспэ нѣръ*, палка, поддерживающая бревна и къ которой привязана пукля — *няйлъ альманъ ивъ*; палочка, придерживающая пуклю — *тосъ ивъ*; дощечки, по которымъ идетъ птица — *омаспе ивъ*; колья, стоящая спереди и сбоку бревенъ — *няйлъ сыпадъ*.

тающий раньше, несется позже. Кроме этой породы на р. Сѣверной Сосьвѣ и другихъ притокахъ средняго и нижняго теченія р. Оби довольно обыкновенны: *Асѣ-люндѣ*—ревуны, *Мань-люндѣ*—казарка (обѣ эти породы встрѣчаются и на Оби, почему первая прямо зовется Обской: Асѣ-Обь); *сяквой*—чигвой, самый малый изъ всѣхъ гусей, немного больше селезня; самца отъ самки различаютъ тѣмъ, что у самцовъ на крыльяхъ съ наружной стороны—концы пестрые, а у самокъ одного цвѣта съ остальною ихъ частью.

33. Лебедь-маньщикъ—*хотанъг имда*; употребляется съ тою-же цѣлью, какъ и гусь-маньщикъ, только лебеди летятъ на маньщика гораздо охотнѣе весною, чѣмъ осенью, когда ихъ приманить очень трудно: спѣшать въ теплыя страны, какъ это объясняютъ инородцы; набитый лебедь принадлежитъ къ породѣ *яныхъ хотанъг*, т. е. большихъ лебедей; кроме этого встрѣчается еще на Сѣверной Сосьвѣ — *сонталъ хотанъг*; на Оби встрѣчается еще нѣсколько видовъ лебедей; охотятся за ними только ради шкурокъ, такъ какъ мясо ихъ почти никто не ѣстъ.

34. Лукъ—*оутѣ*, прежде служившій единственнымъ метательнымъ оружіемъ, въ настоящее время почти совершенно вытѣсненъ ружьемъ; дѣлается длиною до сажени и склеивается, при посредствѣ оленьяго клея, изъ двухъ полосъ различнаго дерева—кедра и сосны (обыкновенно) для большей упругости и прочности; снаружи весь обматывается полосками изъ тонкой бересты для предохраненія, главнымъ образомъ, отъ сырости; когда онъ не въ употребленіи, то плотно связывается съ прямымъ шестомъ во-избѣжаніе искривленія и обматывается полосами грубой толстой бересты. При стрѣльбѣ лукъ держать вертикально въ лѣвой рукѣ, а правой натягиваютъ тетиву, захватывая, при согнутой въ кулакъ рукѣ, стрѣлу двумя пальцами—указательнымъ и среднимъ, точно также держать и лѣвую руку. Тетива, дѣлаемая обыкновенно изъ пеньковой веревки, а то и изъ оленьихъ жилъ, имѣетъ на концахъ петли, которыми и надѣвается на развилки лука; когда лукъ не на охотѣ, то тетива снимается; изъ лука больше стрѣляютъ подростки, да нѣкоторые старики, которые привыкли къ нему; къ удобствамъ лука относится его тишина при стрѣльбѣ, благо-

даря чему звѣрь не пугается. Лукъ старый цѣнится дороже новаго вслѣдствіе того, что онъ уже вполне окрѣпъ и неподверженъ растрескиванію и искривленію, какъ это не рѣдко бываетъ съ новымъ; цѣнность лука равняется—3 р.

35. Стрѣла—*собі'нымъ нялз*, длиною до 5 четвертей, съ прямымъ желѣзнымъ наконечникомъ изъ стараго ножа въ 1—2 вершка, употребляется при стрѣльбѣ лося, оленя, медвѣдя, волка, лисицы, выдры и зайца; дѣлается обыкновенно изъ еловаго дерева.

36. Стрѣла—*собі'нымъ нялз*, длиною до 5 четвертей съ прямымъ желѣзнымъ наконечникомъ изъ стараго ножа въ 1—2 вершка; наконечникъ развилкой, употребляется при охотѣ на птицу—лебедей гусей и утокъ.

37. Стрѣла—*махунз нялз*; длиною до 5 четвертей съ деревяннымъ тупымъ утолщеннымъ концомъ во-избѣжаніе порчи шкурки; употребляется при охотѣ за соболемъ и за бѣлкой; при подобной же охотѣ употребляется и

38. Стрѣла—*махунз нялз*, оканчивающаяся тоже утолщеніемъ, въ которое только обыкновенно вставляется небольшая кость съ крючкомъ на концѣ; по русски такая стрѣла называется „тамара“.

39. Колчанъ—*нялз таутз*, деревянный, составленъ изъ двухъ частей—нижней плоской и верхней сильно выпуклой, связанныхъ между собой ремешками; сверху нѣсколько отверстій по числу стрѣлъ (не больше шести); весь украшенъ разными узорами, сдѣланными красной краской—*нэрпъ*; въ настоящее время онъ не употребляется, оставленъ не болѣе 40 лѣтъ; найденъ при раскопкахъ; по рассказамъ стариковъ, носился не за спиной, а у пояса съ лѣвой стороны, подвѣшаннымъ въ наклонномъ положеніи.

40. *Ясанз*—костяная овальная пластинка длиною не болѣе 1½ вершка, подвязывается ремешками при стрѣльбѣ изъ лука къ кисти лѣвой руки во избѣжаніе удара тетивой; украшена рѣзными узорами; иногда дѣлается изъ дерева; теперь употребляется весьма рѣдко.

41. *Хондунз*—шестъ длиною въ человѣческій ростъ, съ которымъ прежде, теперь очень рѣдко, зимою ходили по лѣсу; низъ

оканчивается лопаткой, чтобы удобнѣе было отгребать снѣгъ, доставать убитую добычу и даже пить воду изъ котла, а наверху находится небольшой кружокъ—*сукиса*, чтобы можно было опираться и не проваливаться, идя по снѣгу на лыжахъ.

42. Лыжи—*о́за*, длиною до 3 аршинъ и шириною до 3—4 вершковъ, снизу подбиты шкурой, содранной съ оленьихъ ногъ (самой прочной), сверху раскрашены красной краской—*нэриъ*. Мѣсто для ноги сдѣлано изъ тонкихъ вываренныхъ деревянныхъ полосъ; передніе концы приподняты, задніе—*нѣтъ*; такія лыжи, подбитыя шкурой, употребляются только по веснамъ, чтобы во время оттепели не приставаля снѣгъ; зимнія же лыжи вполнѣ деревянные и немного меньше; цѣнятся до 5—6 рублей; составляютъ необходимую принадлежность каждаго охотника и оленевода.

43. Ружье—*низаль*, въ настоящее время почти вполнѣ вытѣснилъ лукъ; встрѣчается у всѣхъ охотниковъ и въ большинствѣ случаевъ по нѣскольку штукъ, такъ какъ бываетъ разныхъ родовъ: ружья, изъ которыхъ стрѣляютъ соболей, куницъ, колонковъ, бѣлокъ и вообще звѣрей небольшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляющихъ какую-нибудь цѣнность, имѣютъ очень толстыя стѣнки и узкое, съ горошину, отверстіе дула во избѣжаніе порчи шкурокъ; ружья, которыми бьютъ лосей, оленей, медвѣдей и вообще животныхъ большихъ, имѣютъ болѣе узкія стѣнки дула и болѣе широкое отверстіе; середину между этими ружьями занимаютъ, тѣ, которыми бьютъ дичь. Стрѣляютъ преимущественно пулями, которыя дѣлаютъ сами изъ палочнаго свинца, отламывая и даже откусая небольшіе куски, которые затѣмъ жуютъ, придаютъ имъ круглую форму и получаютъ пули, правда, не особенно ровныя, но тѣмъ не менѣе вполнѣ достигающія своей цѣли; дробью стрѣляютъ сравнительно рѣдко. Всѣ ружья—кремневые и хотя часто покупаются пистонныя, но затѣмъ они тотчасъ же передѣлываются на кремневые, такъ какъ они гораздо удобнѣе: рѣже осѣчки, не такъ легко сырѣютъ и затѣмъ не приходится покупать пистоновъ, которыхъ къ тому-же часто не бываетъ; подъ куркомъ всегда находится кусочекъ кожи съ шерстью, предохраняющій отверстіе отъ засоренія и отъ

ржавчины; носятъ ружья обыкновенно сзади на лѣвой сторонѣ, при помощи ремня, идущаго чрезъ плечо. Пороху идетъ на заряды разное количество, зависящее отъ размѣра отверстія дула, среднимъ числомъ изъ фунта получается отъ 60—110 зарядовъ, которые въ большинствѣ случаевъ бываютъ небольшіе; ружья, свинецъ и дробь пріобрѣтаются отъ русскихъ и зырянъ; цѣнность первыхъ отъ 6 до 15 р., цѣнность втораго—до 30 к. фунтъ и дробь до 40 к.; продажа пороха частными лицами воспрещена (хотя не рѣдко и практикуется): онъ весь получается изъ казенныхъ складовъ по 60—80 к. фунтъ; но ввиду того, что вахтера, завѣдующіе подобными складами —пороховыми и хлѣбными не даютъ казеннаго добра въ долгъ и предлагаютъ, если у инородца нѣтъ денегъ, что бываетъ довольно часто, взять у нихъ лично займы за большіе проценты или же купить ихъ собственный порохъ, но только по 1 р.—1 р. 20 к. фунтъ; то дешевизна пороху только служитъ часто средствомъ заработать лишнія деньги вахтеру или вообще русскому, такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ право покупки казеннаго пороху; нерѣдко ружья покупаются по частямъ—дуло, замокъ отдѣльно, а все остальное устраивается самостоятельно.

44. Кремневый ружейный замокъ—*низаль найкэргъ*; покупается большею частью у зырянъ по рублю штука.

45. *Пизаль пукля*—костяная пластинка, служащая для спусканія курка въ кремневыхъ ружьяхъ, дѣлается самими инородцами изъ кости оленьей или лосинной.

46. Мѣрка для пороху—*мѣра*, изъ кости съ узорами, иногда и изъ дерева, подвѣшивается обыкновенно къ ружью.

47. Пороховница—*селя колзъ*; пріобрѣтается у зырянъ и русскихъ за 50—75 коп.

48. Капканъ для горностаевъ—*сѣльзи сопкасзъ*, представляетъ изъ себя лучекъ, тетива—*яндевзъ* котораго сдѣлана изъ черемухи; къ ободку лучка неподвижно прикрѣплена деревянная лопатка, съ квадратнымъ почти отверстіемъ, въ вершокъ приблизительно величины; къ тетивѣ прикрѣплена другая меньшая лопатка, которая при движеніи тетивы, движется также, и то вполне закрываетъ отверстіе въ большей лопаткѣ, то его открываетъ; благодаря небольшимъ деревяннымъ пуклямъ мож-

но натянуть лучекъ, открыть такимъ образомъ отверстіе, но, при малѣйшемъ колебаніи маленькой палочки, находящейся въ этомъ отверстіи, тетива спускается и отверстіе съ страшной силой закрывается; такой капканъ ставится на горностаевой тропѣ, маскируется чѣмъ-нибудь и бока заваливаются, чтобы единственнымъ проходомъ было отверстіе въ лопаткѣ: горностаѣ туда попадаетъ, колеблетъ палочку, тетива спускается и горностаѣ съ перешибленной спиной дѣлается добычей охотника; подобные капканы ставятся также и передъ норой.

49. Капканъ для бѣлокъ—*янангъ*, устроенъ подобно предыдущему, только гораздо больше и вмѣсто неподвижно прикрѣпленной лопатки съ отверстіемъ, къ лучку привязывается двѣ деревянные пластинки, связанныхъ плотно на одномъ концѣ и раздвинутыхъ вершка на три на другомъ; этотъ раздвигъ и образуетъ отверстіе, чрезъ которое стремится бѣлка и гдѣ она обыкновенно убивается; иногда такой же капканъ ставится и на горностаевъ.

50. Модель самострѣла на зайцевъ—*соуръ ѳутъ*; состоитъ изъ лука съ черемуховой тетивой и изъ деревянной пластинки, неподвижно прикрѣпленной съ зазубринами снизу; посредствомъ пуклей и зазубринъ лукъ натягивается, на пластинку накладывается стрѣла такимъ образомъ, чтобы при спускѣ тетивы, она летѣла-бы впередъ, и снарядъ такимъ образомъ устроенный ставится между двухъ деревьевъ поперегъ слѣда въ нѣкоторомъ только отъ него разстояніи, и загребается сверху снѣгомъ такъ, чтобы на поверхности осталось только одна стрѣла, противъ которой на другой сторонѣ слѣда вколачиваютъ небольшой колышекъ, отъ котораго протягиваютъ къ самострѣлу бѣлую оленью жилу, совсѣмъ незамѣтную; заяцъ, а иногда и другой подобный звѣрь, идя своею тропой, трогаетъ жилу, тетива спускается и стрѣла большею частью на мѣстѣ же убиваетъ животное, или оно нѣсколько пройдетъ, но, оставивъ послѣ себя кровавой слѣдъ, всегда можетъ быть найдено; только иногда какой-нибудь хищникъ—волкъ, лиса воспользуется даровой пищей, но противъ этого трудно уберечься, особенно при томъ большомъ количествѣ всевозможныхъ самострѣловъ и капкановъ, которые бываютъ у инородцевъ.

51. Модель самострѣла на лося, оленя и медвѣдя—*уля ѳутз*; устраивается совершенно такъ-же, какъ и предыдущій, только дѣлается гораздо больше и становится выше, сообразуясь съ ростомъ животнаго, на которое настороженъ самострѣлъ; при этомъ, какъ уже было сказано, стараются загородить всѣ боковые проходы; чтобы дать понятіе о величинѣ такого рода самострѣловъ, приведу измѣреніе одного изъ нихъ, вполне тождественнаго съ другими: длина самого лука 4 аршина 5 вершковъ, окружность его 6 вершковъ; длина тетивы сдѣланной изъ простой веревки—3 аршина 6 вершковъ, длина ложа, на которомъ лежатъ стрѣлы и снизу котораго устроены зарубки—1 арш. 12 вершковъ; стрѣлъ—*уля ѳутз нялз* при такомъ самострѣлѣ было три (бываетъ иногда и двѣ), длиною онѣ были 27 вершковъ, изъ которыхъ 6 вершковъ шло на желѣзный наконечникъ, ввидѣ копья и сдѣланнаго изъ стараго ножа; на подобныхъ стрѣлахъ перьевъ не бываетъ. У хорошихъ охотниковъ, усиленно занимающихся охотой за лосями, оленями и медвѣдями, бываетъ такихъ стрѣлковъ по нѣсколько десятковъ.

52. Капканъ—*кэрз нялз*, употребляемый инородцами на зайцевъ, лисъ и песцовъ; пріобрѣтается обыкновенно у зырянъ по 1 р. штука; ловятъ имъ, главнымъ образомъ, зимою, разставляя вездѣ, гдѣ только есть слѣды звѣрей; иногда у охотника находится ихъ болѣе сотни.

53. Капканъ—*кэрз-нялз*, употребляемый инородцами на россомагъ, волковъ и выдръ; цѣнность его 1 р. 50 к.—1 р. 75 к.

54. Модель капкана на медвѣдя, съ зазубринами по краямъ, уменьшена въ 10—12 разъ; употребляется русскими, живущими въ Сѣверо-Западной Сибири; инородцы медвѣдей капканами пока не ловятъ.

55. Модель капкана на волка, уменьшена въ 4—5 разъ, употребляется русскими (устроенъ такъ-же, какъ и № 50.)

56. Модель капкана на выдру съ острыми, заходящими другъ на друга двумя зубцами, уменьшена въ 4—5 разъ; употребляется инородцами и русскими, живущими на Оби.

3. Принадлежности домашней обстановки.

Не смотря на сравнительно разнообразныя условія жизни, которая бываетъ жизнью то кочевника, то осѣдлаго, то оленевода, то охотника, инородецъ Сѣверо-Западной Сибири имѣетъ принадлежности домашней обстановки вездѣ почти совершенно одинаковыя; все различіе заключается только въ большемъ или меньшемъ богатствѣ, въ маломъ или значительномъ числѣ вещей, не составляющихъ предметъ первой необходимости. Большинство предметовъ инородцы дѣлаютъ себѣ сами, особенно тѣ, матеріаломъ для которыхъ служатъ дерево, береста, кость и кожа, и только вещи металлическія приобрѣтаются у Русскихъ или у Зырянъ, которые теперь съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе водворяются въ тундрѣ и начинаютъ понемногу дѣлаться ея полновластными хозяевами; да и металлическія издѣлія почти всегда передѣлываются по своему, и, вѣрнѣе сказать, поэтому, что только покупается одинъ металлъ въ большинствѣ случаевъ ввидѣ ножей, изъ которыхъ они выдѣлываютъ разные предметы; собственнаго желѣза для литья у нихъ нѣтъ и если они занимаются отливкой, то единственно свинцовыхъ, главнымъ образомъ, и оловянныхъ отчасти украшеній, идущихъ на одежду и на ея различныя части. Судя по нѣкоторымъ даннымъ—по остаткамъ и по рассказамъ стариковъ, инородцы прежде обладали болѣе подробными свѣдѣніями о литьѣ и о хорошей ковкѣ желѣзныхъ вещей, но потомъ когда стало легко приобрѣтать эти вещи у Русскихъ, у Зырянъ, тогда они бросили этимъ заниматься и только рѣдко у какого-нибудь Остяка или Маньза встрѣтится небольшая наковальня, на которой онъ поправляетъ старыя сломанныя вещи и совершаетъ преобразование ножа въ стрѣлу, пилу, и т. д.

И мужчины, и женщины одинаково занимаются приготовленіемъ предметовъ, необходимыхъ для ихъ жизни, только бе-

рестяныя и кожаныя вещи дѣлаются, главнымъ образомъ, женщинами, а деревянныя, костяныя и металлическія—мужчинами.

Что касается до жилища, то уже раньше было сказано, что оно мѣняется по временамъ года и по занятіямъ хозяина: то оно является ввидѣ небольшого деревяннаго сруба съ немного покатой крышей; то ввидѣ шалаша—чума, сдѣланнаго лѣтомъ изъ бересты, зимою изъ оленьихъ шкуръ. Въ мѣстахъ болѣе южныхъ, какъ по р. Оби въ среднемъ теченіи, такъ и по ея притокамъ, зимнія помѣщенія—деревянныя большею частью располагаются группами по нѣсколько 3—20 рядомъ около рѣки, озера и преимущественно въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ; помѣщенія же лѣтнія дѣлаются ввидѣ берестяныхъ шалашей или небольшихъ берестяныхъ же навѣсовъ, открытыхъ съ боковъ и спереди и защищенныхъ отъ непогоды только сзади и сверху. Зимній домъ представляетъ изъ себя четырехугольное, обыкновенно квадратное, помѣщеніе, сдѣланное изъ не толстыхъ бревенъ, вершка 3—4 въ поперечникѣ, или даже изъ плохо обдѣланныхъ досокъ, вырубаемыхъ обыкновенно изъ одного дерева, которое только въ случаѣ большей толщины разрубается посредствомъ клиньевъ на двѣ части; между бревнами и досками клянется мохъ. Домъ ставится безъ фундамента и во многихъ случаяхъ имѣетъ земляной полъ, покрытый часто берестою; если же полъ деревянный, то онъ состоитъ изъ очень толстыхъ досокъ, положенныхъ на низенькіе столбики; крыша устраивается такимъ образомъ, что предварительно къ двумъ треугольникамъ, высотой до $1\frac{1}{2}$ аршинъ, поставленнымъ на срубѣ спереди и сзади прикрѣпляется по продольному направленію 6—7 тонкихъ бревенъ, къ которымъ привязываются, посредствомъ кедровыхъ корней, тонкія дранки, затѣмъ въ нѣсколько слоевъ накладывается береста, предварительно вываренная и сшитая часто въ нѣсколько полосъ и сверху все закладывается рядомъ тонкихъ бревенъ или даже досокъ; потолка обыкновенно не существуетъ и вмѣсто него тянутся внутри нѣсколько шестовъ для развѣшиванія предметовъ домашняго быта и одежды. Снаружи къ той стѣнѣ дома, гдѣ дверь, т. е. большею частью къ южной—присоединяется неболь-

шая пристройка, напоминающая наши сѣни, которая зимою закрывается досками со всѣхъ сторонъ причемъ остается только небольшое мѣсто для прохода, а лѣтомъ разбирается; въ ней обыкновенно хранятся дрова и разныя грамоздкія вещи; дверь, ведущая въ домъ, очень низка, а порогъ довольно высокъ. Направо отъ входа, въ углу, помѣщается всегда печка—чуваль, напоминающая наши каминны и сдѣланная ввидѣ дупла, съ выемкой спереди, изъ сучьевъ, обмазанныхъ глиною; чуваль продолжается выше крыши и оканчивается трубой, которая въ сильные холода закрывается особымъ приспособленіемъ, сдѣланнымъ изъ дерева и сверху покрытымъ слоемъ глины; въ чуваль сверху свѣшивается крюкъ, на который подвѣшивается чайникъ и котелъ; въ правой отъ входа стѣнѣ, обращенной на востокъ, дѣлается небольшое окно, въ которое въ настоящее время вставляется часто стекло, а прежде или оленій пузырь или рыба кожа; иногда и въ противоположной стѣнѣ дѣлается такое же окно, но это бываетъ довольно рѣдко; вдоль остальныхъ двухъ стѣнъ устраиваются нары, приподнятыя на $\frac{1}{2}$ аршина отъ полу и покрытыя обыкновенно оленьими шкурами; нары эти раздѣляются на отдѣленія перегородками аршина въ два вышиною, недоходящими все таки до крыши и напоминаютъ собою стойла; число отдѣленій зависитъ отъ числа взрослыхъ членовъ семьи, такъ какъ обыкновенно у каждаго изъ нихъ имѣется свое помѣщеніе, причемъ то, которое находится въ переднемъ углу, служитъ помѣщеніемъ для главы дома и для храненія шкатулки съ дорогими вещами, а главное съ изображеніемъ боговъ. Въ перегородкахъ иногда дѣлаются небольшія окошки; упередней стѣны, налѣво отъ входа, нерѣдко устраивается какъ бы этажерка съ нѣсколькими полками для разныхъ припасовъ и принадлежностей.

Около дома всегда находится одинъ или два небольшихъ сарайчика на высокихъ (до сажени) ножкахъ, въ которыхъ хранятся всѣ запасы и все богатство инородца; высокія ножки дѣлаются съ цѣлью спасенія своихъ богатствъ отъ весеннихъ затопленій и отъ мышей, которые тамъ, какъ и здѣсь, довольно падки до чужаго добра; иногда на эти ножки набиваются кружки, или напротивъ, въ нихъ дѣлаются выемки, чтобы затруднить дви-

женіе всякаго звѣря, стремящагося въ амбаръ; подобнаго-же рода сарайчики устраиваются и въ мѣстахъ обитанія какого-нибудь бога, гдѣ у него хранятся всѣ припасенныя вещи; въ такихъ сарайчикахъ нерѣдко бываютъ противъ двери насторожены луки и ружья, такъ что всякому, кто отворяетъ дверь безъ принятія должныхъ мѣръ предосторожностей, грозитъ смерть, что иногда и бываетъ; замки на этихъ сараяхъ, равно какъ и на домахъ, обыкновенно отсутствуютъ, и отъ этого никакихъ золъ не происходитъ, только въ последнее время, когда по рѣкамъ стали разѣзжать съ мукою, солью и другими припасами Зыряне, стали случаться кражи тѣмъ болѣе легкія, что лѣтомъ инородецъ переѣзжаетъ на рыбную ловлю и оставляетъ свой домъ на нѣсколько мѣсяцевъ совершенно пустымъ.

Берестяной чумъ представляетъ изъ себя палатку, сдѣланную изъ продольныхъ полосъ вываренной бересты и прикрѣпленной къ шестамъ, которые сходятся на верху, гдѣ и образуется отверстіе для прохода дыма отъ костра горящаго, цѣлый день, а иногда и ночь, посерединѣ чума; дверью служить или оленья шкура, или берестяная крышка, прикрѣпленная при помощи кедровыхъ корней; полъ иногда покрытъ весь берестой, а большею частью только его крайнія части заняты оленьими шкурами—постелями; на высотѣ $1\frac{1}{2}$ 2 аршинъ висятъ палки съ нанизанной на нихъ рыбой, повѣшанной для вяленія и копченія, поэтому-то даже и лѣтомъ огонь горитъ весь день.

Въ сильные холода отверстіе сверху закрывается оленьей шкурой, но не смотря на это, внутренняя температура рѣдко бываетъ выше внѣшней градусовъ на 10.

Кромѣ подобнаго чума лѣтомъ нерѣдко строятъ себѣ просто навѣсъ: вбиваютъ два толстыхъ кола, вышиною до 2 аршинъ, съ развилкой на верху и на такомъ разстояніи другъ отъ друга, какой длины хотятъ сдѣлать жилье; затѣмъ отступя отъ этихъ кольевъ аршина на $1\frac{1}{2}$ —2, начинаютъ вбивать рядъ шестовъ, на 5—7 вершковъ другъ отъ друга, и на высотѣ 1— $1\frac{1}{2}$ аршина ихъ перегибаютъ и связываютъ съ перегибиной, положенной на развилки; помѣщеніе готово, правда

неприхотливое и нельзя сказать, чтобы особенно, удобное. Во время рыбной ловли около таких построекъ всегда существуют приспособленія, напоминающія собою бесѣдки для развѣшиванія рыболовныхъ снастей; иногда онѣ замѣняются столбами съ рядомъ перекладинъ.

Среди построекъ, находящихся около дома, необходимо упомянуть про баню, которая встрѣчается, правда, очень и очень рѣдко и преимущественно по Оби въ среднемъ ея теченіи. Дѣлается она ввидѣ обыкновеннаго зимняго помѣщенія, только безъ полу, чувала и окна, которое замѣняется небольшими прорѣзами въ стѣнахъ; вмѣсто чувала посрединѣ или въ углу навалена груда камней, имѣющихъ видъ печки; подъ нихъ кладется трава, дрова и благодаря этому камни нагрѣваются и при обливаніи ихъ водой получается паръ.

Въ мѣстахъ болѣе сѣверныхъ—въ тундрѣ зимнія помѣщенія имѣютъ видъ лѣтнихъ чумовъ, сдѣланныхъ только изъ оленьихъ шкуръ; внутри ихъ раскладывается огонь, сверху свѣшивается крюкъ для котла; внизу находятся оленьи шкуры—вотъ и вся обстановка. Около такого чума всегда находится нѣсколько саней—нартъ, нагруженныхъ разными запасами и имуществомъ инородца, который перевозитъ ихъ съ мѣста на мѣсто до встрѣчи съ какимъ-либо торговцемъ, покупающимъ и промѣнивающимъ свои товары на продукты его оленеводства, рыболовства и охоты.

Лишь только наступаютъ заморозки и движеніе на лодкахъ дѣлается затруднительнымъ, инородецъ начинаетъ готовить себѣ сани-нарты, которыя бываютъ не одной формы, а нѣсколькихъ. Осенью, когда еще снѣгу мало и болота плохо замерзли, да и олени не пришли еще съ горъ и изъ болѣе сѣверныхъ мѣстъ, куда ихъ загоняютъ на лѣто отъ комаровъ и мушкаръ, тогда движеніе совершается при помощи собакъ, запрягаемыхъ въ небольшія нарты, напоминающія наши дѣтскія санки, на которыхъ катаются съ горъ; нарты эти на низкихъ копыльяхъ и длиною не болѣе $1\frac{1}{2}$ аршинъ, а шириною до 12 верш.; въ нихъ запрягается различное число собакъ—отъ двухъ до двадцати, что зависитъ отъ тяжести груза и отъ длины и трудности пути; обыкновенно полагается, что хорошая собака

можетъ вести тяжесть въ два пуда со скоростью пяти верстъ въ часъ и въ продолженіе трехъ-четырехъ часовъ съ небольшими передышками; вообще-же собаки могутъ дѣлать переѣзды не болѣе 30—35 верстъ въ сутки и то, если снѣгъ не особенно жестокъ, иначе онѣ обиваютъ себѣ ноги и тогда рѣшительно останавливаются. Вся собачья упряжь состоитъ изъ ременнаго или какого-либо другого болѣе мягкаго пояса, обхватывающаго сзади туловище и отъ котораго между ногами идетъ ремень, прикрѣпленный къ нартамъ; возжей нѣтъ, а останавливаютъ, погоняютъ и поворачиваютъ при помощи длиннаго шеста съ округленнымъ концомъ; обыкновенно запрягаютъ парами гуськомъ, причемъ впереди идетъ одна собака, ученая, которая направляетъ движеніе остальныхъ, понимаетъ приказанія ѣздока и смотритъ за порядкомъ, такъ какъ иногда, если прочія собаки везутъ плохо, она оборачивается и даетъ имъ трепку; такая передовая собака цѣнится дорого—до двухъ оленей, между тѣмъ какъ простыя 50 к.—1 р.; иногда запрягаютъ не парами, а четверками въ рядъ; если ѣзда совершается гуськомъ, то переднія собаки прикрѣпляются или посредствомъ длиннаго ремня прямо къ нартамъ, или посредствомъ короткаго къ поясу, обхватывающему переднюю часть туловища слѣдующихъ за ними собакъ. Зимой обыкновенно при помощи собакъ возятъ воду, дрова, рыбу изъ язей, охотникъ свои припасы въ лѣсу, и т. д., при этомъ человѣкъ уже не садится на нарты, а идетъ рядомъ, если-же ѣдетъ, то обыкновенно одинъ, причемъ требуется не малая ловкость: нарта низка, ноги приходится держать на вѣсу; много встрѣчается овраговъ, спусковъ въ рѣки, надо умѣть держаться, а тутъ еще иногда изъ-за куста выскочитъ заяцъ или лисица и тогда собакъ поминай, какъ звали; неопытный ѣздокъ при моментальномъ поворотѣ вываливается, собаки убѣгаютъ и приходится идти пѣшкомъ, вотъ почему всегда и берутъ съ собою лыжи. Собаки возвращаются домой только чрезъ день, чрезъ два и то вынужденные чаще голодомъ и инородецъ, хотя и поучить ихъ, но все-таки покормить или рыбой, или заварить имъ мучную похлебку; такая кормежка совершается обыкновенно разъ въ день и только уже при полномъ отсут-

ствіи всякихъ запасовъ собаки предоставляются самимъ себѣ; даже отправляясь на охоту, инородецъ обязательно беретъ запасъ изъ рыбы не только для себя, но и для собакъ.

При ѣздѣ на оленяхъ пользуются постоянно санями, даже лѣтомъ, такъ какъ передвиженіе по тундрѣ и по горамъ, гдѣ обыкновенно олени проводятъ это время, гораздо легче совершается при помощи полозьевъ, чѣмъ колесъ. Оленьи нарты дѣлаются, понятно, гораздо больше, чѣмъ собачьи и обыкновенно на очень высокихъ копыльяхъ—до $1\frac{1}{2}$ аршинъ вышиною во избѣжаніе проваловъ; при чемъ однѣ нарты приспособлены для перевозки товаровъ, другія для передвиженія людей; послѣднія гораздо меньше и легче. Въ нарту запрягаютъ отъ одного до четырехъ оленей и всегда въ рядъ, при чемъ какъ быковъ, такъ и коровъ, что зависитъ отъ требованій ѣзды: быки бѣгутъ тише, но за то они выносливѣе и сдѣлать для нихъ въ сутки до полутора верстъ при легкой клади дѣло обыкновенное; обыкновенно-же на нарту, запряженную парой оленей, накладываютъ грузу не болѣе десяти пудовъ и они везутъ ее со скоростью 8—10 верстъ въ часъ и такъ въ продолженіе 10—12 часовъ, причемъ олени очень часто, минутъ чрезъ пятнадцать, останавливаются на одну—двѣ минуты, забираютъ „духъ“, какъ говорятъ, и ѣдутъ опять; часа чрезъ два надо вавать болѣе продолжительные отдыхи; эти минутныя остановки, между которыми проѣзжаютъ 2— $2\frac{1}{2}$ версты, дали основаніе вести по нимъ счетъ разстояніямъ; такъ говорятъ: отъ этой рѣчки до той—20 духовъ, и т. д.

Упряжь оленья не сложна—она состоитъ изъ узкаго кожаннаго или другаго какого-либо ремня, обхватывающаго шею оленя, затѣмъ болѣе широкой и обязательно кожанной ремень, соединяющійся внизу съ шейнымъ, окружаетъ тѣло оленя, ближе къ переднимъ ногамъ и отъ него идетъ между задними ногами ремень, который прикрѣпляется посредствомъ костяшки съ двумя отверстіями къ передку нарты; голова оленя около роговъ обхватывается цѣлымъ рядомъ костяшекъ, связанныхъ между собою ремешками, которые соединяются въ свою очередь съ шейнымъ ремнемъ; къ рогу крайняго слѣва оленя привязывается одна вожжа, благо-

даря которой и совершается управление всей парой, тройкой или четверкой: когда приходится повернуть оленей налѣво, то вожжа натягивается и лѣвый олень, обученный, подобно тому, какъ передовая собака въ собачьихъ нартахъ, тянетъ за собою остальныхъ; когда необходимо повернуть направо, тогда той-же вожжей ударяютъ оленя по спинѣ и длинный шестъ (аршина 4—5 длины съ округленнымъ концомъ наверху и желѣзнымъ копьёмъ внизу, употребляемый вмѣсто кнута и тормазы) держать вдоль оленьяго тѣла и слегка къ нему прижимаютъ; останавливаютъ натягиваніемъ вожжи, втыканіемъ шеста въ землю или снѣгъ и крикомъ ээ охо-хо-хо-хо-ооо; погоняютъ ударомъ вожжи, тыканіемъ тупымъ концомъ шеста и крикомъ эхэ-хэ-хэ-хэ.ээээ.

Благодаря тому, что костяшки, привязывающія оленей къ нартѣ, прикрѣплены подвижно, болѣе лѣнивый олень или вообще менѣе везущій всегда ближе къ передку, который обиваетъ ему ноги и заставляетъ бѣжать на ряду съ другими; обыкновенно крайній слѣва олень бѣжитъ рысью, между тѣмъ какъ остальные галопируютъ, и самой лучшей ѣздой считается та, при которой этотъ олень никогда не сбивается и постоянно рыситъ. При небольшихъ задержкахъ достаточно воткнуть шестъ рядомъ съ оленями и самое большое намотать на него вожжу, чтобы быть увѣреннымъ что они не разбѣгутся; при продолжительныхъ же остановкахъ, на примѣръ, при почевкахъ, когда оленей распрягаютъ, ихъ уводятъ куда-нибудь поблизости, гдѣ растётъ оленій мохъ, и оставляютъ такъ до утра, только на одного надѣваютъ колоколецъ, чтобы знать приблизительно, гдѣ они ходятъ; на оленей же болѣе буйныхъ надѣваютъ на шею деревянный обручъ съ подвязанной къ нему рогулькой, такой величины, чтобы она моталась между ногъ; тоже самое дѣлаютъ иногда и съ собаками.

Къ ѣздѣ оленей обыкновенно приучаютъ на 2—3 году, для чего предварительно ихъ ловятъ, привязываютъ на длинной веревкѣ къ дереву или чуму, затѣмъ эту веревку все болѣе и болѣе укорачиваютъ; потомъ дня чрезъ два привязываютъ сзади къ запряженной нартѣ и сперва ѣдутъ тихо, затѣмъ все быстрѣе; поѣздивши немного такимъ образомъ, на оленя на-

чинають надѣвать сбрую, припрягаютъ къ нартѣ и обученіе кончается; бываютъ олени, которые сразу понимаютъ всю эту премудрость, и на другой—третій день ѣздить не хуже старыхъ, но есть и такіе, которыхъ не могутъ приучить въ двѣ—три недѣли и отъ которыхъ приходится отказываться, тѣмъ болѣе, что упрямство свойственно и имъ. Когда приходится куда-нибудь ѣхать, тогда начинаютъ ловить ѣзжанныхъ быковъ и коровъ, въ чемъ дѣятельное участіе принимаютъ собаки, гоня обыкновенно на хозяина нужныхъ ему оленей. Ловля производится посредствомъ длиннаго (до 10—15 сажень), сплетеннаго изъ оленьихъ ремней аркана, который на концѣ имѣетъ подвижную петлю; достаточно, чтобы арканъ слегка задѣлъ оленя или упалъ на концы его роговъ, чтобы онъ остановился и сталъ-бы ждать хозяина; иногда въ большихъ стадахъ, чтобы не терять напрасно много времени на поимку оленей, ихъ приучаютъ по извѣстному зову — о-о-о-о-о! прибѣгать, и особенно это легко достигается съ тѣми, которые прикормлены хлѣбомъ, что у оленеводовъ иногда практикуется.

Домашнихъ оленей существуетъ двѣ породы: одна большая, другая малая, причемъ замѣчается, что приплодъ всегда бываетъ таковъ, какова мать: мать мала—теленочъ не великъ; мать большая—большой и теленокъ; это различіе въ величинѣ можно отчасти объяснить тѣмъ, что домашніе олени очень часто сходятся съ дикими, которые вообще гораздо больше ихъ, особенно быки; хозяева даже стараются всегда бродить со своими стадами тамъ, гдѣ есть дикіе, чтобы увеличить и вообще улучшить свою породу. Среднимъ числомъ на 25 коровъ полагается одинъ быкъ, причемъ коровы, какъ и быки, обыкновенно начинаютъ сходиться на второмъ году отъ рожденія, иногда бываютъ, впрочемъ, случаи, что корова, рожденная весною, осенью покрывается быкомъ и слѣдующей весной приносить уже теленка, но это вообще большая рѣдкость; оленеводы на это смотрятъ, какъ на хорошее предзнаменованіе и вполне увѣрены, что стадо, въ которомъ произошелъ такой случай, будетъ отлично размножаться и не будетъ страдать отъ болѣзней. Въ половинѣ сентября, иногда даже въ октябрѣ, происходитъ покрытіе коровъ, причемъ старые быки пользуют-

ся всѣми преимуществами и молодымъ только украдкой удается иногда воспользоваться запрещеннымъ плодомъ; впрочемъ здѣсь право на сторонѣ сильнаго, иногда и между молодыми попадаются настолько крѣпкіе, что они дѣлаются полными хозяевами стада; если быковъ очень много, то оплодотвореніе совершается довольно плохо—они постоянно дерутся, иногда даже на смерть, сшибаютъ другъ друга и даже пастухи ходятъ въ это время обыкновенно съ палками; во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ самцамъ отпиливаютъ рога; даже тѣ, на которыхъ ѣздятъ и которые болѣе привыкли къ человѣку, и то нерѣдко нападаютъ на своихъ хозяевъ; олени выложенные въ это время также не спокойны и ищутъ самокъ. Выкладываніе обыкновенно происходитъ на второмъ—третьемъ году отъ рожденія и производится тремя способами: раздавливаніемъ яичекъ зубами, разбиваніемъ ихъ палкой и подрѣзываніемъ кожи съ вылуценіемъ; послѣдній способъ практикуется довольно рѣдко благодаря тому, что олень, вслѣдствіе отсутствія перевязки, теряетъ много крови и ослабѣваетъ; при совершеніи операціи оленя валятъ на землю, привязываютъ заднія ноги къ шеѣ и приступаютъ къ дѣлу; какимъ-бы способомъ операція не производилась, дня чрезъ три всегда начинается воспалительный процессъ и мошонка отпадаетъ; выкладываютъ обыкновенно въ августѣ до наступленія яра, рѣдко во время яра и почти никогда весною, такъ какъ тогда олени дольше не поправляются сравнительно съ осенью и даже иногда умираютъ. Съ 23 апрѣля (Юрьева дня) до начала іюня рождаются телята; мать сама отдѣляетъ пуповину, причемъ иногда, засасывая ее, прорываетъ, выходятъ внутренности и новорожденный умираетъ; если только что родившагося теленка взять голыми руками и положить передъ матерью, то она не будетъ его облизывать, необходимо брать въ рукавицахъ; чтобы поправить свою ошибку, надо теленка помазать жидкостью, выдѣляющейся изъ vulv'ы, и опять положить передъ матерью, которая начинаетъ тотчасъ-же его лизать; облизанный теленокъ сейчасъ-же подымается на ноги и начинаетъ бѣгать; если мать не даетъ себя сосать, то ей связываютъ переднія ноги и она остается на одномъ мѣстѣ, но при такомъ способѣ кормленія

теленокъ, чувствуя, что мать его не облизываетъ, что она обыкновенно дѣлаетъ всегда въ первое время по рожденіи, отстаютъ и больше не сосетъ; во избѣжаніе этого его въ это время гладятъ кускомъ кожи и онъ, думая, что его лижетъ мать, остается спокойнымъ. Если вскорѣ, послѣ его рожденія, стадо перегоняютъ на другое мѣсто, олени перемѣшиваются и телята теряютъ своихъ матерей, то они возвращаются назадъ, бѣгаютъ кругомъ иногда 2—3 дня, до тѣхъ поръ однимъ словомъ, пока мать, отыскивая его, не прибѣжитъ къ нему сама и не уведетъ его съ собою. Бываютъ случаи что сразу появляются двойни, но это довольно рѣдко и тогда обыкновенно одного изъ телятъ подпускаютъ къ другой матери, у которой свой теленокъ, погибъ, что, надо замѣтить, бываетъ не рѣдко, особенно если холодныя весны и сильныя вѣтра; гораздо чаще впрочемъ случается другое, когда корова совсѣмъ бываетъ не плодной или-же въ продолженіе многихъ лѣтъ не даетъ телятъ; полъ приплода, по наблюденіямъ инородцевъ, мѣняется по годамъ—годъ бычекъ, годъ коровка, хотя иногда такая послѣдовательность и нарушается; производить искусственно тотъ или другой полъ они не умѣютъ и тоже самое можно сказать относительно цвѣта теленка, который часто совершенно не подходитъ подъ цвѣтъ родителей: у совершенно бѣлыхъ отца съ матерью иногда рождается темный теленокъ. Сосутъ обыкновенно телята своихъ матерей до Покрова (1-го октября), послѣ чего отстаютъ. Въ концѣ іюня (около Петрова дня—29 іюня) и въ началѣ іюля олени начинаютъ мѣнять шерсть, причемъ быки раньше, чтобы къ яру совсѣмъ вылинять; рога самцы сбрасываютъ преимущественно весною, хотя это случается и въ другое время года и даже иногда зимою, но въ послѣднемъ случаѣ они до марта—апрѣля ходятъ безъ роговъ; если легчатъ осенью, то дней чрезъ 10—12 послѣ совершенія операціи рога спадаютъ, если только еще раньше были признаки скорой ихъ смѣны, наримѣръ, постоянное чесаніе о деревья; если же подобныхъ признаковъ не было, то рога остаются до весны, когда они ихъ теряютъ все таки раньше другихъ; если самка сбрасываетъ рога раньше телятеня, то это служить вѣрнымъ признакомъ, что она не будетъ телится, такъ какъ обыкновенно

рога у ней спадаютъ только дней чрезъ 7—10 послѣ разрѣшенія отъ бремени. Если корова была покрыта быкомъ, то на ней ѣздить только до весны, а съ марта до октября или ноября ее оставляютъ въ покоѣ и тогда ѣздить только на неплодныхъ и на быкахъ.

Среди болѣзней, которыя часто свирѣпствуютъ между оленями, необходимо указать на копытную, и головную, какъ на такія, которыя чаще всего бываютъ причиною ихъ смерти. Копытная преимущественно происходитъ лѣтомъ (зимою рѣдко) и заключается въ томъ, что между копытами появляется вначалѣ ранка безъ отдѣленія матеріи, затѣмъ является опухоль, которая становится все больше и больше и олень чрезъ нѣсколько времени умираетъ; если ранка обнаруживается на маленькихъ копытцахъ, то ихъ отрѣзаютъ и олени тогда большею частью выздоравливаютъ; если-же между большими копытами, то продѣваютъ сквозь нихъ ремень, крѣпко связываютъ и не рѣдко бываютъ случаи выздоровленія; самое-же опасное, когда ранка появляется наверху копытъ; опасность увеличивается еще отъ того, что олени лижутъ въ такихъ случаяхъ ноги, отчего у нихъ распухаютъ губы, языкъ и десны; болѣзнь заразительна и если она появилась, то нерѣдко 20—30% погибаетъ изъ всего стада, причемъ заболѣваетъ обыкновенно половина, но остальные 30—20% выздоравливаютъ; не смотря на такой заразительный характеръ болѣзни мясо, павшихъ оленей ѣдятъ, но только не сырое, а хорошо проваренное; причиною болѣзни считается излишняя сырость; средствами отъ нея служить частая перегонка оленей чрезъ воду и пересыпка ранъ пережженнымъ желѣзнымъ купоросомъ и смазываніе ихъ затѣмъ коровымъ масломъ (понятно, послѣдній способъ можетъ практиковаться только оленеводами, имѣющими сношенія съ русскими и зырянами); холодъ въ это время въ высшей степени полезенъ.

Головная болѣзнь заключается въ опухоли головы и происходитъ обыкновенно осенью при наступленіи дождливаго времени, когда шерсть и рога постоянно смачиваются и нерѣдко начинаютъ прѣть, поэтому олени съ обломанными рогами, къ числу которыхъ больше принадлежатъ невыложенные

самцы, поэтому чаще всего и страдают; болѣзнь незаразительна, но дѣйствуетъ очень быстро—дней чрезъ 5 послѣ обнаруживанія олени погибаютъ, тогда какъ при копытной они иногда страдаютъ до 2—3 мѣсяцевъ; средствъ противъ этой болѣзни не принимается, выздоравливаютъ очень рѣдко и обыкновенно всего изъ стада страдаетъ отъ 10 до 20%; какъ на средство предохранительное указываютъ на замазываніе или на обжиганіе обломанныхъ и опиленныхъ роговъ (отпиливаютъ часто не только во-избѣжаніе несчастныхъ случаевъ отъ раздраженныхъ самцовъ, но также и потому, что существуетъ мнѣніе, что олени безъ роговъ гораздо лучше и скорѣе откармливаются, чѣмъ съ рогами); мясо оленей, павшихъ отъ этой болѣзни, въ пищу употребляется. Кромѣ этихъ болѣзней еще встрѣчаются и другія: такъ называемая чума, при которой олени быстро пухнутъ и чрезъ день, два умираютъ, причемъ иногда шкура лопається и подъ ней обнаруживается какъ-бы бѣлая пѣна; болѣзнь въ высшей степени заразительна и она переходитъ на людей, поэтому мясо такихъ оленей не ѣдятъ и шкуръ не снимаютъ; средствъ противъ нея не знаютъ и только стараются отогнать здоровыхъ оленей отъ больныхъ, чтобы предохранить ихъ отъ зараженія, но это не всегда удается и нерѣдко бываетъ, что стадо въ двѣ—три сотни головъ погибаетъ въ 1—2 недѣли и бѣдные оленеводы не знаютъ, какъ добратся до слѣдующаго чума, и бываютъ случаи, къ счастью рѣдкіе, когда такіе обѣднявшіе инородцы погибаютъ съ голоду въ тундрѣ вслѣдствіе потери силъ и неимѣнія возможности добратся до какого-нибудь жилья, отстоявшаго часто верстъ на 100—200. Замѣчаютъ, что эта болѣзнь встрѣчается болѣе или менѣе постоянно на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ, которыя поэтому всѣми силами избѣгаются и только голодъ, отсутствіе корма въ другихъ мѣстахъ, да русское „авось“, которое развито и тамъ, заставляютъ часто забыть прошлое горе, чтобы испытать новое. Нерѣдко олени страдаютъ и отъ болѣзней легкихъ, причемъ эта болѣзнь видимо зависеть отъ разныхъ причинъ: олени весною и лѣтомъ, особенно во время жары, начинаютъ кашлять, хирѣть и осенью большею частью умираютъ; если и переживаютъ зиму, то для

того только, чтобы слѣдующей весной обязательно погибнуть, такъ какъ случаи выздоровленіи бываютъ весьма рѣдки. При вскрытіи обнаруживается гнилостное состояніе легкихъ и иногда ихъ приростаніе къ сосѣднимъ органамъ; болѣзнь эта не заразна и случается рѣдко; такъ какъ шкура и мясо идутъ въ дѣло, то инородцы и неособенно заботятся о леченіи больныхъ оленей, хотя, если есть, то даютъ имъ въ пищу медвѣжье сало, которое, по ихъ мнѣнію, отлично помогаетъ; кромѣ этой болѣзни олени иногда начинаютъ хирѣть, замѣтно худѣютъ, слабѣютъ, перестаютъ ѣсть и тихо умираютъ: ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ признаковъ болѣзни эта не имѣетъ и зависитъ, какъ говорятъ оленеводы, отъ слабости легкихъ; обыкновенно подобныхъ оленей убиваютъ раньше, чѣмъ болѣзнь разовьется до крайнихъ предѣловъ; мясо ѣдятъ, шкуру употребляютъ на одежду или на что-нибудь другое и поэтому болѣзнь эта, особенно при ея незаразности, существеннаго вреда не приноситъ; мѣръ противъ нея не принимается. Иногда олень, совершенно здоровый по внѣшности, вдругъ падаетъ и моментально умираетъ; при вскрытіи обнаруживается, что въ сердцѣ, печени находятся бѣлые червяки, которые иногда выполняютъ собою всѣ эти органы и служатъ причиною смерти; если подобная болѣзнь появилась въ стадѣ, то она захватываетъ не мало головъ скота, но средствъ противъ нея инородцы не знаютъ и только стараются тогда избѣгать сырыхъ мѣстъ и почаще перегонять оленей съ мѣста на мѣсто; мясо и шкура не бросаются, а идутъ въ дѣло; болѣзнь встрѣчается въ продолженіе всего года, но особенно весною и осенью и въ этомъ отношеніи сходна съ болѣзною глазъ, которая точно также бываетъ въ теченіи всего года; при этой болѣзни олени слѣпнутъ, а иногда глаза вполнѣ вытягиваются и лопаются; въ первомъ случаѣ больные иногда живутъ по нѣскольکو лѣтъ и на нихъ инородцы даже ѣздятъ, а во второмъ ихъ убиваютъ и убытка большаго при этомъ не получаютъ, такъ какъ и мясо, и шкура идутъ въ употребленіе, средствъ противъ этой болѣзни не знаютъ, за исключеніемъ частаго, по мѣрѣ возможности, окачиванія головы холодной водой. Если олень въ дорогѣ отъ быстрой ѣзды захромаетъ, то ему изъ ногъ пус-

каютъ кровь; если натреть сброей, то мажутъ медвѣжьимъ саломъ или рыбьимъ жиромъ съ солью; олень лижетъ соль и зализываетъ рану.

Кромѣ упомянутыхъ болѣзней причиной повальной гибели оленьихъ стадъ служатъ иногда холодныя весны, сильныя вьюги, глубокіе снѣга, крѣпкій настъ, т. е. причины, которыя затрудняютъ доставаніе питательнаго матеріала и противъ которыхъ оленеводъ рѣшительно подѣлать ничего не можетъ, развѣ только перегнать стада поближе къ Ледовитому морю и подальше на востокъ, гдѣ вообще снѣга гораздо меньше.

Новорожденный олень до мѣсяца носить названіе пыжика—*назыхъ*, до году пѣшки, причемъ шкурка пѣшки до начала августа называется *нѣпму*, съ начала августа до сентября—маличнымъ неплюемъ, съ октября—постельнымъ неплюемъ; отъ года до двухъ—*сурди харъ* (быкъ) и *сурди* (корова или какъ говорятъ, важенка), старше двухъ лѣтъ быкъ называется *хонтъ*, если онъ выложенъ, и если нѣтъ, то просто *харъ*, важенка—*нэ сали*, быкъ выѣзженный зовется—*суннынъгъ сали*, а выѣзжанная важенка—*суннынъгъ нэ сали*.

Ввиду того, что оленьи стада иногда вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ поручаются постороннему человѣку, которому они сдаются на счетъ и отъ котораго такимъ же образомъ принимаются, существуетъ довольно остроумный способъ взаимной провѣрки довѣрителя и получателя: на гладкой длинной узкой дощечкѣ отмѣчается поперечными полосками, крестами, кружками число оленей, различнаго пола и возраста и потомъ эта дощечка разрѣзается вдоль на двѣ равныя части такъ, чтобы каждая изъ нихъ имѣла одинаковые знаки; при провѣркѣ эти части складываются и подлога тутъ быть не можетъ; если знаки сходятся, то вѣрно; если нѣтъ, то это указываетъ на то, что чья-нибудь половина сдѣлана впослѣдствіи; такимъ же образомъ поступаютъ и при долгахъ, причемъ если немного уплачивается, то обѣ половинки дощечки складываются и соотвѣтствующая уплатѣ часть отрѣзается. Главная причина порученія оленей постороннему человѣку заключается въ томъ, что хозяинъ ихъ по какимъ-нибудь причинамъ не можетъ идти со своимъ стадомъ на горы или къ

морю—по болѣзни-ли, или почему-либо другому; часто также имѣющіе мало оленей находятъ выгоднѣе для себя поручать ихъ какому-нибудь истому оленеводу, а самимъ заниматься рыбной ловлей и звѣриной охотой. Условія, на которыхъ происходитъ эта временная передача оленей, бываютъ различны, но обыкновенно взявшій ихъ на себя имѣетъ право пользоваться половиной приплода и мясомъ убитыхъ, но послѣднее только въ томъ случаѣ, если ему было поручено хозяиномъ привести и шкуры, а не пригнать живьемъ; иногда расцѣнка идетъ на деньги и тогда за каждого оленя платятъ 20 — 30 копѣекъ, но этотъ способъ практикуется рѣже.

При ходьбѣ на дальнее разстояніе, а также при отправленіи на охоту инородцы, особенно Маньзи, подвѣшиваютъ себѣ на спину подобно ранцу особый берестяной щитъ—*нынъ*, длиною до аршина, къ которому посредствомъ ремней и веревокъ прикрѣпляютъ необходимые въ дорогѣ припасы и разныя принадлежности; при такомъ способѣ переноски тяжестей, руки остаются свободными и не такъ быстро чувствуется усталость—при ношѣ, вѣсомъ до трехъ пудовъ, инородецъ въ сутки свободно проходитъ до 35 — 40 верстъ при плохой неровной дорогѣ.

Матеріаломъ для ремней и веревокъ, употребляемыхъ въ домашнемъ быту, служатъ не только шкуры оленей и ихъ жилы, но также и шкуры моржей, морскихъ зайцевъ, кора различныхъ деревьевъ, преимущественно тальника, и т. д.; вещи изъ этого матерьяла приготовляются самими инородцами, равно какъ и другіе предметы изъ домашняго быта, только, какъ уже было сказано—желѣзные произведенія: топоры, ножи, пилы, долота, всевозможные скребки, котлы, чайники покупаются ими у русскихъ и зырянъ и или передѣлываются по своему, или входятъ въ употребленіе безъ измѣненія; берестяныя вещи — чашки, ведра, коробки низкія и высокія, ковшики, табакерки, воронки, спичечницы, люльки и т. д., вещи деревянные—блюда, ложки все дѣлается самостоятельно и нерѣдко поражаетъ тѣмъ разнообразіемъ рисунковъ, которое часто замѣчается на издѣліяхъ; трудно найти какую-нибудь берестяную вещь, чтобы она не была покрыта узоромъ, состоящимъ почти всегда изъ прямыхъ линій пересѣкающихся

въ различныхъ направленіяхъ другъ со другомъ; линіи округленныя встрѣчаются очень рѣдко; узоры эти обыкновенно дѣлаются при помощи простаго ножа: вещь, которую хотятъ покрыть узорами, мочатъ предварительно водой, затѣмъ безъ всякихъ чертежей прямо приступаютъ къ соскабливанію и при этомъ рисунки выходятъ совершенно правильными; мѣста соскобленныя болѣе свѣтлыя, чѣмъ остальные, иногда красятся нѣрпомъ и такимъ образомъ еще болѣе выдаются; кромѣ того прежде, теперь рѣдко, узоры на берестѣ не вычищались, а выбивались при посредствѣ костей съ вырѣзанными на нихъ рисунками, преимущественно круглой формы съ помѣщенными внутри ихъ крестами и другими фигурами, образованными изъ прямыхъ линій; на деревянныхъ издѣліяхъ и на костяныхъ узоры встрѣчаются рѣдко, что зависитъ, конечно, отъ большей трудности ихъ производства, чаще всего на нихъ встрѣчаются знаки собственности—*тамги* и иногда рельефныя фигурки, изображающія только птицъ, какъ, по крайней мѣрѣ, приходилось видѣть мнѣ. Корни кедра, вѣтви черемухи и тальника служатъ, помимо приготовленія рыболовныхъ снастей, также и для дѣланія особыхъ корзинокъ, въ высшей степени прочныхъ, и для плетенія ковровъ, которыми иногда покрываются разные припасы и которые чаще всего замѣняютъ наши салфетки и столики, особенно зимою при ѣдѣ мерзлой рыбы и оленины; эти же коврики служатъ иногда и мѣстомъ для ползанія дѣтей, которыхъ инородцы въ высшей степени любятъ и которыхъ стараются окружать со дня рожденія всѣми возможными въ ихъ положеніи удобствами, что особенно рельефно выдается въ устройствѣ ихъ люлекъ. Эти люльки довольно разнообразны по внѣшности, но онѣ всѣ имѣютъ своей задачей доставить наибольшія удобства, ребенку; матеріаломъ для нихъ обыкновенно служитъ береста или тонкія деревянныя дощечки, которыя сшиваются другъ съ другомъ или оленьими жилами, разъ это береста, или кедровыми корнями, разъ это дерево. Люльки бываютъ денныя и ночныя; первыя дѣлаются такимъ образомъ чтобы ребенокъ находился въ сидячемъ положеніи, почему люлька представляетъ изъ себя ящикъ съ прямой спинкой, къ которой онъ и при-

слоняется; такое устройство имѣетъ то удобство, что при ходьбѣ, при путешествіяхъ вообще пѣшкомъ, люльку подобнаго рода легко можно привязать къ спинѣ и ребенокъ остается спокойнымъ, мало того легкое покачиваніе, производимое всегда при ходьбѣ, усыпляетъ его и онъ, не стѣсняя матери, чувствуетъ себя прекрасно и бываетъ большею частью совершенно доволенъ; колыбель ночная дѣлается ввидѣ ящика, ровнаго по всей своей длинѣ и въ которой единственно возможное положеніе лежащее; такой ящикъ ставится на ночь обыкновенно около матери, которая при малѣйшемъ крикѣ ребенка, кормитъ его и успокоиваетъ.

Кромѣ этихъ берестяныхъ люлекъ употребляются иногда, но гораздо рѣже, люльки деревянные которыя по своей формѣ очень напоминаютъ наши зыбки и заимствованы отъ зырянъ: одна изъ нихъ—чумовая—овальной формы, носить названіе самоѣдской, а другая, болѣе встрѣчаемая у осѣдлыхъ инородцевъ—четыреугольная съ двумя обручами сверху для подвѣшиванія заавѣски въ защиту отъ комаровъ и мушкары и называется зырянской. Внутри всякой люльки находится прежде всего небольшой берестяной ящикъ—*няурамъ хуйнэ санъ*, въ которой кладется гнилое дерево *няурамъ хуйнэ санъ*, оленій волосъ, преимущественно съ шеи животнаго, гдѣ онъ наиболѣе длинный, *няурамъ хуйнэ тулахъ* или *сали тоуль пунъ*, одѣяло—теплое зимою и холодное лѣтомъ—*няурнмъ хуйнэ лэньвъ*, подушка—*осма хурыхъ*; затѣмъ сверху все покрывается чѣмъ-то вродѣ втораго одѣяла, подшитаго обыкновенно шкурой *назыхъ* или *нѣплю* и все затягивается снаружи ремнями, которые протягиваются чрезъ петли *няурамъ хаснэ куалыхъ*, расположенныя по обѣ стороны люльки, снизу прикрѣпляется еще ремень, *аба новитанъ куалыхъ*, за который качаютъ. Если ребенокъ мальчикъ, то на *реніс* накладывается небольшая берестяная пластинка—*сасъ нетмилъ сасъ* во избѣжаніе сырости, такъ какъ благодаря ей влага стекаетъ къ концу люльки, гдѣ гнилое дерево быстро ее впитываетъ; второе отличіе люльки мальчика отъ люльки дѣвочки заключается въ томъ, что въ спинкѣ дневной колыбели дѣлается или изъ ремней, или выскабливается на берестѣ крестъ, разъ это мальчикъ,—и поперечная полоса, если это

дѣвочка. Люлька часто подвѣшивается посредствомъ веревки—*нонхъ тахытенъ куалыхъ* къ дереву, къ потолку, и т. д.

Еще ребенокъ въ люлкѣ, а ужъ его стараются занять разными игрушками, которыя сперва дѣлаются матерью или даже отцомъ, который этого не стѣсняется и который вообще нянчится съ ребенкомъ не меньше женщины, а потомъ онъ самъ начинаетъ себѣ дѣлать то, что ему наиболѣе нравится. Игрушки являются полнымъ подражаніемъ или самимъ инородцамъ, или ихъ обстановкѣ: мужчины, женщины, дѣвушки въ полномъ костюмѣ, дѣти въ люлькахъ, отдѣльныя части одежды, лодки, сани, блюда, ложки, и т. д.,— все можно найти среди игрушекъ, приготовляемыхъ изъ шкурокъ, глины, черного хлѣба и дерева; по мѣрѣ того, какъ дѣти растутъ—мѣняются и игрушки—у мальчиковъ заводится лукъ со стрѣлами, у дѣвочекъ—игла съ ниткой и отъ дѣтскихъ забавъ постепенно переходятъ къ тѣмъ занятіямъ, которыя даютъ средства къ жизни взрослымъ и которыхъ лишены обыкновенно престарѣлые.

Въ привезенной коллекціи имѣются слѣдующіе предметы, относящіеся къ принадлежностямъ домашней обстановки:

1. Модель зимняго помѣщенія инородцевъ не оленеводовъ.
2. Модель самоѣдской нарты—*өрнъ сунъ* *), употребляемой для собственныхъ переездовъ, тогда какъ
3. *Курамъ сунъ* имѣетъ главною задачей перевозку товаровъ; отъ *өрнъ сунъ* отличается большею величиною, отсутствіемъ возвышеннаго задка и передка, менѣе загнутыми полозьями и нѣсколько инымъ устройствомъ копыльевъ, которыхъ обыкновенно здѣсь бываетъ только три пары, тогда какъ у самоѣдской четыре, расположенныхъ весьма близко другъ къ другу; кромѣ того къ передней парѣ прикрѣпляется ободокъ, изогнутый дугой, который ихъ дѣлаетъ гораздо устойчивѣе.
4. Упряжь на тройку оленей; всѣ принадлежности сдѣланы изъ оленьихъ костей и ремней **).

*) Полозья—*сунъ патта*, копылья—*сунъ ляль*, шатины (бруски, идущіе сверху параллельно полозьямъ) *сунъ сатъ*.

**) Крайній олень справа называется *оуль сали*, средній—*котль сали*, крайній слѣва—*саръ сали*; ремень, надѣваемый на шею—*вахланъ*, на грудь—*сомъ куалыхъ*, ремень съ мелкими принадлежностями, надѣваемый на голову крайняго оленя спра-

5. Вожжа—*ноль куалыхъ* со своими двумя косточками—одной нѣсколько изогнутой, другой прямой, благодаря которымъ она прикрѣпляется къ корню роговъ; кости эти покрыты рѣзными узорами.

6. Деревянное кольцо съ рогулькой—*сали сынъ ивѣ*, надевается на шею буйнаго оленя, чтобы онъ далеко не отбѣжалъ отъ мѣста ночевки; самое кольцо называется—*сынъ ивѣ лянъ*.

7. Арканъ—*тынзянъ*, употребляется для ловли оленей, какъ дикихъ, такъ и домашнихъ; хорошій цѣнится не дешевле пяти рублей; потому что даже не всякій оленеводъ сумѣетъ его хорошо сплести; дѣлается изъ ремней, вырѣзанныхъ изъ оленьей шкуры.

8. Желѣзный наконечникъ на шесть, употребляемый при ѣздѣ на оленяхъ.

9. Пила—*сартнэ кэрѣ* для пилки роговъ, покупается у зырянъ за 80 к.—1 р., ручка дѣлается самими инородцами.

10. Топоръ—*сахранъ*, оттачивается съ одной стороны, топориче—*изъ халь ивѣ* дѣлается очень длинно и обыкновенно изъ березы; топоръ составляетъ обыкновенную принадлежность и мужчины, и женщины, разъ они отправляются въ дорогу; употребляется для рубки дровъ, что всегда между прочимъ дѣлается женщинами, для приготовленія досокъ, для построекъ, и т. д.; покупается за 1—3 р.

11. Долото—*толатъ* для прорубанія дырѣвъ при разныхъ постройкахъ; покупается за 80 к.—1 р.

12. Сверло толстое—*озынъ пазхъ ланъ*, главнымъ образомъ, употребляется при дѣланіи нартъ; желѣзная часть его покупается за 40—60 к.

13. Коса—*пумъ сѣхрынъ кэрѣ*, встрѣчается у инородцевъ, живущихъ въ мѣстахъ болѣе южныхъ, гдѣ существуетъ изрѣдка рогатый скотъ; желѣзная часть пріобрѣтается за 1 р. —

ва -- оуль сали палъ куалыхъ, средняго—котль сали палъ куалыхъ и крайняго слѣва—сартъ сали палъ куалыхъ; вожжа—ноль куалыхъ, пряжка, чрезъ которую проходитъ вожжа—халь саливъ; изогнутая и прямая кость, которая находится на вожжѣ—сартъ сали сява; ремни, идущіе отъ оленей къ нартѣ—лянъ куалыхъ; поперечный ремень у передка нартѣ—хурумъ лонхъ сали, костяныя пряжки на немъ—лонхъ сали; ремешки, которыми—лянъ куалыхъ привязываются къ хурумъ лонхъ сали—лонхъ сали куалыхъ.

1 р. 50 к., а ручка—*налэ* дѣлается самими; подобной косой инородцы дѣлаютъ на зиму запасы сѣна, причемъ его собираютъ не вполнѣ сухое и помѣщаютъ на особыхъ деревянныхъ переплетахъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ земли во избѣжаніе подмочки; на этихъ деревянныхъ приспособленіяхъ сѣно окончательно провѣтривается и бываетъ большею частью довольно хорошо; такой способъ сохраненія сѣна встрѣчается и у Сибирскихъ татаръ, а также и у русскихъ, живущихъ въ болотистыхъ мѣстахъ.

14. Зырянская вилка для выниманія мяса; употребляется теперь и инородцами; цѣнность ея доходить до 30—50 к.

15. Чайникъ—*сай пумэ*, покупается за 1—2 р., составляетъ въ настоящее время почти необходимую принадлежность каждому инородцу, которые вообще до того привыкли къ чаю, что съ трудомъ обходятся безъ него.

16—17. Два берестяныхъ ведра для воды—*витэ витэ*, покрыты узорами и имѣютъ ручки, сдѣланныя изъ оленьяго рога, причемъ одна изъ нихъ украшена сверху рѣзной фигурой какой-то птицы.

18. Ковшъ для воды—*сасэ умпи*, изъ бересты съ деревянной ручкой; покрытъ какъ снаружи, такъ и внутри разнообразными узорами.

19—20. Два высокихъ берестяныхъ коробка съ крышкой прикрѣпленной на ремняхъ—*алан'гэ ханзан'гэ санэ*; покрыты узорами; употребляются преимущественно для храненія жидкихъ веществъ—водки, рыбьяго жиру, и т. д.

21—22. Два низкихъ разукрашенныхъ узорами берестяныхъ коробка съ крышками—*алан'гэ ханзан'гэ санэ*, употребляются, главнымъ образомъ, для храненія сыпучихъ веществъ.

23—24. Двѣ низкихъ берестяныхъ съ узорами коробки безъ крышекъ—*ханзангэ санэ*, употребляются для временнаго храненія разныхъ жидкихъ и сыпучихъ веществъ и для постояннаго предметовъ, неподверженныхъ порчѣ.

25. Мыльница изъ бересты съ крышкой и съ узорами—*ханзан'гэ мойдакэ санэ* для сохраненія мыла, которое въ послѣднее время стало входить въ большое употребленіе между инородцами, но оно служитъ, главнымъ образомъ, не для умы-

рѣчь и мытья, а при разныхъ болѣзняхъ, преимущественно, глазныхъ, при которыхъ имъ натираютъ больныя части; результаты этого лѣченія не всегда бываютъ утѣшительны, такъ какъ грязное мыло самаго плохаго качества, продаваемое однако по 50—60 к. за фунтъ, иногда только еще хуже раздражаетъ глаза и ведетъ къ большому воспалительному состоянію.

26. Берестяная воронка—*сасъ воронка*, сшитая корнями и палочками; стала употребляться въ послѣднее время, когда появились въ обращеніи стеклянныя бутылки.

27—32. Четыре берестяныхъ табакерки, одна деревянная и одна костяная, сдѣланная изъ оленьяго рога—*саръ анъ сунъ*; всѣ табакерки имѣютъ разнообразную форму—круглую, овальную, высокую, низкую и покрыты узорами, причемъ на берестяныхъ узоры выскоблены, а на деревянной и костяной вырѣзаны; одна изъ берестяныхъ имѣетъ красную подкладку подъ узорами, а другая состоитъ изъ цѣлаго ряда набитыхъ на ободокъ берестяныхъ полосокъ, вырѣзанныхъ зубцами, отчего имѣетъ рельефныя украшенія. Табакъ очень распространенъ между инородцами, какъ среди мужчинъ, такъ и женщинъ, причемъ гораздо чаще встрѣчаются нюхающіе, чѣмъ курящіе; кромѣ того большинство мужчинъ и женщинъ изъ маньзовъ, особенно подъ старость, кладутъ себѣ за нижнюю губу щепотки нюхательнаго табаку, закрываютъ его сверху вотлепомъ и такъ ходятъ въ продолженіе всего дня, за исключеніемъ времени ѣды, когда его выплевываютъ, отъ этого происходитъ обильное выдѣленіе слюны, сильная краснота нижней губы, ея отвислость и общій непріятный видъ; инородцы низовые, особенно самоѣды, предпочитаютъ курить, причемъ дѣлаютъ себѣ небольшія трубки изъ моржоваго клыка; инородцы верховые, когда курятъ, то пользуются трубками глиняными, получаемыми отъ русскихъ и зырянъ за 12—25 к. штука; фунтъ табаку доходитъ до 50—80 к. Нюхательный табакъ инородцы дѣлаютъ сами, растирая листовой и потомъ просѣивая чрезъ какую-нибудь холстинку или нарочно покупаемую волосянную сѣтку.

33. Сѣялка для нюхательнаго табаку—*саръ элакъ*, ободокъ—сдѣланъ изъ бересты, а сѣтка изъ волоса.

34. Кисеть для табаку—*сарз хурыхз*, сдѣланъ изъ ланной лосинной и налимьей кожи и сверху затянутъ веревкой изъ оленьихъ жилъ.

35—37. Отрѣзки костей съ вырѣзанными на нихъ узорами для выбиванія ихъ по берестѣ—*туисз ханснэ анытз*; въ настоящее время употребляются довольно рѣдко, но прежде были очень распространены; встрѣчаются иногда при раскопкахъ древнихъ могилъ.

38—39. Два деревянныхъ блюда—*ани*; употребляются при ѣдѣ рыбы и мяса, причемъ обыкновенно и то, и другое кладется по бокамъ, а въ серединѣ наливается или уха, или мясной наваръ; блюда дѣлаются преимущественно изъ сосны и ели.

40—43. Деревянные ложки—*тай*, различной величины, причемъ одна имѣетъ наверху рѣзное изображеніе какой-то птицы; большія ложки служатъ для растиранія тѣста, для размѣшиванія въ котлѣ, а маленькія для ѣды, причемъ, надо замѣтить, что все не жидкое употребляется въ пищу при помощи рукъ.

44. Ложка изъ лосиннаго рога—*нялы*; подобныя ложки дѣлаются рѣже деревянныхъ и представляютъ извѣстнаго рода щегольство, такъ какъ вырѣзка изъ рога тонкой вещи—дѣло въ высшей степени затруднительное и не всѣ рискуютъ за это браться.

45. Зырянская ложка—*саранз тай*, вполне подобная нашей русской, покрытой олифой; очень любимы инородцами и теперь въ большомъ употребленіи.

46—47. Два инструмента—*сѳурпз*, употребляемые при дѣланіи блюдъ и ложекъ; приготавливаются обыкновенно самими инородцами изъ старыхъ испорченныхъ ножей.

48. Спичечница—*Манъзи сѳрянъ хузанз*, приготавливается преимущественно изъ оленьихъ и лосинныхъ роговъ, рѣдко изъ бересты; покрыта рѣзными узорами.

49. Низкая чашка вродѣ блюда, сплетенная изъ кедровыхъ корней—*тарз ани*; употребляется иногда какъ форма для лепешекъ, а главнымъ образомъ, какъ блюдо при угощеніи почетныхъ гостей.

50. Корзина съ крышкой, сплетенная изъ кедровыхъ корней—*тарз санз*; употребляется для храненія разныхъ домашнихъ принадлежностей, особенно подверженныхъ порчѣ.

51. Наструганное дерево—вотлень—*тыпз ивз оссы*, дѣлается, преимущественно, лѣтомъ изъ тальника, зимою изъ сосны, рѣдко изъ березы, такъ какъ въ холода тальникъ крошится; составляетъ необходимую принадлежность каждаго хозяйства и имѣетъ самое разнообразное приложеніе—употребляется женщинами въ періодъ менструацій, охотниками въ качествѣ пыжа, при ѣдѣ вмѣсто салфетокъ, кладется за губу вмѣстѣ съ нюхательнымъ табакомъ, и т. д.; вообще онъ сопровождаетъ всегда и вездѣ инородца какъ мужчину, такъ и женщину; заготавливается часто съ осени на всю зиму; обыкновенно сукъ не очень стараго дерева, очищенный предваритель-но отъ коры, начинаютъ скоблить острымъ ножомъ, поставленнымъ совершенно перпендикулярно къ дереву, подрѣзаютъ стружки неполнѣ и онѣ остаются поэтому съ одного конца прикрѣпленными.

52—53. Два мѣшка для храненія муки—*сыз соу хуръхз*, одинъ большой, другой малый; сдѣланы изъ рыбьей кожи, предварительно очищенной отъ чешуи и выкрашенной нѣрпомъ; бока изъ кожи налима, а дно изъ кожи тальменя; прежде рыбья кожа была въ большемъ распространеніи сравнительно съ настоящимъ, но и теперь мѣшки, предназначенные, главнымъ образомъ, для храненія разныхъ припасовъ дѣлаются преимущественно изъ выдѣланной кожи рыбъ, причемъ обыкновенно берется кожа налима, тальменя и щуки, послѣдняя рѣже; выдѣлка заключается въ томъ, что кожу очищаютъ отъ чешуи, мнутъ ее съ мукой и жиромъ, затѣмъ провѣшиваютъ и большею частью окрашиваютъ въ красный цвѣтъ; мѣшки, сдѣланные такимъ образомъ, въ высшей степени прочны и даже переходятъ по наслѣдству.

54. Кожа тальменя—*алынз соу*, содранная, но не выдѣланная; прежде употреблялась также на ряду съ кожей налима и щуки вмѣсто стеколъ, но теперь это оставляется ввиду сравнительной легкости полученія стекла и большаго удобства; не смотря на это во всякомъ почти хозяйствѣ всегда

найдется одна—двѣ подобныхъ кожи, припасенныя на всякій случай.

55. Коверъ—*санта*, сплетенный изъ болотной травы; инородцы дѣлаютъ эти ковры съ различнымъ назначеніемъ и употребляютъ ихъ то при ѣдѣ вмѣсто салфетокъ, то при снаньѣ вмѣсто постелей; обыкновенно ковры плетутся такимъ образомъ, чтобы трава была двуцвѣтная и чтобы изъ этого сочетанія цвѣтовъ выходили разные узоры; темный цвѣтъ травѣ придаютъ, выдерживая ее нѣкоторое время въ водѣ, отъ чего она только темнѣетъ, но не портится.

56. Болотная трава—*санта пумз*, которую инородцы употребляютъ для плетенія вышеуказанныхъ ковровъ.

57. Ремень изъ шкуры моржа, употребляется преимущественно на оленью упряжь, хотя иногда идетъ на другую какую-нибудь потребность, гдѣ необходима вообще крѣпость. Шкура отъ стараго моржа бываетъ такъ толста, что ее нѣкоторые разрѣзаютъ по толщинѣ на двѣ части, но это дѣлаютъ рѣдко, такъ какъ ремень, отрѣзанный съ нижней поверхности шкуры, очень непроченъ—скоро рвется, а качество верхняго отъ этого ухудшается; продается на Обдорской ярмаркѣ по 30—50 к. за сажень.

58. Ремень изъ шкуры морскаго зайца; употребленіе такое же, какъ и ремня изъ шкуры моржа; прежде на Обдорскую ярмарку привозился только зырянами и продавался по 70 к.—1 р. за сажень, теперь привозятъ и низовые самоѣды, которые спустили цѣну до 30—50 копѣекъ.

59. Веревка изъ оленьихъ жилъ, идетъ на разныя потребности въ хозяйствѣ; цѣнится до 30 к. за сажень.

60. Веревка изъ мочалы, довольно часто употребляется въ хозяйствѣ, особенно при рыбной ловлѣ.

61. Веревка изъ тальниковой коры — *Манъзи куалыхъ* или *Манъзи салтъ ивз*; дѣлается преимущественно Манъзами и употребляется весьма часто въ хозяйствѣ, особенно при рыбной ловлѣ; новая — бѣловатая, но затѣмъ отъ воды темнѣетъ, даже нерѣдко дѣлается совершенно черной.

62. Счетоводная дощечка—бирки—*сѳрхилынз ивз*; въ настоя-

щее время и русскіе торговцы въ своихъ сношеніяхъ съ инородцами стали прибѣгать къ помощи этихъ бироковъ.

63. *Сорхилынъ* изъ съ сосчитаннымъ въ одномъ стадѣ оленями живыми и павшими; десятки отмѣчены крестами.

64. Берестяной щитъ — *нынъ*, употребляемый преимущественно Маньзами при переноскѣ тяжестей на большія разстоянія.

65. Деревянный флюгеръ — *вудуй*, заимствованный у Зырянъ и употребляемый иногда инородцами, живущими по среднему теченію Оби и по ея притокамъ для опредѣленія направленія вѣтра передъ уходомъ на рыбную или птичью ловлю.

66. Денная колыбель для мальчика — *пырысь хоталъ аба*, изъ бересты; въ нее кладется небольшой берестяной-же ящикъ съ гнилымъ деревомъ, волосомъ и другими принадлежностями, про которыя говорилось раньше.

67. Ночная колыбель изъ бересты — *эти аба* со всѣми раньше описанными принадлежностями.

68. Самоѣдская деревянная люлька — *Яракъ потанъ*, употребляется преимущественно Самоѣдами и Зырянами; въ ней также находится небольшой берестяной ящикъ — *дозъ* (названія здѣсь зырянскія), съ гнилымъ деревомъ — *посова*, и съ оленьимъ волосомъ — *лимбика*; сверху колыбель покрывается одѣяломъ — *потанъ дыра* или теплымъ — зимою, или холоднымъ — лѣтомъ; съ боковъ прикрѣпляются ремни — одни для завязыванія ребенка, а другіе для подвѣшиванія люльки; сверху нерѣдко въ лѣтнее время находится одинъ или два обруча, на которые накидывается покрывало для защиты ребенка отъ комаровъ и мушкаръ; такое-же внутреннее устройство имѣетъ и

69. Зырянская деревянная люлька — *росъ потанъ* (по зырянски), употребляемая исключительно въ домахъ и иногда, но рѣдко, встрѣчаемая у сосѣднихъ инородцевъ.

70—85. Куклы — *аганъ*, изображающія инородцевъ въ различныхъ костюмахъ и разныя домашнія принадлежности; сдѣланы изъ шкурокъ и украшены бисеромъ и бусами.

86—115. Куклы, заимствованныя отъ зырянъ — *Саранъ аганъ*; изображаютъ людей и разныя домашнія принадлежно-

сти; сдѣланы изъ глины, дерева и чернаго хлѣба; куклы эти вообще приготовляются довольно искусно и вѣрно передаютъ многія черты изъ жизни и обстановки инородцевъ; къ сожалѣнію, ихъ пріобрѣтеніе иногда соединено съ затрудненіями ввиду того, что дѣти очень не охотно съ ними расстаются и родители не рѣдко отказываются отъ сравнительно выгодной мѣны, не желая отнятіемъ игрушекъ причинить горе своимъ маленькимъ любимцамъ.

4. Пища, лекарства и краски.

Инородцы Сѣверо-Западной Сибири вполне заслуживаютъ свое названіе всеядныхъ и сыроядцевъ, потому что дѣйстви-тельно трудно указать что-нибудь такое, что не употреблялось-бы ими въ пищу и притомъ, въ большинствѣ случаевъ, въ сыромъ видѣ. Только животныя, имѣющія религіозное значеніе, и жи-вотныя нечистыя гарантированы отъ истребленія съ цѣлью ѣды; къ первымъ принадлежитъ *люли*—родъ небольшой гагары, и змѣя, а ко вторымъ—лягушка, ящерица и паукъ. *Люли* почитается потому, что она принимала участіе при твореніи земли: когда еще суши не было и когда вода покрывала все существую-щее, тогда Богъ велѣлъ ей нырнуть и захватить со дна ще-потку земли, она это сдѣлала и вынутая ею земля послужила началомъ твердаго пространства. Змѣю бить и ѣсть нельзя потому, что въ нее иногда входитъ Богъ; отчасти по такой же причинѣ нельзя ѣсть и нечистыхъ животныхъ—лягушку, ящерицу и паука—въ нихъ часто тоже входитъ, но только не Богъ, а дьяволъ—*мэнквэ*, который чрезъ нихъ можетъ взойти и въ человѣка; когда дьяволъ оставляетъ ящерицу, тогда у нея отваливается хвостъ, вотъ почему увидать отпаденіе этой ча-сти тѣла нехорошо и оно всегда предзнаменовываетъ смерть кого-нибудь изъ ближнихъ, — единственное средство освободиться отъ исполненія предзнаменованія—убить поскорѣе такую яще-рицу тѣмъ болѣе, что это къ тому-же и богоугодное дѣло: ящерица часто смотритъ на солнце съ раскрытымъ ртомъ, желая его проглотить; желаніе, внушаемое ей дьяволомъ и которое всякій долженъ уничтожать, такъ какъ солнце слу-жить мѣстопробываніемъ Бога. Если, при варкѣ пищи, въ котелъ попадаетъ какое-нибудь изъ вышеуказанныхъ нечис-тыхъ животныхъ, то содержимое его выливается и вываливается,

а самъ онъ тщательно моется и иногда даже окуривается. Также почти не ѣдятъ мясо соболя, горностая и собаки; падалъ въ пищу употребляютъ. Мясо рыбы, птицы, звѣря, какъ домашняго — оленя, такъ и дикаго — песца, лисицы, росомахи, даже волка, все идетъ въ пищу и все удовлетворяетъ громадный аппетитъ инородца, на отсутствіе котораго, кстати сказать, пожаловаться онъ не можетъ: до двадцати фунтовъ рыбы и мяса можетъ онъ съѣсть въ день и все-таки будетъ чувствовать себя не отягощеннымъ; правда — приходится испытывать ему иногда и обратное — ѣсть долгое время впроголодь, но онъ и на это обращаетъ не особенно большое вниманіе и только потуже затягиваетъ поясъ, да изрѣдка глотаешь маленькіе глиняные шарики. Поймаетъ-ли онъ рыбу, убьетъ-ли оленя, прежде всего онъ начинаетъ ѣсть сырое мясо, а потомъ уже приступаетъ къ истребленію варенаго, которое готовить ему жена, сестра или мать во время его предварительной трапезы. Зимой дѣло не рѣдко ограничивается только сыромяченіемъ и это имѣетъ свою причину — горячая пища согреваетъ и особенно полезна тогда, когда человѣкъ находится въ тепломъ помѣщеніи или только временно въ холодномъ, но если онъ впродолженіи двухъ — трехъ мѣсяцевъ сидитъ постоянно въ двухъ шубахъ при температурѣ нерѣдко ниже двадцати градусовъ мороза, тогда горячая пища, согревающая вначалѣ, влечетъ затѣмъ за собой простуду и расстройство желудка. У рыбы большой, употребляемой въ пищу въ сыромъ видѣ, самымъ вкуснымъ мѣстомъ считается брюшко — черевко, затѣмъ печень, сердце и жиръ, покрывающій внутренности; у оленя и у всякаго другаго млекопитающаго наиболѣе почитаются — печень, сердце, мозгъ и костяной жиръ, ради котораго они раздробляютъ очень искусно длинныя кости; сырое мясо ѣдятъ длинными полосами, вырѣзанными ввидѣ ремней, причемъ замѣчательно ловко отрѣзаютъ у себя подъ носомъ куски отъ забранной въ ротъ полосы; при ѣдѣ мяса существенную роль играетъ кровь, въ которую они обмакиваютъ куски и которую часто пьютъ цѣлыми ковшами; любовь къ крови заставляетъ сохранять ее и поэтому, при убиваніи оленей, всегда стараются, чтобы ни одна ея капля не пролилась

и затѣмъ чтобы она не испортилась; съ этою цѣлью оленей большею частью убиваютъ ударомъ обуха топора по головѣ позади роговъ и затѣмъ бьютъ ножомъ въ сердце такъ, чтобы вся кровь стекла во внутрь; во время же жертвоприношеній и похоронъ оленей даже давятъ, затѣмъ для немедленнаго употребленія кровь собираютъ въ берестяныя ведра и деревянные блюда, а въ прокъ сохраняютъ въ вымытыхъ оленьихъ же желудкахъ, крѣпко завязанныхъ, при чемъ въ такомъ видѣ кровь можетъ сохраняться до 10—14 дней. Пища преимущественно готовится женщинами, а мужчинами только тогда, когда они принуждены силой обстоятельствъ приняться за это женское дѣло, напр., на охотѣ, въ дорогѣ, при чемъ нельзя сказать, чтобы пища, ими сдѣланная, было-бы хуже приготовленной женщинами, ужъ очень просто ея приготовленіе: непотрошенную рыбу, если она мелкая, и потрошенную, если она крупная, но въ большинствѣ случаевъ все таки не чищенную, покрайней мѣрѣ щуку, окуня, часто даже сырка и нельму, кладутъ, плохо промывши, въ котелъ, наливаютъ водой, прибавляютъ, если есть, соли, муки, лѣтомъ и осенью нѣкоторые даже брусники и варятъ до тѣхъ поръ, пока все вполне не уварится, что бываетъ обыкновенно тогда, когда вода почти вся выкипитъ и только тонкимъ слоемъ покрываетъ рыбу; также поступаютъ и при варкѣ мяса; затѣмъ выкладываютъ большими деревянными ложками на такія же блюда (мясо иногда зырянскими вилками) и приступаютъ къ ѣдѣ, помакивая куски въ бульонъ, а если есть, то въ рыбій жиръ, или въ растопленное оленье сало; мужчины ѣдятъ раньше, затѣмъ женщины и послѣ всѣхъ собаки; только тогда, когда никого нѣтъ постороннихъ, когда всѣ болѣе или менѣе равны по возрасту и по положенію, когда семья не очень большая, тогда ѣдятъ всѣ одновременно, хотя большею частью все-таки мужчины изъ одного блюда, женщины изъ другаго; дѣти также располагаются по поламъ—мальчики съ отцомъ, дѣвочки съ матерью; тотъ же самый порядокъ наблюдается и при ѣдѣ сыр्या. Обглоданныя кости какъ рыбы, такъ и олени, или даются собакамъ, или сохраняются на будущее время отчасти для нихъ-же, отчасти для себя: когда припасы убавляются,

когда новыхъ продуктовъ не получается, тогда на сцену появляются эти кости и варятся вторично, если оленьи, и сохраняются на третій разъ, если лосиные, причемъ подсыпается мука; получается похлебка, извѣстная подъ названіемъ *лувынъ коласъ*; если муки много, то тогда изъ нея готовится нѣчто вродѣ киселя, въ которой все таки прибавляютъ мяса и особенно часто брусники; жарить почти не умѣютъ, да и посуды необходимой для этого нѣтъ—на все идетъ котелъ да чайникъ, причемъ даже послѣдній не рѣдко замѣняется первымъ; чай быстро распространяется между инородцами, исключительно—кирпичный, причемъ его кладутъ въ чайникъ или котелъ тогда, когда вода уже закипитъ и не смотря на это еще заставляютъ его париться минутъ 10—20; иногда, если чай завариваютъ въ котлѣ, то въ него прибавляютъ муки и ягодъ, даже, что нѣсколько разъ мнѣ приходилось видѣть, крови и соли. По Оби, въ мѣстахъ болѣе обрусѣлыхъ, стали встрѣчаться самовары, имѣть который считается верхомъ блаженства. Когда свѣжаго мяса нѣтъ, тогда нерѣдко варятъ вяленое—какъ рыбу, такъ и оленину съ лосиной, особенно часто послѣднюю, которую приходится варить часа три — четыре, до того она крѣпка и даже, послѣ такой продолжительной варки непривычному человѣку не удастся съѣсть ни одного куска, иначе придется поплатиться зубами. Зелени, за исключеніемъ ягодъ, орѣховъ, въ пищу не употребляютъ, только грибъ-мухоморъ, да еще одна трава--*тысма* собираются, но, какъ мы увидимъ послѣ, со спеціальной цѣлью. Со времени ознакомленія съ русскими среди мѣстныхъ припасовъ стала играть значительную роль мука—въ настоящее время инородецъ рѣдко приступаетъ къ ѣдѣ безъ того, чтобы въ ея составъ не входила мука—онъ подсыпаетъ ее въ уху, въ похлебку, въ чай, дѣлаетъ саламату, приготовляетъ, наконецъ, изъ нея всевозможныя лепешки и хлѣбъ, для чего пользуется чуваломъ или костромъ; хлѣбъ печется ввидѣ длинныхъ и широкихъ полосъ на деревянныхъ доскахъ, причемъ, для скорѣйшаго приготовленія, въ немъ дѣлаются съ обѣихъ сторонъ слюнявыми пальцами небольшія углубленія, или же онъ просто засыпается въ горячую золу, но и при томъ, и при другомъ способѣ приготовленія хлѣбъ въ серединѣ большею ча-

стью бываетъ сырой, а сверху съ золой, къ тому же и мука, доставляемая русскими и зырянами, не можетъ похвалиться хорошими свойствами—въ ней всегда есть не малая примѣсь песку; лепешки нерѣдко варятся или жарятся въ топленномъ оленьемъ или другомъ салѣ, но это уже представляетъ извѣстнаго рода роскошь. Тѣсто обыкновенно замѣшивается на водѣ и хлѣбъ, испеченный изъ такого тѣста на доскѣ, называется *коласъ нянь*; такой же хлѣбъ, но только замѣшанный вмѣсто воды на крови, носить названіе *келмынъ нянь*; кромѣ того дѣлается еще: *путь паттатъ келмынъ нянь*—кровяной хлѣбъ, ввидѣ лепешекъ, поджаренный въ котлѣ на рыбьемъ или оленьемъ жиру; *путь паттатъ коласъ нянь*—обыкновенный хлѣбъ ввидѣ лепешекъ, поджаренный подобно предыдущему; *порынъ нянь* — икряной хлѣбъ, въ тѣсто котораго прибавляютъ большее количество икры щуки, язя, сырка и другихъ рыбъ и который пекутъ обыкновенно на доскѣ; къ этому надо еще присоединить лепешки, дѣлаемые изъ пшеничной муки, къ которой часто прибавляются мелко истолченные кедровые орѣхи, брусника, черемуха, причемъ изъ послѣдней нерѣдко дѣлаютъ еще спеціальныя лепешки, употребляемая, какъ лакомство. Полная зависимость отъ результатовъ охоты и рыбной ловли приучила инородца дѣлать запасъ на будущее время, причемъ эти запасы дѣлаются изъ мяса оленя, лося, но преимущественно изъ рыбы во всѣхъ ея видахъ. Мясо оленье и лосиное, главнымъ образомъ, вялится и коптится и лишь очень рѣдко солится; то же самое можно сказать и про рыбу, которая въ соленомъ видѣ мѣстными инородцами почти не употребляется а если и солится, то только на продажу. Въ прокъ идетъ преимущественно рыба мелкая, такъ какъ крупная почти вся продается, при этомъ рыбу рѣжутъ не одинаково, а различнымъ способомъ, смотря потому, какова она. При приготовленіи *нялкъ ѳхолъ* изъ сельги и *палынъ ѳхолъ* изъ чебака, рыбу рѣжутъ со спины вдоль хребта, какъ и всякую впрочемъ другую, вынимаютъ внутренности, не чистя снаружи, надѣвajúть рядами на палку и начинаютъ вялить, иногда коптятъ, иногда нѣтъ, когда великъ уловъ и нехватаетъ ни времени, ни мѣста (въ послѣднемъ случаѣ она немного горчитъ); подѣ

конецъ слегка на тѣхъ же палкахъ поджариваютъ надъ разложеннымъ костромъ и затѣмъ, какъ и всякую другую рыбу, приготовленную въ запасъ, складываютъ въ большія берестяныя ведра и плотно сверху завязываютъ; всякое подобное приготовленіе рыбы продолжается иногда, особенно въ дождливую погоду, не менѣе мѣсяца. Когда дѣлаютъ *сортз* — *охолз* т. е. изъ щуки, то ее, не чистя, разрѣзаютъ почти совсѣмъ вдоль отъ головы до хвоста, разгибаютъ на двѣ половины, дѣлаютъ внутри поперечные надрѣзы и только сушатъ, но не коптятъ; *хорз*, по мѣстному позѣмъ, если изъ муксуна, и юрюкъ или юрокъ, если изъ сырка и язя (изъ другихъ рыбъ рѣдко) представляетъ изъ себя ленты, срѣзанныя у рыбы съ боковъ и слегка подрѣзанныя съ внутренней стороны; при его приготовленіи кости подрѣзаютъ, но неполнѣ, и только тогда, когда рыба немного подсушится, ихъ вынимаютъ и берегаютъ отдѣльно вмѣстѣ съ головой; изъ нихъ, какъ и изъ оленьихъ костей, дѣлаютъ особую похлебку — *лувынз коласз*, куда ихъ кладутъ въ размельченномъ видѣ и затѣмъ засыпаютъ мукой; *хорз* не коптятъ, а только поджариваютъ; для продажи, а иногда и для собственнаго употребленія, еще вялятъ язей, причемъ имъ отрѣзаютъ головы, разрѣзаютъ особымъ образомъ сперва съ брѹха, а послѣ со спины, соединяютъ по два хвостами и такимъ образомъ пускаютъ въ продажу подъ названіемъ — *парва холз* у чебаковъ головъ обыкновенно не отрѣзаютъ, во всемъ-же остальномъ ихъ приготовленіе совершенно такое-же, какъ и язей, и полученная изъ чебаковъ рыба называется *самынз охѡлз*. Какъ всѣ сѣверные жители и мѣстные инородцы любятъ жирныя вещества и стараются, по мѣрѣ возможности, приготовить ихъ побольше въ запасъ, чтобы потомъ ими полакомиться. Сырой жиръ съ кишекъ звѣря, — *какырз вуой*, съ кишекъ рыбы — *сахз вуой*, сырой жиръ съ мяса звѣрей — *унзясз*, наконецъ, жиръ топлённый изъ рыбы и звѣря — *вуой*, все идетъ въ пищу и служить въ свою очередь матерьяломъ для приготовленія еще другихъ питательныхъ веществъ, изъ которыхъ нѣкоторыя готовятся слѣдующимъ образомъ: берутъ тонкія полоски, вырѣзанныя со спины и брѹшка нельмы, сырка и всякой другой жирной рыбы,

немного подвяливаютъ и затѣмъ опускаютъ въ горячій рыбій жиръ, полученный посредствомъ варки изъ рыбьихъ кишекъ; это кушанье носить названіе *сякз вуой*; затѣмъ другое—*сортз вуой* дѣлается изъ щучьихъ внутренностей, изъ которыхъ вываливается предварительно весь соръ, потомъ они рѣжутся, варятся, смѣшиваются съ небольшимъ количествомъ жира и употребляются въ пищу; *хорз сякз* получается тогда, когда въ кипящій рыбій жиръ опускаютъ *хорз*, приготовленный преимущественно изъ сырка; но самымъ любимымъ, самымъ лучшимъ блюдомъ считается *тозамз вуой*—варка, приготовляемая слѣдующимъ образомъ: рыбы кишки варятъ на самомъ медленномъ огнѣ, причемъ, какъ можно чаще мѣшаютъ; чрезъ нѣсколько времени сверху всплываетъ жиръ, который собираютъ, вливаютъ въ другой котелъ и смѣшиваютъ съ мелко изрѣзанной сваренной щукой, сельгой или другой какой-либо рыбой. Насколько это кушанье хорошо, можно судить изъ того, что желая про кого нибудь сказать, что онъ живетъ отлично, инородецъ говоритъ: онъ постоянно ѣстъ *тозамз вуой*; желая почтить своего гостя, хозяинъ всегда его угощаетъ этимъ блюдомъ и у всякой мало-мальски порядочной хозяйки всегда найдется нѣкоторое количество этого кушанья, приготовленнаго въ запасъ и хранимаго гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ.

Въ числѣ запасовъ, приготовляемыхъ на зиму, необходимо указать на черемуху, бруснику, сохраняемая или въ сухомъ видѣ, или ввидѣ лепешекъ, и на кедровые орѣхи. Прежде кедровыхъ орѣховъ получалось въ описываемой мѣстности гораздо больше, но съ лѣсными пожарами стали исчезать когда-то славные кедровники и теперь тѣ тысячи пудовъ орѣховъ, которые прежде отсюда вывозились, отходятъ въ область преданій; вмѣстѣ съ тѣмъ сильно поднялась и ихъ цѣнность — лѣтъ 20—30 тому назадъ пудъ орѣховъ стоилъ 70—80 копѣекъ, теперь 3 р.—3 р. 50 к. Когда шишки начинаютъ поспѣвать, а на это лучше всего указываетъ птица—кедровникъ—ронжа, истребляющая ихъ въ массѣ и преимущественно самыя лучшіе, тогда ихъ начинаютъ собирать, для чего взлѣзаютъ на дерево или по прислоненному какому-нибудь стволу, или по закинутой на вѣтви веревкѣ; чтобы лучше карабкаться, иногда къ

ногамъ прикрѣпляютъ желѣзные когти; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно тамъ, гдѣ вліяніе русскихъ поселенцевъ значительно, практикуется и другой способъ собиранія орѣховъ, болѣе простой и легкій — срубаютъ подъ корень дерево и все обираютъ; способъ этотъ безусловно воспрещенъ закономъ, такъ какъ рубить кедры нельзя, но тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ онъ пользуется большою распространенностью. Собранные шишки (съ одного дерева иногда собираютъ до 5—8 пудовъ орѣховъ) кладутъ въ нарочно вырытыя ямы, гдѣ онѣ мякнутъ, затѣмъ недѣли черезъ три—четыре ихъ вынимаютъ, начинаютъ разбивать особыми деревянными колотушками, очищаютъ отъ чешуи, поджариваютъ слегка въ котлахъ, вновь очищаютъ и орѣхи готовы на продажу; ихъ сохраняютъ, какъ и рыбу, въ берестяныхъ ведрахъ, а также въ мѣшкахъ изъ рыбьей кожи, при чемъ стараются предохранить ихъ отъ мышей, бурундуковъ и другихъ звѣрьковъ, которые не прочь попользоваться чужими запасами; впрочемъ въ этомъ отношеніи человѣкъ даетъ самъ плохой примѣръ — онъ часто ищетъ гнѣзда бѣлокъ и кедровниковъ, чтобы взять оттуда всѣ ихъ запасы, состоящіе, главнымъ образомъ, изъ орѣховъ; а до чего инородцы любятъ орѣхи можно видѣть изъ того, что однимъ изъ лучшихъ блюдъ считается желудокъ зимней бѣлки, когда она питается орѣхами; если ея пищу составляли исключительно орѣхи, то желудокъ у нея въ это время совершенно бѣлый; если-же вмѣстѣ съ орѣхами ѣла и грибы, то черный, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ напоминаетъ колбасу, особенно если его слегка поджарить, что обыкновенно и дѣлается.

До сладкаго инородцы большіе охотники — они могутъ легко сѣсть сразу фунтовъ до пяти сахару, при чемъ гораздо чаще его ѣдятъ отдѣльно, чѣмъ съ чаемъ; при всякой удачной продажѣ шкурокъ или рыбы они всегда покупаютъ его для себя и своей семьи, чтобы полакомиться лишній разъ. Кромѣ сахару, который любятъ преимущественно мягкій, они употребляютъ въ пищу еще сладкіе корни одного растенія — *тысма*, растущаго по возвышенностямъ рѣкъ; свѣжіе они болѣе сладки, чѣмъ лежалые; тѣмъ не менѣе ихъ собираютъ въ запасъ и они ча-

сто замѣняютъ собою сахаръ, а прежде были единственнымъ сладкимъ лакомствомъ, какое только инородцы знали. Еще болѣе сладкаго любятъ они горькое, разъ оно обладаетъ какими-нибудь наркотическими свойствами: теперь водка служить для нихъ лучшей усладой въ жизни, божественнымъ напиткомъ, ради котораго они готовы пожертвовать всѣмъ, что только у нихъ есть; устоять противъ этой страсти у нихъ нѣтъ силъ, и этимъ пользуются торговцы, которые страшно эксплуатируютъ такую слабость.

Продукты охоты, рыбной ловли, оленеводства все идетъ на удовлетвореніе этой страсти, которая является одной изъ главныхъ причинъ того плохаго экономическаго состоянія инородцевъ, въ которомъ они теперь находятся; всякое, выходящее изъ ряда обыкновеннаго событіе — праздникъ, свадьба, смерть, рожденіе, жертвоприношеніе, удачная или неудачная охота, падежъ скота, большое увеличеніе стада, однимъ словомъ все, что съ той или другой стороны нарушаетъ мирное теченіе жизни инородца, даетъ ему поводъ напиться и превратиться въ послушную куклу въ рукахъ человѣка, снабжающаго его этимъ вреднымъ напиткомъ. Бродить инородецъ со своимъ стадомъ по дальнимъ тундрамъ, не видитъ онъ изъ людей никого, кромѣ своей семьи, уже въ продолженіи долгаго времени, идетъ его жизнь мирно и тихо изо дня въ день, и лишь изрѣдка нарушается только охотой за звѣремъ, да перекочевкой съ мѣста на мѣсто, вдругъ страшный лай собакъ даетъ ему знать о чемъ-то новомъ — неожиданномъ; оказывается, что пріѣхалъ торговецъ — знакомый, другъ, *рума*, какъ говорятъ Маньзи; убивается тотчасъ-же олень, появляется котель, заваривается чай, идутъ разспросы о томъ, что слышно о Царѣ, что капитанъ (т. е. исправникъ), что комиссаръ (засѣдатель), каковы цѣны на разные товары, и т. д. все въ томъ-же родѣ со стороны оленевода, а пріѣзжій справляется, — удачна ли была охота, много-ли шкурокъ, каковъ приплодъ у оленей; затѣмъ достается съ нарты завѣтный боченокъ и торговецъ выпиваетъ самъ, даетъ стаканчикъ хозяину, иногда его женѣ; потомъ еще по стаканчику; задрожитъ даже инородецъ, увидя драгоцѣнный напитокъ, и тянетъ его, какъ нектаръ

какой; попало ему въ голову, зашумѣло, хочется еще, а торговецъ уже опять увязываетъ боченокъ и плотно закрываетъ его оленьими шкурами. „Рума, дай еще“, „Нельзя путь далеку а вина мало“. Видя, что просьбы не дѣйствуютъ, начинаетъ приносить онъ разныя шкурки, сперва похуже, потомъ получше, и начинается торговля. Иной купецъ совѣстливый — отказывается продавать водку, говоря, что это запрещено, но за то съ большой охотой соглашается приступить къ мѣнѣ, которая вначалѣ идетъ болѣе или менѣе порядочно, но затѣмъ уже совершается вполне по волѣ торговца; результаты оказываются скоро: на другой день совершаются проводы: въ боченкѣ убыло бутылки на три — четыре водки, зато прибавилось на нартѣ не мало шкурокъ дорогихъ звѣрей и оленей, а иногда даже вмѣсто тройки, на которой пріѣхалъ торговецъ, онъ уводитъ съ собой десятокъ, другой хорошихъ оленей; казенная, такъ сказать, цѣна водки въ тундрѣ — это четверть—олень, но затѣмъ начинаются измѣненія, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ степени удаленія отъ населенныхъ пунктовъ и отъ большаго или меньшаго опьяненія: за оленя начинаютъ давать только бутылку водки, затѣмъ эта бутылка уменьшается—вмѣсто обыкновенной появляется бутылка отъ зельтерской воды; наконецъ, вмѣсто водки цѣльной, которая предлагается вначалѣ, дается уже разбавленная на половину водой. Съ инородцемъ охотникомъ и рыболовомъ повторяется таже самая исторія, только разница въ томъ, что гораздо чаще, благодаря болѣе частымъ посѣщеніямъ добрыхъ людей. Мужчины, женщины, дѣти, даже грудные младенцы, всѣ пьютъ; мнѣ приходилось не разъ видѣть, какъ мать, кормящая ребенка грудью, даетъ ему нѣсколько капель дорогаго для нея напитка, даже прежде, чѣмъ сама до него дотронется; у ребенка дыханіе захватываетъ, но затѣмъ онъ опять тянется и такимъ образомъ сладкое молоко чередуется съ горькой водкой. Иногда водку дѣлаютъ сладкою, поджаривая сахаръ и прибавляя его или же настаивая на тысма. Въ послѣднее время водку стали продавать не только одни русскіе и зыряне, но даже инородцы, наиболѣе стойкіе изъ своихъ родичей, хотя и съ ними иногда случается, что они прорыва-

ются и водку, приобретенную для продажи, выпивают всю сами со своей семьей. Для того, чтобы легче было вести, обыкновенно в тундру отправляют спирт, который затѣмъ, слегка подогрѣвъ, разбавляютъ кипяченой водой, которая не даетъ мути. Для большей крѣпости въ водку иногда добавляют нюхательнаго табаку, отъ примѣси котораго затѣмъ сильно разбаливается голова и нерѣдко дѣлается тошнота; точно также подбавляютъ иногда кусочки или порошки, сдѣланные изъ мухомора, который имѣетъ громадное вліяніе на состояніе умственныхъ способностей и памяти: отъ частаго его употребленія человѣкъ тупѣетъ и дѣлается безпамятнымъ; во время-же самаго опьяненія оно дѣлаетъ потребителя впечатлительнымъ, легко раздражающимся, вспыльчивымъ: при малѣйшихъ, часто мнимыхъ, обидахъ опьяненные схватываются за свои ножи, отчего нерѣдко бываютъ драки, оканчивающіяся смертными случаями. Прежде, какъ можно судить о томъ по разсказамъ стариковъ и по ихъ пѣснямъ и сказкамъ, единственнымъ одуряющимъ напиткомъ былъ настой изъ мухоморовъ—*панъхъ*, употребляемый изрѣдка и теперь, для чего мухоморы приобрѣтаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они не растутъ, по 1 рублю за штуку; въ дорогѣ, гдѣ настоемъ дѣлать неудобно, мухоморы ѣдятъ въ сухомъ видѣ, причемъ указываютъ, какъ на героевъ, на людей, которые съѣдаютъ по 3—4 гриба въ день; дѣйствіе этого таково, что человѣкъ совершенно забываетъ окружающую его обстановку—идетъ въ рѣку, озеро; бросается безъ оружія на медвѣдя (который, кстати сказать, также любитъ иногда полакомиться мухоморами и также отъ нихъ дурѣетъ) и вообще дѣлаетъ цѣлый рядъ безразсудныхъ поступковъ, за которые ему иногда приходится сильно платиться.

По поводу ѣды существуетъ нѣсколько примѣтъ, которыя соблюдаются вообще довольно строго: женщины, употребляющія въ пищу все то, что ѣдятъ обыкновенно и мужчины, не могутъ однако ѣсть сердца, головы и груди медвѣдя, такъ какъ не достаточно чисты для этого; на рѣкѣ Сыгвѣ женщины не ѣдятъ мерзлой щуки и мерзлаго налима по той же самой причинѣ, такъ какъ нѣкоторые боги принимаютъ иногда

форму этихъ рыбъ; во время беременности не ѣдятъ сырковъ изъ своихъ язовъ, между тѣмъ какъ изъ чужихъ отлично употребляютъ въ пищу; причину этого различія и вообще взгляда узнать я не могъ, не смотря на всѣ старанія, и мнѣ кажется, что эта причина забыта, остался только одинъ обычай, какъ это нерѣдко бываетъ; если въ дорогѣ готовятъ себѣ пищу, то при уходѣ всегда сваливаютъ ту палку, на которой висѣлъ котелъ, иначе у варившаго будетъ болѣть голова, будутъ лѣзть волосы и въ будущей жизни его будутъ сильно мучить; точно также никогда не сожигаютъ въ дорогѣ всѣхъ принесенныхъ для варки пищи дровъ, а оставляютъ хоть одно полѣно, иначе нечѣмъ будетъ погрѣться тѣни умершаго, когда она идетъ въ подземное царство.

Въ настоящее время, когда существуетъ медицинская помощь, хотя и слабая, ввидѣ докторовъ и фельдшеровъ, инородцы, вообще большіе любители лѣчиться, берутъ у нихъ всевозможныя лекарства, особенно касторовое масло, хину, желѣзный купоросъ (для присыпки ранъ), свинцовую примочку (при болѣзни глазъ), и т. д.; но помимо такихъ средствъ у нихъ существуютъ и свои. Болѣзни, наиболѣе распространенныя въ мѣстномъ краѣ—это: сифилисъ, оспа, тифъ во всевозможныхъ формахъ, ревматизмъ, болѣзни глазъ и накожныя, происходящія большею частью отъ грязи и нечистоплотности. При всѣхъ болѣзняхъ прежде всего обращаются къ жрецамъ, шаманамъ съ просьбою узнать у боговъ, отъ чего то или другое лицо заболѣло, такъ какъ, по мнѣнію инородцевъ, всякая болѣзнь насылается богами и есть признакъ ихъ недовольства тѣмъ человекомъ, который заболѣлъ; какъ совершается обрядъ шаманства, объ этомъ будетъ рѣчь впереди, здѣсь скажу только, что шаманы обыкновенно заставляютъ больного или его семью принести жертву тому или другому богу, состоящую изъ оленей, одеждъ и шкурокъ; но этимъ дѣло не ограничивается; обыкновенно тотъ-же шаманъ приступаетъ и къ другому способу лѣченія—даетъ пить нашептанную воду, водку, кровь; мажетъ рыбьимъ жиромъ и оленьимъ или чаще медвѣжьимъ саломъ; окуриваетъ бобровой струей или березовой и лиственничной накипью; третъ медвѣжьимъ зубомъ и

т. д. Одни и тѣ-же средства употребляются большею частью при разныхъ болѣзняхъ; только когда болитъ животъ, тогда всегда принимаютъ во внутрь съ водой или водкой порошокъ, наскобленный съ медвѣжьяго клыка или настой изъ листовенничной накипи, употребляемый также и при страданіяхъ грыжей; при сифилисѣ пьютъ настой, сдѣланный изъ одной травы—*мосъхумъ сахы*, растущей въ верховьяхъ горныхъ рѣчекъ; при боляхъ спины и зубовъ, натираютъ больныя мѣста медвѣжьимъ клыкомъ и иногда посыпаютъ порошкомъ, съ него наскобленнымъ; другихъ, какихъ-нибудь еще опредѣленныхъ средствъ, болѣе не имѣется—всякій лѣчитъ и лѣчится по собственному усмотрѣнію. Для свѣжести рта, чистоты зубовъ жуютъ какъ мужчины, такъ и женщины особую смолу. Отношеніе къ больнымъ вообще довольно спокойное—ни особаго ухода, ни особаго презрѣнія не замѣчается; дѣлается все то, что считается нужнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращается и обыденный порядокъ занятій—идутъ на охоту, на рыбную ловлю, перекочевываютъ, и т. д.; боязни заразиться не существуетъ: сифилитики, тифозные, оспенные находятся въ томъ же самомъ помѣщеніи, гдѣ и остальные члены семьи; умершихъ отъ этихъ болѣзней хоронятъ такъ-же, какъ и другихъ, не принимая какихъ-либо мѣръ предосторожностей.

Не смотря въ большинствѣ случаевъ на скверныя гигиеническія условія, не смотря на существующія болѣзни, инородцы какъ мужчины, такъ и женщины, доживаютъ не рѣдко до глубокой старости и ихъ лѣта, по нѣкоторымъ даннымъ, приходится считать девятью, десятью десятками. Подъ старость и при простудныхъ болѣзняхъ нерѣдко пускаютъ себѣ кровь посредствомъ обыкновенныхъ ножей; особенно часто это дѣлается весною; при страданіяхъ въ сочлененіяхъ дѣлаютъ въ нихъ частые наколы, расположенные обыкновенно въ извѣстномъ порядкѣ и втираютъ туда или растертый порошокъ, или сажу съ котловъ и чайниковъ.

Изъ красокъ, употребляемыхъ инородцами, большинство получается изъ коры различныхъ деревьевъ—березы, ольхи, листовенницы и только одна—нѣрпъ имѣетъ минеральное происхожденіе. Эти краски употребляются для крашенія деревян-

ныхъ вещей, берестяныхъ, кожъ и сѣтей; главнымъ образомъ, онѣ всѣ имѣютъ красноватый оттѣнокъ, наиболее любимый инородцами; къ числу любимыхъ цвѣтовъ относится также зеленый, получать который они сами не могутъ и поэтому приобрѣтаютъ отъ русскихъ или зырянъ. Для укрѣпленія красокъ употребляютъ иногда клей, приготовленный изъ оленьихъ роговъ или изъ язовой чешуи, который идетъ также и на другія потребности.

Въ привезенной коллекціи имѣются слѣдующіе предметы, относящіеся къ пищевымъ веществамъ, лекарствамъ и краскамъ:

1. Хлѣбъ, замѣшанный на оленьей крови—*келтынъ нянь*; доска, на которой подобный хлѣбъ печется, называется *нянь тослямъ партъ*.

2. Хлѣбъ, замѣшанный на водѣ, но испеченный вмѣстѣ съ язовой икрой—*порынъ нянь*.

3.—4. Лепешки, замѣшанныя на оленьей крови и поджаренныя въ салѣ—*путь паттатъ келтынъ нянь*.

5. Похлебка, приготовленная изъ раздробленныхъ оленьихъ костей и замѣшанная мукой—*лувынъ коласъ*.

6. Вяленая сельга—*нялкъ ѳхолъ*.

7. Вяленый чебакъ—*налинъ ѳхолъ*.

8. Вяленая щука—*сортъ ѳхолъ*.

9. Вяленые язи, по два соединенные—*парва ѳхолъ*.

10. Вяленые чебаки, по два соединенные—*самынъ ѳхолъ*.

11. Юрокъ—*сорахъ хоръ*; сдѣланъ изъ сырка, поэтому носить и названіе—*сорахъ*.

12. Варка—*тозамъ вуой*, приготовлена съ сельгой.

13. Сельга—*нялкъ*, въ спирту; самая обыденная рыба въ рѣкахъ Сѣверной Сосьвѣ и Сыгвѣ съ ихъ притоками; употребляется во всѣхъ видахъ; замѣчательно вкусна.

14. Кирпичный чай—*Русь сая*, продается кирпичами по 1 р. 50 к.—2 р. за фунтъ.

15. Остяцкій чай—*Манъзи сая*, растетъ по песчанымъ берегамъ рѣкъ, собирается Манъзами въ августъ и сентябрь, сушится на солнцѣ и затѣмъ, въ случаѣ потребности, заваривается такъ-же, какъ и обыкновенный чай; собирается только для собственнаго употребленія.

16. Зырянскій чай—*Саранг сэй*, растеть по берегамъ рѣкъ, преимущественно возвышеннымъ, собирается въ августѣ и сентябрѣ, сушится на солнцѣ, заваривается подобно обыкновенному чаю и идетъ не только на собственное потребленіе, но и на продажу по 50—75 к. фунтъ.

17. *Тысма*—сладкій корень, употребляемый вмѣсто сахара; растеніе встрѣчается на возвышенныхъ мѣстахъ и по верховьямъ горныхъ рѣчекъ.

18. Кедровыя шишки—*ульба наквз*; для собственнаго потребленія орѣхи иногда оставляютъ въ шишкахъ, отчего они лучше сохраняютъ свою сочность.

19. Кедровыя орѣхи неподжаренные—*нярз наквз самз*.

20. Кедровыя орѣхи поджаренные и вполне готовые на продажу—*тослимз наквз самз*.

21. *Мосъхумз сахы*; растеть на возвышенныхъ мѣстахъ и по верховьямъ горныхъ рѣчекъ; растеніе вьющееся; его корень и стебель употребляется, какъ лекарство, при лѣченіи сифилиса, для чего приготавливаютъ настой на водѣ или водкѣ и держатъ въ теплѣ; пьютъ приблизительно по три рюмки въ день, если настой такой крѣпости, что на стаканъ, при приготовленіи, клали кусокъ стебля или корня въ вершка три длины; если растеніе сушили въ жилѣ, то его и потомъ необходимо держать тамъ-же; если же на воздухѣ, то въ комнату не вносятъ, иначе онъ, по мнѣнію инородцевъ, потеряетъ свою цѣлебную силу; на одномъ и томъ-же растеніи настой можно дѣлать только разъ, потомъ онъ теряетъ свою силу; такой же настой, только крѣпче, даютъ и лошадямъ, страдающимъ ломотой и нарывами; оленямъ подобнаго лекарства никогда не даютъ.

22. Чортовъ палець—*нѣлы сунз*, употребляется ввидѣ порошка для засыпки ранъ; смотрятъ на него, какъ на громовую стрѣлу.

23. Лиственничная накипь—*нанкз сеныхз*, идетъ на приготовленіе лекарства, употребляемаго при болѣзняхъ живота и при грыжи; накипь кладутъ въ воду или водку, настаиваютъ около часу и затѣмъ пьютъ не только настой, но ѣдятъ и самую накипь; подобный-же настой, только болѣе крѣпкій, даютъ оленямъ,

когда у нихъ обнаруживается грыжа и лошадямъ съ коровами при шатунѣ, а также при трудныхъ родахъ; употребляется такъ же въ качествѣ фиміама при жертвоприношеніяхъ и вообще при торжественныхъ случаяхъ и при окуриваніи нечистыхъ, т. е. женщинъ послѣ менструацій и родовъ, мужчинъ, которые имѣли съ ними сношеніе въ это время, или которые прошли какъ-нибудь нечаянно подъ какой-нибудь принадлежности женскаго костюма, что также, по мнѣнію инородцевъ, оскверняетъ.

24. Смола Маньзовъ—*Манъзи онхъ, сасъ онхъ, паутнэ онхъ*, которую они постоянно жуютъ для освѣженія рта и для очищенія зубовъ; готовятъ ее слѣдующимъ образомъ: небольшой котелокъ обкладываютъ горячимъ пепломъ, подъ нимъ въ землѣ дѣлаютъ небольшую ямку, гдѣ раскладываютъ медленный огонь; наливаютъ самого чистаго рыбьяго жиру, кладутъ въ него тонкія продольныя полоски молодой березовой коры и начинаютъ варить; продолжается это обыкновенно цѣлый день, при чемъ необходимо постоянно мѣшать; когда въ котлѣ образуется густая смѣсь, тогда подбавляютъ немного для вкуса соли и смола готова; не всѣ умѣютъ ее дѣлать: у иныхъ, не смотря на все стараніе, ничего не выходитъ; такой же результатъ бываетъ и въ томъ случаѣ, если при приготовленіи присутствуетъ кто нибудь посторонній, особенно мужчина; необходимо, чтобы была только та женщина, которая занимается этимъ дѣломъ; во все время приготовленія необходимо быть, какъ можно серьезнѣе и стараться отгонять отъ себя разныя скверныя мысли: дѣлается это потому, что такую-же смолу постоянно жуютъ боги, которые и приказали людямъ быть, какъ можно осторожнѣе при ея заготовкѣ.

25. Березовая накипь—чага—*сосъ*, употребляется въ качествѣ фиміама при тѣхъ-же самыхъ обстоятельствахъ, какъ и листовничная накипь; кромѣ того идетъ, какъ примѣсь къ чаю, а иногда даже просто вмѣсто чаю, причемъ заваривается подобно настоящему; въ пережженномъ видѣ прибавляется къ нюхательному табаку.

26. Березовая губа — *халь сеныхъ*; въ пережженномъ видѣ, употребляется, какъ примѣсь къ нюхательному табаку;

кромѣ того дается также для возбужденія, особенно людямъ пожилымъ.

27. Лиственничная кора—*нанкз самз*, употребляется ввидѣ краски, главнымъ образомъ, для дерева и отчасти для сѣтей, причемъ обыкновенно варятъ вещь, которую желаютъ окрасить, вмѣстѣ съ корой часа два—три и она пріобрѣтаетъ послѣ этого красноватый оттѣнокъ.

28. Березовая кора—*халь сулз*, собирается какъ со старыхъ, такъ и съ молодыхъ деревьевъ; употребляется, главнымъ образомъ, для окраски сѣтей, которыя пріобрѣтаютъ отъ этого красно-коричневый цвѣтъ; дѣлается это для того, чтобы сѣти были прочнѣе—не такъ подвержены дѣйствию воды и затѣмъ чтобы не такъ были замѣтны ля рыбы; для достиженіи послѣдней цѣли сѣтямъ придаютъ тотъ-же оттѣнокъ, который имѣетъ въ извѣстномъ мѣстѣ вода; окраску производятъ слѣдующимъ образомъ: мелко нарѣзанную сырую кору наливаютъ водой и нагрѣваютъ въ котлѣ до тѣхъ поръ, пока наваръ не пріобрѣтетъ красно-коричневаго цвѣта; затѣмъ его студятъ и уже въ холодный погружаютъ сѣти, которыя и держатъ въ немъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не пріобрѣтутъжелаемаго оттѣнка.

29. Ольховая кора—*хорактз ивз*, собирается преимущественно съ молодыхъ деревьевъ; употребляется для окрашиванія всевозможныхъ шкуръ—рыбьихъ и звѣриныхъ, разъ онѣ выдѣланы; при этомъ поступаютъ такъ: мелко нарѣзанную кору сушатъ на солнцѣ, затѣмъ толкутъ и полученный порошокъ опускаютъ въ кипящую воду, въ которую бросаютъ также нѣсколько раскаленныхъ до красна камней, плотно закрываютъ и даютъ остыть, иногда кипятятъ еще, но не болѣе одного раза; когда жидкость остынетъ, тогда въ нее погружаютъ кожу и держатъ такъ около сутокъ, въ продолженіи которыхъ она пріобрѣтаетъ ярко-красный цвѣтъ; готовить эту краску въ запасъ нельзя, такъ какъ она скоро портится.

30—31. *Нэрпз*—минеральная краска—красный желѣзнякъ въ кускѣ и порошокъ, встрѣчается въ верховьяхъ лѣвыхъ притоковъ средняго и нижняго теченія Оби, особенно на Сѣверной Сосьвѣ и Сыгвѣ; употребляется для окраски деревянныхъ издѣ-

лій—крупныхъ и мелкихъ: нартъ, лодокъ, весель, блюдъ, тарелокъ, и т. д., а также для окраски выдѣланныхъ шкуръ, для чего краску растираютъ и распускаютъ въ холодной водѣ и полученнымъ растворомъ мажутъ, затѣмъ чрезъ нѣсколько времени обыкновенно смазываютъ для прочности рыбьимъ жиромъ.

32. Зырянскій оленій клей—*саранг сали элимз*; употребляется для склейки разныхъ деревянныхъ вещей, обладаетъ большею крѣпостью; его готовятъ слѣдующимъ образомъ: берутъ рога самцовъ и самокъ, рубятъ ихъ на самые мелкіе куски, засыпаютъ въ котелъ съ водой и начинаютъ варить: если варятъ на открытомъ воздухѣ, то клей поспѣваетъ въ день, но-за то приходится нѣсколько разъ подливать воду; если же въ домѣ—въ печкѣ, то клей раньше двухъ дней готовъ не будетъ; въ послѣднемъ случаѣ вечеромъ перваго дня вынимаютъ котелъ изъ печки, утромъ доливаютъ его водой и ставятъ опять въ печь, но не сильный жаръ; къ вечеру клей готовъ, его надо только немного посушить, при чемъ предварительно необходимо разрѣзать на куски; сушить на солнцѣ нельзя—весь распустится, надо гдѣ-нибудь въ прохладномъ мѣстѣ и въ тѣни, всего лучше на вѣтру; толстые куски послѣ сушки принимаютъ свѣтло-коричневый цвѣтъ, а тонкіе—почти совершенно черный; подобный цвѣтъ клей принимаетъ и отъ очень продолжительной варки. Когда является потребность что-нибудь склеить, клей наливаютъ водой и затѣмъ нагреваютъ на сильномъ жару; на медленномъ нельзя—теряетъ свою клейкость; сохранять этотъ клей необходимо въ холодномъ и сухомъ мѣстѣ, иначе онъ закисаетъ. Подобный клей иногда приобрѣтается инородцами не оленеводами по 50 к. за фунтъ.

33. Оленій клей Маньзовъ и другихъ инородцевъ—оленеводовъ—*Маньзи сали элимз*; готовится подобно предыдущему, только почти всегда на открытомъ воздухѣ.

34. Клей изъ язѳвой чешуи—*хулимз хулъ самз элимз*; употребляется для склейки кожъ и мелкихъ деревянныхъ вещей; готовятъ его слѣдующимъ образомъ: берутъ язѳвую чешую, наливаютъ водой и начинаютъ кипятить въ продолженіи часовъ 8—10, затѣмъ остатки чешуи выбрасываютъ, а сама жидкость чрезъ нѣсколько времени застываетъ и

даетъ клей. При распусканіи его смачиваютъ слегка водой, мелко рѣжутъ и насыпаютъ въ берестяную коробку, которую держутъ около огня, клей быстро дѣлается жидкимъ и годнымъ ко употребленію. Если этотъ клей готовится лѣтомъ, то онъ самъ очень скоро твердѣетъ, особенно въ прохладномъ тѣнистомъ мѣстѣ, и распускается единственно при помощи огня; если-же зимой, то онъ получается гораздо слабѣе: достаточно небольшого повышенія температуры, чтобъ онъ распустился и притомъ онъ уже не обладаетъ такими клейкими свойствами, какъ заготовленный лѣтомъ, почему въ большинствѣ случаевъ его приготавливаютъ лѣтомъ и осенью, зимній держать всегда на морозѣ и въ случаѣ необходимости прямо мерзлый бросаютъ въ сильно нагрѣтую воду.

5. Предметы, имѣющіе отношеніе къ религіи.

Въ настоящее время инородцы Сѣверо-Западной Сибири, за небольшимъ количествомъ низовыхъ Остяковъ и Самоѣдовъ, всѣ крещены и всѣ считаются христіанами, но въ большинствѣ случаевъ только по имени, потому что по прежнему почти всѣ безъ исключенія такъ-же вѣрятъ въ своихъ боговъ, такъ-же приносятъ имъ жертвы, такъ-же почитаютъ своихъ шамановъ, какъ это они дѣлали до принятія христіанства; вся разница только въ томъ, что теперь они стараются исполнять всѣ свои обряды потихонько, скрываясь, главнымъ образомъ, отъ духовенства и отъ начальства, опасаясь какъ-бы оно не взыскало и не наложило за это какой-нибудь пени, чего мѣстные жители боятся больше всего. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, женщины, несмотря на свое нѣсколько пониженное положеніе, являются гораздо консервативнѣе и фанатичнѣе мужчинъ и оказываютъ вліяніе на послѣднихъ въ религіозномъ отношеніи: гораздо чаще обряды язычества нарушаются мужчинами, чѣмъ женщинами; гораздо скорѣе можно узнать какія-нибудь тайны вѣрованій отъ мужчинъ, чѣмъ отъ женщинъ, и это, конечно, зависитъ не отъ большей ихъ словоохотливости, которая составляетъ здѣсь, какъ и вездѣ впрочемъ, скорѣе принадлежность слабой половины человѣчества. Я не буду говорить здѣсь подробно о религіозныхъ взглядахъ и обрядахъ инородцевъ—это составитъ предметъ особой статьи, скажу только, что они не представляютъ изъ себя сбора всевозможныхъ разсказовъ безъ видимой связи; напротивъ, послѣдняя чувствуется вездѣ, и если она для нѣкоторыхъ недовольно еще ясно видна, то причину этого надо искать въ недостаточной еще разработкѣ вопроса, поспѣшить чѣмъ вообще слѣдуетъ, потому что Сибирскіе инородцы или вымираютъ,

или русѣють, забываютъ свой языкъ, свои преданія и обычаи, и, конечно, не далеко уже то время, когда ихъ изученіе возможно будетъ только по описаніямъ, оставленнымъ путешествующимъ людомъ, да по музейскимъ коллекціямъ, которыя, кстати сказать, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ заграницей лучше, чѣмъ въ Россіи.

При существующемъ многобожіи, при раздѣленіи боговъ на добрыхъ и злыхъ, причемъ представителемъ первыхъ является *яныхъ торумъ*—великій богъ, а представителемъ вторыхъ *куль*—дьяволъ, у инородцевъ незамѣтно, по крайней мѣрѣ, теперь того страха и трепета, который является основнымъ началомъ въ религіяхъ нѣкоторыхъ народностей; у нихъ скорѣе видна какая-то предупредительность по отношенію къ богамъ и смягченіе ихъ гнѣва и часто даже просто подкупъ въ ожиданіи будущихъ благъ различными дарами, приносимыми при всѣхъ мало-мальски выдающихся случаяхъ жизни: родится, женится, умираетъ человѣкъ—приносится жертва съ просьбой: то сдѣлать жизнь счастливой новорожденному, то дать побольше дѣтей новобрачнымъ, то приготовить мѣсто получше въ будущей жизни; идетъ инородецъ на охоту, на рыбную ловлю—онъ дѣлаетъ съ богами договоръ—«если убью три соболя, то одного тебѣ; если шесть, то двухъ; если тonya будетъ удачная, то самую большую рыбу дамъ тебѣ, иначе ничего не получишь»; и т. д. въ томъ же родѣ. Правда, *яныхъ торумъ* и одинъ изъ его сыновей—*міръ суснэ хумъ*, завѣдующій людьми могутъ сдѣлать съ ними все, что пожелаютъ, но они добры и справедливы, а куля можно почти всегда подкупить; этимъ отчасти объясняется и то обстоятельство, что изображенія боговъ, дѣлаемые изъ металловъ или изъ дерева и составляющія необходимую принадлежность каждой семьи и хранящіяся въ особомъ ящикѣ, иногда выкидываются или замѣняются новыми, если они плохо работали и мало помогали своему хозяину. Подобныя изображенія дѣлаются или самими инородцами, причемъ они часто одѣваются въ разныя одежды, но преимущественно завертываются въ платки, или пріобрѣтаются у русскихъ и зырянъ, причемъ характеръ ихъ довольно разнообразенъ: то они ничто иное, какъ простыя дѣтскія игрушки, то

нарочно по заказу приготовленные или купленные на Ирбитской ярмаркѣ изображенія животныхъ, въ которыхъ боги, въ случаѣ необходимости, могутъ превращаться; особенно почитается изображеніе коня, такъ какъ на немъ *мірз суснэ хумз* каждую ночь объѣзжаетъ всю землю и смотритъ, все-ли въ порядкѣ. Кромѣ боговъ главныхъ:—*корсз торумз*—родоначальника всѣхъ боговъ и *яных торумз* или *нуми торумз* (иначе еще *войканз торумз*) съ его сыновьями, причемъ каждый изъ нихъ имѣетъ особенное назначеніе, существуетъ еще цѣлая плеяда второстепенныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые являются богами личными, другіе семейными и родовыми; поэтому около всякаго отдѣльнаго жилья и особенно около селеній всегда бываютъ особыя мѣста, посвященные чествованію того или другаго бога, гдѣ приносятся жертвы и гдѣ хранятся его богатства. Что-же касается до мѣста обитанія главныхъ боговъ, то оно у нихъ находится въ опредѣленныхъ мѣстахъ, куда съѣзжаются за нѣсколько сотъ верстъ инородцы, чтобы поклониться и сдѣлать приношенія, но этимъ обыкновенно дѣло не кончается, такъ какъ существуютъ особыя сборщики даяній, которые съ открытіемъ навигаціи снаряжаютъ лодки и ѣдутъ по Оби и ея притокамъ собирать шкурки и разные предметы въ пользу того бога, богатствами котораго они завѣдуютъ; въ прежнее время, когда инородцы не были такъ испорчены, какъ теперь, тогда дѣйствительно, все жертвовуемое хранилось въ сараяхъ, принадлежащихъ тому или другому богу, гдѣ шкурки и другія подобныя вещи истлѣвали, а серебро и мѣдь оставались цѣлыми въ теченіи столѣтій; теперь-же большая часть попадаетъ въ руки русскихъ и зырянскихъ торговцевъ, которые всегда не прочь купить по дешевой цѣнѣ старое серебро и новыя шкурки; обманъ жертвователей тѣмъ болѣе легокъ, что мѣсто нахожденіе хранилищъ жертвуемыхъ вещей скрывается отъ всѣхъ и только одни сборщики да очень небольшое количество постороннихъ знаютъ, гдѣ оно находится; въ послѣднее время вслѣдствіе указанной причины, вслѣдствіе общаго обѣдненія инородцевъ и вслѣдствіе тайнаго ограбленія зырянами и русскими, запасы подобныхъ хранилищъ стали очень малы, но было время и не далѣе какъ въ шестидесятыхъ годахъ, ког-

да въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находили по сотнямъ разныхъ шкуръ и по десяткамъ пудовъ стараго серебра; подобные запасы имѣли большое значеніе въ жизни инородцевъ въ несчастныхъ случаяхъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ родовъ такъ какъ изъ нихъ можно было брать займы какое-угодно количество вещей съ тѣмъ, чтобы потомъ, понятно, при улучшеніи условій, все возвращалось обратно съ извѣстнымъ увеличеніемъ; они, такимъ образомъ, играли роль ссудныхъ учрежденій, освящаемыхъ только религіозными взглядами; говорить о пользѣ этого, конечно, излишнее, и вотъ почему многія бѣдствія—падежъ скота, плохая охота, отсутствіе рыбы, болѣзнь, и т. д. прежде не имѣли такого пагубнаго значенія, какъ это нерѣдко бываетъ теперь.

Несмотря на извѣстную простоту отношеній между богами и инородцами, выражающихся, главнымъ образомъ, въ жертвоприношеніяхъ, между тѣми и другими существуютъ посредники ввидѣ жрецовъ — шамановъ, званіе которыхъ обыкновенно переходитъ по наслѣдству не только по мужской, но и по женской линіи. Эти шаманы представляютъ изъ себя людей наиболѣе угодныхъ богамъ, чѣмъ остальные, и просьбы которыхъ поэтому могутъ быть скорѣе удовлетворены. Обыкновенно шаманы еще съ малолѣтства выказываютъ нѣкоторыя отличительныя черты сравнительно съ другими дѣтьми, что преимущественно выражается въ большей воспріимчивости, въ большей впечатлительности и вообще въ большей нервности; иногда они страдаютъ припадками падучай болѣзни, приступы которой объясняются общеніемъ съ богами; прежде, и даже теперь иногда, между шаманами встрѣчаются люди искренно убѣжденные и вѣрующіе во все то, что они продѣлываютъ во время припадковъ или въ другіе моменты своей жизни и смотрящіе на это, какъ на проявленіе божественной силы, но съ каждымъ годомъ число такихъ лицъ уменьшается и они замѣняются извѣстными шарлатанами, которые, пользуясь довѣрчивостью инородцевъ, обманываютъ ихъ, обираютъ и живутъ вслѣдствіе этого гораздо лучше остальныхъ людей своей народности, что, главнымъ образомъ, выражается въ большемъ количествѣ выпи-

ваемой водки. Обязанности шамановъ заключаются въ приношеніи жертвъ, въ лѣченіи больныхъ, въ гаданіи и узнаваніи будущаго и воли боговъ; при всѣхъ жертвоприношеніяхъ, если только присутствуетъ шаманъ, а они нерѣдко бываютъ и безъ него, онъ играетъ первенствующую роль: онъ убиваетъ животное, рѣжетъ его на части, собираетъ кровь, кормитъ изображенія боговъ, т. е. мажетъ имъ губы кровью и ставитъ передъ ними на нѣкоторое время берестяныя или деревянные чашки съ мясомъ, которое затѣмъ съѣдаетъ самъ-же, и вообще онъ начинаетъ и кончаетъ торжество; здѣсь-же происходитъ часто и гаданье о разныхъ вопросахъ, имѣющихъ значеніе въ жизни инородца—о количествѣ звѣря, птицы и рыбы, объ охотѣ, лѣсныхъ пожарахъ, и т. д.

Жертвоприношенія бываютъ случайныя и постоянныя: первыя находятся въ зависимости отъ какихъ-нибудь случайныхъ причинъ и отъ большаго или меньшаго усердія инородца, между тѣмъ какъ вторыя являются обязательными и совершаются обыкновенно весною передъ началомъ рыбной ловли, ранней осенью, послѣ ея окончанія, поздней осенью передъ отправкой на зимнюю охоту и затѣмъ по возвращеніи съ нея, и въ другихъ тому подобныхъ случаяхъ; при жертвоприношеніяхъ обыкновенно присутствуютъ только одни мужчины, а женщины нарочно удаляются подальше отъ священнаго мѣста, гдѣ совершается обрядъ. Жертвы состоятъ изъ оленей, а если есть какая—нибудь возможность достать лошадь, часто даже за очень большія деньги, то изъ нея, послѣдняя жертва считается наиболѣе пріятной богу и самому инородцу, такъ какъ при всѣхъ жертвоприношеніяхъ богамъ собственно достается только запахъ да паръ отъ дымящейся крови и сочнаго мяса, а все остальное съѣдается самими жертвователями, для которыхъ лошадиное мясо представляетъ лакомый кусочекъ, тѣмъ болѣе пріятный и дорогой, что онъ бываетъ очень рѣдокъ: лошадей приходится приводить или изъ за Урала или съ средняго теченія Оби, что, понятно, соединено съ большими хлопотами и затратами. Жертвенное животное или душится, или рѣжется, или убивается просто ударомъ дубины по лбу, причемъ нерѣдко бываетъ, особенно съ лошадьми, что ихъ еще живыхъ колятъ слегка ножами,

собирають вытекающую кровь, пьютъ ее и это продолжают дѣлать до тѣхъ поръ, пока животное въ страшныхъ мученіяхъ не умираетъ. При призваніи боговъ шаманы не надѣваютъ особаго костюма, а только имѣютъ на головѣ небольшую шапочку ввидѣ колпака, сшитую изъ кусочковъ разноцвѣтнаго сукна, да въ рукахъ бубенъ, по которому ударяютъ особой палкой, обтянутой шкуркой какого-нибудь звѣрька; этотъ бубенъ дѣлается, преимущественно, изъ лосинной кожи, иногда изъ оленьей и даже собачьей, натянутой въ сыромъ видѣ на обручъ, шириною въ два-три вершка и въ діаметрѣ до аршина и болѣе; сырая кожа при высыханіи плотно обхватываетъ обручъ, затѣмъ ее слегка пришиваютъ къ ободку, къ которому прикрѣпляютъ еще кольца, цѣпочки, бубенцы и вообще предметы, издающіе звукъ; съ внутренней стороны вставляется на крестъ двѣ палки, при помощи которыхъ бубенъ и держится; при сильныхъ движеніяхъ, производимыхъ шаманами во время призванія боговъ, всѣ погремушки гремятъ, самъ бубенъ, при ударѣ въ него, издаетъ отчетливый рѣзкій звукъ, особенно если предварительно его держали нѣсколько времени надъ огнемъ, и вотъ эти-то всѣ звуки пріятны богамъ и на нихъ-то они идутъ сообщить свою волю катающемуся часто подъ конецъ плясокъ въ судорогахъ шаману, который произноситъ въ это время несвязные звуки, съ благоговѣніемъ ловимые окружающими и дающіе имъ лишній поводъ изощрять свою изобрѣтательность на ихъ истолкованіе и на прославленіе своихъ боговъ. Всего чаще призывается *мірѣ суснэ хумѣ*, какъ богъ, который завѣдуетъ всѣми людьми и который стоитъ къ нимъ ближе всѣхъ; поэтому нерѣдко пользуются для его призванія ночами, когда онъ совершаетъ свой объѣздъ; для этого въ жильѣ, гдѣ происходитъ гаданье, тушатъ огонь; шаманъ ударяетъ нѣсколько разъ въ бубенъ и затѣмъ все смолкаетъ и наступаетъ гробовая тишина, среди которой будто-бы явственно слышится конскій топотъ и затѣмъ раздается трескъ, признакъ входа бога въ жильѣ, послѣ котораго вскорѣ все прекращается и шаманъ, распростертый часто на полу, начинаетъ сообщать то, что ему говорилъ богъ; очень часто передъ жильемъ ставится предварительно нѣ-

сколько серебряныхъ или вообще металлическихъ тарелочекъ для того, чтобы божій конь могъ стоять не на голой землѣ или снѣгу.

Званіе шамановъ довольно выгодно, поэтому немудрено, что есть не мало охотниковъ, которые не прочь-бы ими сдѣлаться но, какъ я уже сказалъ, званіе это болѣе или менѣе наслѣдственно, а затѣмъ оно соединено съ нѣкоторыми затрудненіями, которыя, главнымъ образомъ, заключаются въ умѣнїи продѣлывать разные фокусы и въ нервности натуры; между шаманами встрѣчаются такіе, которые славятся на нѣсколько сотъ верстъ въ окружности и которыхъ выписываютъ въ случаѣ необходимости богатые инородцы.

Врачебная дѣятельность шамановъ сводится опять-таки къ призыванію боговъ, къ нашептыванію и даванію тѣхъ средствъ, про которыя уже было упомянуто.

Шаманы являются, понятно, главными сторонниками и защитниками язычества, которое, наряду съ пьянствомъ, въ настоящее время служить одною изъ главныхъ причинъ обѣдненія инородцевъ, такъ какъ всякое призываніе бога, всякое гаданіе соединено съ большими затратами на устройство жертвоприношеній; тѣмъ болѣе, что шаманъ нерѣдко предъявляетъ большія требованія: говоритъ, что богъ требуетъ, наприкладъ, пятокъ соболинныхъ шкурокъ, кусокъ краснаго сукна, пять фунтовъ мѣдныхъ украшеній и тому подобныхъ вещей, т. е. болѣе или менѣе цѣнныхъ, или что онъ желаетъ получить въ жертву оленя или лошадь съ какимъ-нибудь пятномъ на головѣ, спинѣ или ногѣ, и инородецъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не исполнить приказаннаго: пойдетъ въ работу, продастъ все, что у него есть, но добьется своего, и воля бога или, вѣрнѣе сказать, воля шамана будетъ исполнена.

Язычество при настоящихъ условіяхъ для инородца болѣе доступно и привлекательно, чѣмъ христіанство, котораго онъ не понимаетъ: при жертвоприношеніяхъ, при гаданіи онъ сознаетъ, что дѣлается; онъ сроднился съ этимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ является дѣйствующимъ лицомъ почти такимъ-же, какъ и шаманъ, что для него опять-таки служить завлекающимъ мотивомъ, при всѣхъ языческихъ обрядахъ онъ наѣстся, на-

пѣется, напляшется и напоеется, такъ какъ при нихъ всегда бываетъ и пляска, и пѣніе, такимъ образомъ эти обряды являются для него не только средствомъ общенія съ богами, но и мѣстомъ развлеченія и наслажденія, чѣмъ, конечно, никогда не можетъ быть христіанство.

Со смертію, по вѣрованіямъ инородцевъ, жизнь не кончается вполнѣ, такъ какъ начинается другая въ подземномъ царствѣ, обставленная извѣстными условіями. Инородцы вѣрятъ, что у каждаго человѣка кромѣ тѣла есть еще тѣнь—*исз* и душа—*мили хелмхоласз*, послѣдняя, по смерти человѣка, переходитъ въ тѣло новорожденнаго ребенка, принадлежащаго къ тому-же роду, членомъ котораго былъ умершій; если-же родъ весь вымеръ, то она переходитъ въ дѣтей другихъ родовъ, наконецъ, другихъ народностей, но никогда не переходитъ въ тѣло животныхъ; что-же касается до тѣни, то она отправляется въ подземное царство, расположенное въ Ледовитомъ океанѣ за устьемъ Оби и находящееся въ распоряженіи подземнаго бога—*куль одырз*; здѣсь она живетъ столько-же, времени, сколько жилъ человѣкъ на землѣ, причемъ занимается тѣмъ-же самымъ дѣломъ, т. е. если человѣкъ на землѣ былъ оленеводомъ, то и подъ землею онъ будетъ имъ; если онъ исключительно билъ звѣря и ловить рыбу, то и тутъ онъ будетъ также охотиться, и т. д.; затѣмъ тѣнь начинаетъ понемногу уменьшаться, доходить до величины одного жучка—*кэрз хомлахз* (по словамъ другихъ, превращается въ него) и, наконецъ, вполнѣ исчезаетъ; люди, много грѣшившіе на землѣ, обижавшіе и непочитавшіе боговъ, будутъ нести за это наказаніе въ будущей жизни, которое, главнымъ образомъ, будетъ выражаться въ томъ, что они будутъ постоянно работать, но работа у нихъ не пойдетъ хорошо и ихъ трудъ мало будетъ вознаграждаться. Царствомъ тѣней, освѣщаемомъ лишь луннымъ свѣтомъ, какъ я уже сказалъ, завѣдуетъ *куль одырз*, про котораго, какъ толкуютъ Маньзи, умный человѣкъ и говорить не станетъ; тѣмъ не менѣе мнѣ удалось все таки узнать слѣдующее: *куль одырз* родился подъ землею, отъ кого узнать не могъ; онъ владѣетъ цѣлымъ городомъ и живетъ со всей семьей въ большомъ золотомъ домѣ, гдѣ ему прислуживаетъ масса слугъ,

вполнѣ похожихъ на людей, только меньшаго роста. Пока онъ не выходилъ изъ подъ земли, богатыри и люди не умирали, но разъ ему захотѣлось посмотрѣть, какъ живетъ небесный богъ—*нуми торумз*; полюбоваться его домомъ, а если возможно, то и отнять. Приходить, видить дворецъ, плѣнилъ онъ его, хочется отнять, но *нуми торумз* догадался и крѣпко заперъ всѣ двери; *куль одырз* этимъ не смутился и сталъ подкапываться подъ домъ, вполнѣ увѣренный, что при паденіи онъ попадетъ прямо въ его царство, замѣтивъ это и зная, съ какой цѣлью это дѣлается *нуми торумз* перенесъ свой домъ на другое мѣсто, подложивъ предварительно подъ него желѣзную доску; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ семи слугамъ залѣсть въ старыя березы, отъ которыхъ осталась одна береста и которыхъ сердцевина была вся уже съѣдена, и караулить *куль одырз*; когда послѣдній пришелъ—его немедленно схватили и засадили въ желѣзную бочку, отъ сидѣнія въ которой онъ высохъ, какъ щепка. Отецъ *нуми торума корсз торумз* по своей добротѣ приказалъ освободить его и не желая, чтобы онъ оставался безъ дѣла, поручилъ ему завѣдованіе подземнымъ царствомъ и приказалъ ежедневно являться къ *нуми торуму* и брать у него записи, кому слѣдуетъ умирать, а также на кого насылать болѣзни («иначе слишкомъ много людей будетъ» — думалъ *корсз торумз*); съ тѣхъ поръ *куль одырз* сталъ приходить къ *нуми*, который въ свой домъ его все таки не пускаетъ, а заставляетъ сидѣть у порога. Вернувшись въ свое царство *куль одырз* сталъ охотиться за звѣремъ птицей и рыбой, многихъ убивалъ, но еще большее количество портилъ: всякое животное, какое только онъ начиналъ ѣсть, дѣлалось чернымъ и теряло способность насыщать людей. Люди, которымъ грозила при видимомъ изобиліи съѣстныхъ припасовъ, голодная смерть, обратились за помощью къ *нуми*, который быстро спустился на землю, убилъ рябчика не дававшагося все *куль одыру*, и отличавшагося въ то время своей величиной и особенно голосомъ, гремѣвшимъ подобно грому, разрѣзалъ его на кусочки и роздалъ ихъ различнымъ животнымъ, у которыхъ отъ этого или все тѣло побѣлѣло, или только его часть, послѣдній же кусокъ олять превра-

тиль въ рябчика, но уже маленькаго и такого, котораго могъ добывать всякій охотникъ; послѣ этого люди успокоились, такъ какъ пища ихъ стала насыщать. Получивъ записи отъ *нуми*, *куль одырз* беретъ тѣни записанныхъ и гонитъ ихъ большою дубиною чрезъ тундру въ свое царство, причемъ чрезъ воду перевозитъ на огненной лодкѣ; если по ошибкѣ онъ возьметъ тѣнь раньше времени, то, по приказанію *нуми*, онъ возвращаетъ ее назадъ, и этимъ объясняются, по мнѣнію инородцевъ, продолжительные обмороки, въ которые иногда впадаютъ люди.

По разсказамъ нѣкоторыхъ инородцевъ, тѣнямъ въ подземномъ царствѣ придется карабкаться на высокія горы и переходить огненные потоки, поэтому-то инородцы никогда не бросаютъ сломанныхъ или остриженныхъ ногтей и волосъ, которые до поры до времени хранятся гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, чтобы потомъ первою по смерти весною, когда прилетятъ чирки, вырвать у нихъ два хвостовыхъ пера и вмѣстѣ сжечь; тогда эти волосы и перья дадутъ тѣни возможность перейти чрезъ огненные потоки и вскарабкаться на высокія скалы.

Вслѣдствіе такихъ взглядовъ на будущую жизнь, инородцы, когда хоронятъ своихъ покойниковъ, надѣляютъ ихъ всѣмъ, что только составляло ихъ собственность въ этой жизни и затѣмъ потомъ иногда пополняютъ этотъ запасъ, особенно съѣстными припасами, для чего въ могилѣ оставляютъ нѣчто вродѣ окошка. Умершаго стараются похоронить въ тотъ же день, когда онъ умеръ, причемъ тѣло выносятъ не чрезъ дверь, а чрезъ окно или если покойникъ въ чуму, то нарочно прорѣзаютъ отверстіе. До кладбища, расположеннаго у Маньзовъ и верховыхъ Остяковъ обыкновенно гдѣ-нибудь въ лѣсу, тѣло, вполнѣ одѣтое, несутъ на рукахъ или везутъ на оленяхъ, причемъ эти олени обязательно должны быть убиты на свѣжей могилѣ и преимущественно посредствомъ удавленія — на шею накидываютъ петлю, привязываютъ за другой конецъ къ дереву и затѣмъ ударами заставляютъ оленя бѣжать въ ту или другую сторону, такъ что онъ душитъ самого себя. Могила у Маньзовъ и верховыхъ Остяковъ вырывается не

глубже 12 вершковъ или 1 аршина и имѣть бока, выложенные деревомъ или берестой; въ такую яму опускаютъ лодку, обыкновенно однодеревку, большею частью съ отпиленной кормой и носомъ и съ уплощеннымъ дномъ и сверху закрываютъ берестой или досками; поверхъ этой ямы на высотѣ одного—двухъ вершковъ отъ земли дѣлается крышка, уплощенная и только слегка поката на обѣ стороны; крышка эта состоитъ изъ ряда тонкихъ бревенъ, расположенныхъ продольно и покрытыхъ очень искусно сверху и внизу слоями бересты, и, наконецъ, вершковъ 6—8 отъ земли возвышается еще крыша, устроенная совершенно подобно предыдущему; вещи кладутся, особенно мелкія, во внутреннюю часть и только болѣе крупныя—лыжи, и т. п. находятся на крышѣ; сверху-же могилы обыкновенно лежатъ опрокинутыя нартъ, весло, оленій шестъ, иногда лодка. Интересенъ тотъ фактъ, что надъ инородцемъ, умершимъ вдали отъ своей родины, напр. на Оби во время рыбной ловли, всегда на родинѣ совершаютъ обрядъ погребенія, причемъ такъ-же вырываютъ могилу, такъ-же кладутъ разныя вещи и даже такъ-же совершаютъ иногда нѣчто вродѣ поминокъ, какъ это бываетъ однимъ словомъ и съ обыкновенными умершими. У Самоѣдовъ и низовыхъ Остяковъ обыкновенно могилъ не роютъ, а кладутъ прямо на материкъ, причемъ сверху покрываютъ опрокинутыми нартами; у нихъ-же существуетъ обычай, чтобы жены послѣ смерти мужей дѣлали изъ бересты, дерева и шкурокъ куклы, долженствующія олицетворять покойника и впродолженіи шести мѣсяцевъ класть ее съ собой спать, угощать ѣдой, и т. д.; если этого не дѣлать, то тѣнь умершаго будетъ мстить. Внѣшними признаками траура считаются у нѣкоторыхъ инородцевъ—распусканіе волосъ, у мужчинъ впродолженіи пяти дней, у женщинъ—четырехъ: ношеніе косъ спереди, а не сзади (у мужчинъ впродолженіе пяти мѣсяцевъ, у женщинъ—четырехъ, причемъ головные платки послѣдними носятъ на изнанку.) Плача при погребеніи обыкновенно не бываетъ но это зависитъ, по всей вѣроятности, отъ того, что инородцы Сѣверо-Западной Сибири вообще не охотники плакать и если иногда этимъ и занимаются, то исключительно, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, приходилось видѣть, въ пьяномъ состояніи.

Въ привезенной коллекціи находятся слѣдующія вещи, имѣющія отношеніе къ религіи:

1. Шаманскій бубень съ палкой, обтянутой шкуркой. Въ виду того, что шаманы очень дорожатъ своими бубнами, пріобрѣтеніе бубна, имѣющагося въ коллекціи, было соединенно съ большими затрудненіями, причемъ приходилось прибѣгать ко всевозможнымъ хитростямъ, чтобы только имъ завладѣть.

2. Небольшой узкій коврикъ, употребляемый шаманами при богослуженіи; сшитъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ.

3. Мѣдная чашка, употребляемая при жертвоприношеніяхъ; означенная чашка вырыта изъ старой шаманской могилы теперь пріобрѣтается преимущественно у зырянъ по 1 р. за штуку.

4. Лебедь-домбра, музыкальный инструментъ, получившій свое названіе отъ лебедя, съ которымъ у него дѣйствительно есть кое-какое сходство; представляетъ ящикъ длинный и узкій, къ которому прикрѣплена высокая ручка, изогнутая ввидѣ лебединой шеи; струнъ девять, причемъ въ послѣднее время онѣ стали дѣлаться изъ мѣдной проволоки, между тѣмъ какъ прежде, да и теперь въ глухихъ сравнительно мѣстахъ— онѣ по прежнему изъ оленьихъ жилъ. При игрѣ лебедь ставятъ на колѣни и струны перебираютъ сразу съ двухъ сторонъ; звукъ получается довольно мелодичный; употребляется преимущественно на Оби при жертвоприношеніяхъ, при пляскахъ въ честь медвѣдя и при другихъ торжественныхъ случаяхъ; инструментъ исключительно мужской; дѣлается обыкновенно самимъ музыкантомъ. Подъ аккомпаниментъ своего инструмента музыкантъ начинаетъ пѣть обыкновенно какую-нибудь импровизацію, причемъ, если она нравится, то повторяетъ ее нѣсколько разъ; пѣніе довольно монотонное. Сюжетомъ для импровизаціи можетъ служить рѣшительно все—мертвое и живое; люди и звѣри, птицы и рыбы; предпочитаютъ однако людей, какъ дающихъ большій матеріалъ; на Оби и ея притокахъ вездѣ распѣваются пѣсни про мѣстныхъ торговцевъ, которые въ нихъ задѣваются обыкновенно довольно ѣдко.

5. *Сангульданъ* *) музыкальный инструментъ; имѣетъ видъ длиннаго и узкаго ящика, снабженъ пятью струнами; употреб-

*) Струна — *танъ*; перекладина для струнъ — *накъ*; палочки, съ помощью которыхъ струны натягиваются, тоже *накъ*.

ляется, главнымъ образомъ, на притокахъ средняго теченія Оби; струны почти всегда дѣлаются изъ оленьихъ жилъ, которыя предпочитаютъ сравнительно съ металлическими; при игрѣ инструментъ кладутъ на колѣни и начинаютъ играть сразу двумя руками; звукъ получается въ высшей степени мягкій и мелодичный. Сангульдапъ очень распространенъ и всегда употребляется при жертвоприношеніяхъ и при другихъ торжественныхъ случаяхъ; дѣлается преимущественно изъ ели.

6. *Эва тумранг* — женскій музыкальный инструментъ, дѣлаемый изъ берцовой кости оленя или лося и имѣющій видъ пластинки, длиною до 4 вершковъ и шириною до $\frac{3}{4}$ вершка; сильно напоминаетъ отдѣльный ладъ въ гармоніи или отдѣльный клавишъ въ рояли; въ серединѣ его по продольному направленію вырѣзана узкая пластинка, прикрѣпленная только однимъ концомъ къ остальной части инструмента, тутъ-же прикрѣплена и оленья жила; инструментъ при игрѣ берутъ въ ротъ, прикладываютъ языкъ къ средней пластинкѣ и начинаютъ производить быстрыя подергиванья жилой; тогда появляется звукъ очень слабый, но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ слухъ напрягается, онъ становится все сильнѣе и сильнѣе; звукъ довольно мелодичный; инструментъ этотъ составляетъ исключительную принадлежность женщинъ и преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которыя принадлежатъ къ Маньзамъ.

7—9. Три берестяныхъ маски—*сасг уильтг*; употребляются при пляскахъ и представленіяхъ въ честь медвѣдя и дѣлаются изъ вываренной бересты, причемъ брови, усы и борода окрашиваются или нѣрпомъ, или котельной сажей; иногда подвязываются къ носу или подбородку какіе-нибудь кружечки, треугольники, и т. д., носы большею частью дѣлаются безобразными. Назначеніе масокъ скрывать лица пляшущихъ и играющихъ отъ медвѣдя и отъ зрителей, такъ какъ медвѣдь, хотя и любитъ увеселенія, но не любитъ нахальства, и поэтому плясать и въ тоже время смотрѣть ему въ глаза нельзя; что же касается до такого отношенія къ зрителямъ, то, быть можетъ, это вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что играющіе часто позволяютъ себѣ высказывать своему начальству,

особенно родовому, довольно ѣдкую правду и сердиться на это по обычаю нельзя.

10. Модель могилы Маньза; сдѣланная согласно описанію, помѣщенному раньше; если не имѣется подходящей (болѣе или менѣе старой) лодки, то дѣлаютъ ящикъ, все таки похожій на лодку; причемъ не надо упускать изъ виду, что могила землей не засыпается и не смотря на это, несмотря на неглубокое погребеніе, запаха обыкновенно на кладбищахъ не замѣчается, что, конечно, зависитъ отъ плотнаго закупориванія могилы берестой въ нѣсколько слоевъ и отъ мѣстныхъ климатическихъ условій, которыя не позволяютъ сильно оттаивать землѣ, такъ что даже на глубинѣ аршина не рѣдко можно найти уже мерзлый слой, лишь въ рѣдкіе года подверженный оттаиванью.

11—13. Маленькія деревянныя лопаточки, которыя обыкновенно кладутся въ могилу и въ моментъ погребенія, и во время поминокъ вмѣсто ложекъ; такія-же лопаточки употребляются и при жертвоприношеніяхъ, такъ какъ, по мнѣнію инородцевъ, боги ѣдятъ пищу ими, а не ложками; по этому у всякаго идола, какъ въ его казнохранилищѣ, такъ и въ мѣстѣ приношенія жертвъ, всегда находится не мало такихъ лопаточекъ, приносимыхъ вмѣстѣ съ пищей вѣрующими своимъ богамъ.

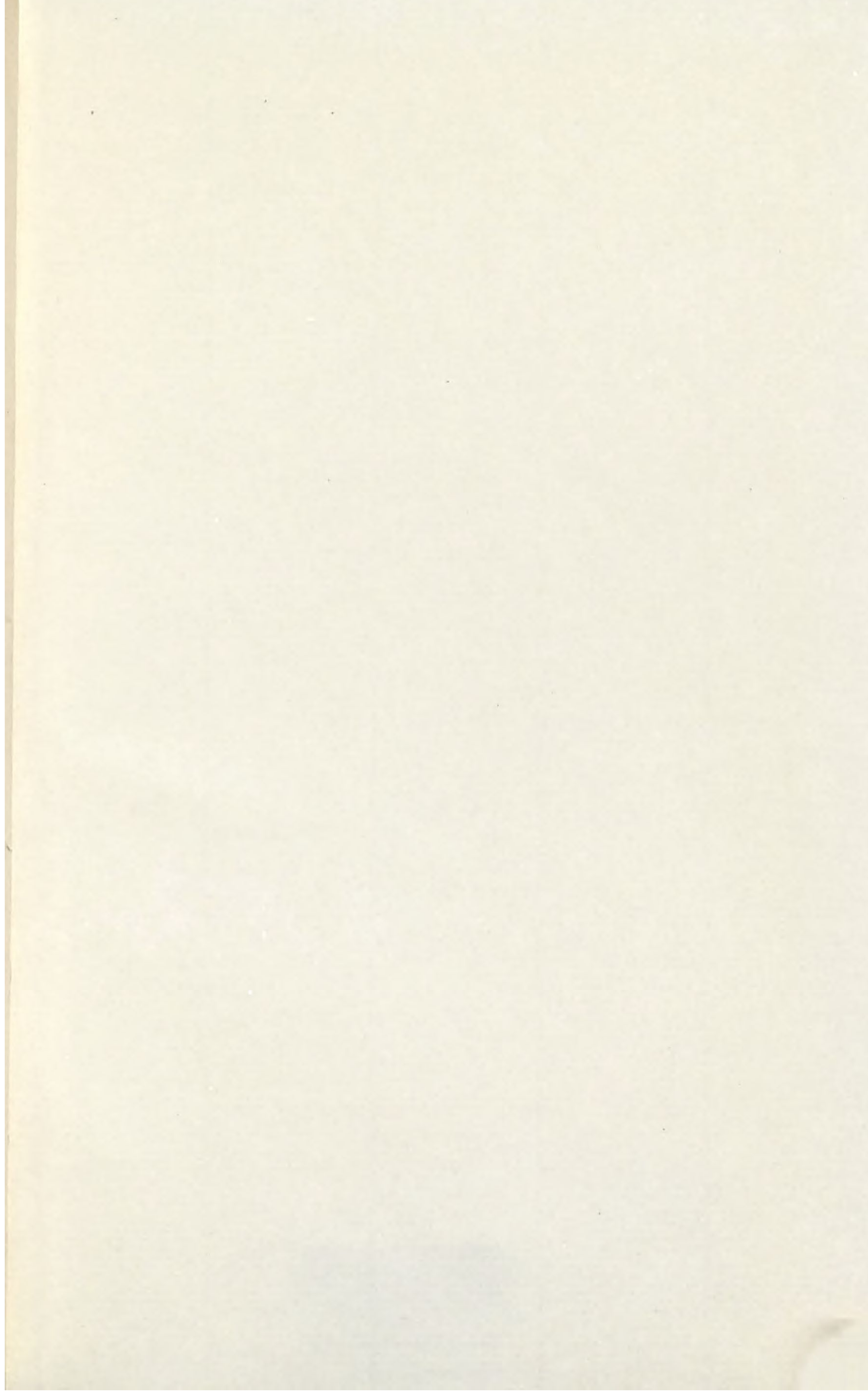
14. Кукла, дѣлаемая самоѣдками и низовыми остячками по смерти мужа и сохраняемая обыкновенно въ продолженіи полугода; она помѣщается всегда въ почетномъ мѣстѣ, которое при жизни составляло принадлежность хозяина; это время считается временемъ траура и рѣдко какая-нибудь изъ вдовъ рѣшится вновь выйти замужъ ранѣе истеченія положеннаго срока; одежда и украшенія дѣлаются подобными настоящимъ; иногда даже какая-нибудь старательная вдова дѣлаетъ предварительно куклу изъ дерева, причемъ лицо или раскрашиваетъ, или вырѣзаетъ, но это бываетъ довольно рѣдко, по всей вѣроятности, потому, что эти инородцы не могутъ похвастаться умѣніемъ хорошо рѣзать по дереву.

Что касается собственно до изображеній идоловъ, то, какъ было уже сказано, они дѣлаются изъ дерева, изъ металла

и очень рѣдко изъ кости; идолы общественные, преимущественно, вырѣзаются въ деревьяхъ, еще продолжающихъ расти; идолы же домовые и частные представляютъ изъ себя часто просто совершенно не обдѣланныя полочки, обвернутыя шкурками или платками; въ послѣднее время инородцы стали пріобрѣтать у русскихъ и зырянъ простыя дѣтскія деревянныя игрушки и признавать ихъ за изображенія своихъ боговъ въ настоящемъ ихъ видѣ или въ томъ, какой они иногда принимаютъ, являясь на землю и какой у нихъ былъ въ то время, когда они боролись между собой и съ разными богатырями и великанами; при такомъ превращеніи русскихъ игрушекъ въ изображенія инородческихъ боговъ не происходитъ какой-нибудь церемоніи, а просто вещь кладется въ ту шкатулку, гдѣ обыкновенно хранятся священные предметы и этого вполне достаточно для признанія ихъ священными и для поклоненія имъ. При раскопкахъ старыхъ могилъ приходилось находить маленькія литыя изображенія фигуръ—человѣческихъ, птичьихъ и какихъ-то звѣриныхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя извѣстны подъ названіемъ чудскихъ и которыя въ большомъ количествѣ находятся также въ Приуральскомъ краѣ, особенно въ сѣверной его части; по рассказамъ стариковъ эти изображенія не дѣлались на мѣстѣ, а откуда-то привозились и почитались вмѣсто идоловъ.

Для лучшаго ознакомленія съ характеромъ погребенія самая выгодная находка это шаманская могила, такъ какъ въ ней всегда можно найти помимо обыденныхъ вещей, и изображенія боговъ, и разные талисманы ввидѣ просверленныхъ зубовъ разныхъ животныхъ, ихъ челюстей, разныя мелкія кости и въ томъ числѣ черепа, имѣющіе то или другое таинственное значеніе. Среди полутора-сотъ раскопанныхъ мною древнихъ могилъ мнѣ удалось напасть на двѣ шаманскихъ, изъ которыхъ я и извлекъ тѣ изображенія идоловъ и тѣ талисманы, которые имѣются въ коллекціи.

Къ предметамъ, перечисленнымъ въ этомъ краткомъ предварительномъ очеркѣ, необходимо прибавить еще до семидесяти фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ мною какъ съ представителей мѣстнаго населенія, такъ и съ различныхъ принадлежностей ихъ быта, что даетъ возможность дополнить отсутствующія модели нѣкоторыхъ построекъ; такъ что однимъ словомъ, жизнь мѣстнаго края съ его природой и населеніемъ можетъ быть представлена болѣе или менѣе полно, что и было руководящей идеей при составленіи привезенной коллекціи.

Buchbinderei
H. Pantele

22. Nov. 2001

85376 Massenhausen
Telefon 0 81 65 / 8 01 21

Gondatti, Nikolaj L'vovič,

Predvaritel'nyj otčet o počzdkě v sěvero-zapadnuju Sibir'

Moskva 1888

4 lt.sing. 372 f

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11500716-1